Пророчества Авеля

О будущем России

МИР КНИГИ

Пророчества Авеля

О будущем России

2014

ББК 86.42
П81

П81 **Пророчества Авеля о будущем России.**— СПб.: Издательство «ТДЛ», 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-906725-27-1

День смерти российской императрицы Екатерины II был назван с удивительной точностью за год до ее кончины. Дата гибели Павла I точно была указана еще за четыре года до цареубийства. Сожжение Москвы во время наполеоновского нашествия было напророчено с точным указанием времени еще за десять лет до этого события. Заговор декабристов предречен был за восемь лет до их восстания на Сенатской площади. Имена всех русских царей в их очередности правления вслед за Павлом I; трагическая кончина последнего царя, а вместе с ней конец царствования дома Романовых и вообще российского самодержавия; и даже Первая мировая война с участием в военных действиях танков и самолетов были предсказаны уже в самые первые годы XIX века.

У всех этих предсказаний — один и тот же автор, монах Авель, в миру крестьянин Василий Васильев.

Кто он? Русский Нострадамус? Новый пророк? Юродивый? Трудно ответить. Он прожил очень нелегкую жизнь, много путешествовал, жил в пустыне, высшее знание и способность видеть будущее чрезвычайно ярко. Предсказывал будущее, встречался с монархами, имея с ними длительные разговоры. В жизни повидал больше горя, чем радости. Но жил в Боге и с Богом, который и помог ему все претерпеть...

ББК 86.42

ISBN 978-5-906725-27-1

Авель — монах-предсказатель, родился в 1757 году. Происхождения крестьянского. За свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию императора Николая I Авель был заточен в Спасо-Ефимьевский монастырь, где и умер в 1841 году.

Энциклопедия
Брокгауза и Эфрона, том 1

Вещий Авель — жизнеописание и пророчества

Этого удивительного человека еще при жизни прозвали современники «Вещим Авелем», а потомки — «Русским Нострадамусом». Родился он в деревне Акулово 18 марта 1757 года. Умер в страшном Спасо-Ефимовском монастыре, что в городе Суздале. А был тот монастырь скорее не духовной обителью, а настоящей церковной тюрьмой для инакомыслящих, не в рамках догм тех лет, граждан Российской империи духовного сословия. В миру звали его Василием Васильевым. Потом при монашеском первом постриге получил он имя инока Адама. А при втором постриге — инока Авеля, под которым он и вошел в русскую историю.

Почему же запомнила его столь беспамятная и вольнопамятная русская история? Да

потому, что предсказал он вещи удивительные, да с такой точностью, что невольно возникал вопрос: откуда, кроме как слыша голоса свыше, мог знать он заранее подобные вещи?

В Библии четко сказано, как различить пророка истинного от пророка ложного: если сказал и исполнилось — то это пророк истинный, видящий будущее и провозглашающий волю Небес. А если сказал и не исполнилось — не истинным будет тот пророк.

Во Второзаконии читаем: *«Пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти. И если скажешь в сердце твоем: "как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?". Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, — не бойся его».* (Втор. 18, 20-22).

Все, что говорил и предвещал Авель, исполнилось с удивительной, почти дотошно-мелочной точностью.

И еще, когда читаешь его жизнеописание, вновь возникает странное ощущение, отсылающее читателя к Библии. Жизнь пророков во

все времена была нелегка. Народ их боялся, даже избегал. Да и сами пророки не стремились к исполнению своей пророческой миссии и всячески старались отказаться от навязанной им свыше участи. Они прекрасно понимали, что предвещать должны гибель и разрушение не по собственной воле. Они — орудие в руках Бога. А никто из людей не рад услышать вести о грядущих бедах и катастрофах. И всегда претерпевали пророки многие наказания от людей в этом мире. Не избежал их и Авель Вещий, большую часть жизни своей просидевший по острогам. Но поражает и другое: он безусловно знал, что ожидает его в будущем наказание. И при этом с поистине маниакальной настойчивости шел к своей гибели, которой грозила любая встреча с представителями русской императорской семьи. Сам на допросах он говорил, что не может пойти против своей совести и повеления высшего Гласа. И этот неукротимый порыв толкал его в объятия страшной судьбы. Памятуя о том, что до царского дворца его вряд ли допустят, он исхитрялся сделать так, чтобы все чиновники, как то светские, так и церковные, при любом общении с ними заподозрили в нем смутьяна и передали бы дальше по инстанциям для дальнейшего расследования его поли-

тического дела. И те передавали монаха и его сочинения все дальше и дальше, так что из самого дна жизни русской глубинки доходила информация о нем до царских ушей. И проделал он это не один раз, а трижды. Прямо-таки какой-то извращенный план. Так много терпеть и страдать, чтобы лишь передать информацию имперского уровня о грядущих их бедах. И сразу же после этого на долгие годы погрузиться в беды собственные в тюремных казематах, в оковах и на цепи...

Личность инока Авеля до сих пор остается одной из самых загадочных и необычных фигур в русской истории XVIII-XIX веков. Кто он — один из юродивых, которых так любит русский народ? Или пророк, видящий будущее с удивительной точностью? Его имя не так важно в истории церковной, сколько удивительно связано с трагической судьбой дома Романовых, будущее которых довелось ему узнать заранее, еще в XVIII веке. Уже тогда ведомы ему были имена всех русских царей в их очередности правления. Тогда, из своего далёка, видел он конец самодержавия и царствования дома Романовых. И царственные особы, хоть и сажали его потом за слова его в казематы и узилища, но словам верили. А как иначе можно объяснить, как простой

монах крестьянского происхождения имел личные встречи с тремя императорами без свидетелей...

Императорам он пророчествовал столь необычно зловеще, что слова его заканчивались для него заключением... И страшной славой... ибо каждый последующий правитель знал о нем, освобождал и призывал его к себе. И так трижды. И вновь повторялась история: короткий путь страдальца из царского дворца до тюремной или монастырской камеры.

Эти свидетельства сохранились в архивах дома Романовых...

Но не только судьбу царственных особ видел и предрекал инок Авель. О будущем России предрекал. Видел он и Первую мировую войну, и революцию, и нового Батыя — Гитлера с его несметными полчищами.

Какие же слова и знания не давали ему спокойно жить в монастырской келье? Что он так хотел рассказать царственным особам?

Приведем ниже короткий список основных предсказаний «русского Нострадамуса».

Предсказания императрице *Екатерине «...царствовать будет 40 лет».* Более того, инок Авель с удивительной точностью за три года до ее кончины назвал точную дату ее смерти. А также свидетельствовал о страш-

ной судьбе ее покойного мужа — императора Петра III. Конечно же какие-то слухи в народе ходили об этой таинственной смерти. Но никто точно ничего не знал, а Авель не только знал, но и подробно описал это событие в первой из своих тетрадей. В этой же тетради писал он и о монаршем семейном разладе: о трудных отношениях Екатерины и ее будущего преемника Павла I.

Предсказания императору *Павлу I: С* этим российским императором Авель встречался лично и так говорил: *«коротко будет царствие твоё, и вижу я лютый конец твой. ...от неверных слуг мучительскую кончину примешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей».* Точную дату гибели императора Павла I инок Авель назвал еще за четыре года до цареубийства.

Предсказания о царствовании императора *Александра I: «Француз Москву при нём спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек ему покажется венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы...»* Судьба Москвы во время Отечественной войны с Наполеоном 1812 года была напроро-

чена с точным указанием даты за десять лет до самого трагического этого события.

Предсказания о царствовании императора *Николая I: «Начало правления Николая дракой, бунтом вольтерьянским начнется...»* Так рек инок Авель о заговоре декабристов и о будущем восстании на Сенатской площади за восемь лет до исторических событий.

Предсказания о царствовании императора *Александра II : «Царём-Освободителем предначенный... крепостным он свободу даст, а после турок побьёт и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, “охоту” на него начнут, убьют среди дня ясного в столице».*

Предсказания о царствовании императора *Александра III : «Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только не долго царствование будет».*

Предсказания о царствовании императора *Николая II: «Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную... На венец терновый сменит он корону царскую... Война будет... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет*

трон царский. Брат на брата восстанет... власть безбожная будет бичевать землю русскую...»

О последствиях *Октябрьской революции: «...будет жид скорпионом бичевать землю русскую, грабить святыни её, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских».*

О *Великой Отечественной войне: «...новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного царя».*

Помимо пророчеств оставил Вещий Авель после себя еще одну «зело престранную» книгу — собственную автобиографию. А странность в том, что назвал он ее «Житие и страдание отца и монаха Авеля». Словом «Житие» принято на Руси описывать жизнеописание святых. И писались они после смерти. А тут вдруг автор, простой чернorизец жизнь свою «житием» назвал... Экая дерзость, кажется...

А может быть, и нет!..

До него лишь один человек на Руси дерзнул назвать описание собственной жизни таким словом. И жил он незадолго до монаха Авеля, и было ему имя протопоп Аввакум, мятежник и безумец в Духе. Взбунтовался он

против реформ церковных, наперекор всему пошел, жизнью за этот подвиг расплатился...

Может, и не случайно такое совпадение. Не дерзость руководила ими в выборе названия для собственных сочинений, а уверенность в своем предназначении, готовность пройти тернистый путь собственной жизни до самого ужасного ее конца, ибо так СВЫШЕ ИМ БЫЛО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО. И свято они в это верили. И готовы ради этой высшей силы претерпеть многое и самое ужасное.

***

Родился он в дереве Акулово Алексенской округи Тульской губернии в 1757 году. При рождении был наречен Василием. Родители будущего пророка занимались крестьянским трудом. Крепостными были у князя Д. Л. Нарышкина. Как сам он писал в своем «Житии»: «...В семье хлебопашца и коновала Василия и жены его Ксении родился сын — Василий, один из девятерых детей».

Но по проторенной родительской дороге Василий идти не хотел. Неугомонного сына тянуло к странствиям и к Божьим тайнам. Уже с 10 лет стал он задумываться о том, чтобы покинуть отчий дом, так как «больше у него было внимания о божестве и о боже-

ственной судьбе», а не о благах мирских. Не захотел Василий пойти по стопам отца, а все более и более склонялся в душе своей к таинственным «мудрованиям».

По воле отца своего оженили Василия в 17 лет на девице Анастасии. Со временем родилось у него и трое сыновей. Но так как оженили его «против воли», то «для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам».

Тогда же семнадцатилетний Василий обучился грамоте, засел за книжки; но для пропитания освоил и плотническое мастерство.

Через два года бросил Василий свою семью и свою деревню и отправился странствовать в «южныя и западныя, а потом в восточныя страны», и бродил он так по Руси целых девять лет, исходив ее вдоль и поперек.

Дошел он и до города Херсона, где применял свое плотническое искусство «при строении кораблей». Тогда же и застигла его тяжелая болезнь. Во время болезни Авель горячо молился и в молитве поклялся в том, что «ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там еще год». Тогда же, по-видимому, и проснулась в нем тяга к мо-

настырской уединенной жизни. Сам себя в те годы он описывает так: «человек был простой, без всякого научения, и видом угрюмый».

По возвращении в родную деревню стал он просить у своего отца и матери разрешения уйти в монастырь. Родители воспротивились — как же отпустить кормильца? Да ведь и семья, и дети... Кто ж о них-то позаботится? Так и не дали они своего благословения сыну...

Однако Василия это не остановило. Тайно покинул он родную деревню и всех сродников своих. Пешком, кормясь подаянием, добрался он до престольного города Санкт-Петербурга. Там чудом пробился на прием к действительному камергеру Льву Нарышкину, служившему при дворе самого государя обершталмейстером. Нарышкин был его барином, а Василий его крепостным. Уж какими же словами выпросил простой крестьянин себе вольную у своего господина, мы не знаем, однако свободу он все-таки получил.

И тогда ушел он от них тайно в Валаамский монастырь, где и принял постриг с именем Адама, а из него в Валаамскую пустынь. Случилось это по осени 1785 года, когда Василий появился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. Тогда же и попро-

сил он настоятеля позволить ему пожить в стенах монастыря. Игумен Назарий принял странника приветливо, выделил ему келью. Но не долго прожил в ней Василий. Через год потянуло его к одиночеству и тогда испросил он у игумена разрешения, чтобы отправиться в «пустынь», в «место уединенное». Там поселился он отшельником в скиту с одной лишь целью, как сам свидетельствовал позже: чтобы принять «попустительство искусов великих и превеликих».

Там, в одиночестве, и переживает Авель свой первый мистический опыт, когда какой-то мощный порыв, идущий из самой его глубины, толкает его на совершение странных поступков и действий; когда все его существо как бы поднимается над этим миром и видит другими глазами прошлое и будущее. Состояния такого молитвенного экстаза были достаточно длительными. Подчас целые сутки испытывал Авель мистический транс. В своем житии монах описал свой опыт достаточно подробно, но безжалостная цензура вымарала эти страницы из текста. Поэтому представить точно, какие беспокойные мысли тревожили его разум, какие душевные борения он испытывал, через какие испытания прошел, читателю, конечно, очень трудно. Лишь намек на

них сохранился в чудом уцелевшем тексте: смутное упоминание о бесовских искушениях инока-отшельника в Валаамском скиту, где «множество темных духов нападаше нань». И утверждает там же Авель, что преодолел он все соблазны и все, посланное ему. И тогда же случилось с ним божественное чудо, которое окончательно определило его судьбу: «сказа ему безвестная и тайная Господь» о том, что будет впредь всему миру. Тогда будто бы взяли Авеля два неких светлых духа и сказали ему: «Буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи и напиши. И прочая таковая многая к нему глаголаша».

А в ночь на 1 ноября 1787 года («...в лето от Адама 7295») было ему еще одно «дивное видение и предивное», длившееся «не меньше тридесяти часов». Тогда молвил ему Господь о тайнах будущего: «Господь же... рече к нему, сказывая ему тайная и безвестная, и что будет ему и что будет всему миру». «И от того время отец Авель стал вся познавать и вся разуметь и пророчествовать».

Тогда же, после глубокого душевного потрясения, и проявился у Авеля пророческий дар. Всю оставшуюся жизнь прожил монах в окружении странных голосов и необъяснимых явлений, ставших его постоянными спутниками. Странные голоса передавали ему необычные вести, а он, воли своей не имея, уже, пророчествовал, не задумываясь о собственной дальнейшей участи.

В марте 1796 года на допросе в Тайной экспедиции спросили его, когда же впервые услышал он «глас»?

На что ответил Авель: когда был он в пустыни Валаамской и «во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне всю правду, еже аз тебе заповедаю...» И услышал монах слова эти по собственному утверждению в марте 1778 года.

Рассказал он следующее. Будто вознесли его на небо и показали две книги, а он лишь в подробностях пересказал их потом в своих писаниях. Тогда же и стал он слышать «глас» указующий, который повелевал ему сделать или сказать что-то. И стал исполнять Авель все приказания «гласа» всю свою жизнь, несмотря на горести и беды, которые не замед-

лили себя ждать, и о которых пророк неминуемо знал. Но противиться судьбе своей и «гласу» указующему он попросту не мог.

Как библейский пророк, он слышал голоса и видел картины будущего. Это подтверждает и сам пророк, ссылаясь на библейских персонажей, подобно которым был он «вознесен», и слышал, и видел будущее. И все время тяготела над ним внешняя воля...

Покинул он пустынь и монастырь и пошел странником по земле православной, по российским просторам, градам и весям, обошел «многая страны и грады с проповедью Слова Божия». И так девять лет прошли в скитаниях.

По прошествии этих лет пришел он к Волге и поселился в монастыре Николая Чудотворца Бабайки Костромской епархии. Здесь и взялся он впервые за писательский труд и написал первую из своих «зело престрашных» и пророческих книг, «книгу мудрая и премудрая». В ней и изложил свое видение и сообщил, в каком месяце, в какой день и час и какой смертью умрет царица. А до смерти царицы Екатерины Великой было еще тому три года.

Книги его страшные, к сожалению, до наших дней не дошли, а бесследно исчезли еще в XIX веке.

А в житии его есть такие слова: «И написал он в той обители книгу мудрую и премудрую, в ней же написано о царской фамилии».

И с этой книги начал он свой тернистый путь «вещего инока», Авеля Вещего.

Об этом периоде жизни монаха свидетельствует и генерал Алексей Петрович Ермолов, участник Отечественной войны 1812 года, находившийся в то время в Костроме. В своих воспоминаниях он пишет: «В то время проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычной верностью».

Далее Авель совершает свой первый непредсказуемый шаг на пути к собственной гибели. Зимой 1796 года он показал написанное монаху Аркадию, а тот немедленно рассказал об этой «крамоле» настоятелю монастыря. Настоятель затребовал книгу к себе. А прочитав «удивительное и преудивительное» сочинение чернеца Авеля, премного испугался, и чтобы снять с себя всякую ответственность, сейчас же отправил книгу и ее сочинителя под конвоем в Кострому, в духовную конси-

сторию. А оттуда его отослали к правящему епархиальному архиерею, костромскому епископу Павлу, поскольку справедливо рассудил настоятель, что у того «сан поболе и лоб повыше, пускай разбирается».

Книгу епископ Павел прочитал и премного озадачился, почуяв явную ересь. Призвал епископ монаха на допрос. Поначалу было посоветовал епископ новоявленному провидцу забыть о написанном и возвращаться в монастырь — грехи замаливать. Но стал допытываться, кто ж надоумил его на такое святотатство, как книга его еретическая. Упорствовал Авель, на своем стоял и говорил, что книгу свою писал сам, не списывал, а сочинял из видения; «ибо, будучи в Валааме, пришед к заутрени в церковь, равно как бы апостол Павел восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал...»

Тут епископ по-настоящему рассердился от наглости такой: простой монах, а сравнивает себя с апостолом Павлом!.. Не сдержался, ударил монаха троекратрно и так закричал: «Сия твоя книга написана под смертною казнию!» Но и это не образумило упрямца.

Вздохнул епископ, сплюнул, чертыхнулся сгоряча, перекрестился, вспомнил об указе от

19 октября 1762 года, который за подобные писания предусматривал расстриг из монахов и заключение под стражу. Но тут же всплыло в голове епископа, что «темна вода во облацех», кто его знает, этого пророка.

Крамольную книгу уничтожить собственноручно епископ не решился — ведь были в ней описаны «различные царские секреты». Вдруг и впрямь ему что-то тайное ведомо, все же пророчествовал не кому-то, самой императрице...

А далее собственной волей расстриг крамольного монаха, чтобы, не дай бог, не навлечь на себя лишнюю ответственность, проблемы и хлопоты.

Епископ Костромской и Галицкий ответственности не любил, потому сплавил упрямого пророка с рук на руки губернатору: отослал книгу вместе с ее автором в губернское правление. То есть сделал так, чтобы в дальнейшем этим еретическим делом занимались не церковные, а светские власти. Так попал Авель в костромской острог. И сам губернатор, прочтя книгу, в которой содержались «царские имена и царские секреты», пожелал поговорить с бедным монахом, пытаясь выведать, откуда знает он дату смерти царицы и то, что «и смерть ей приключится скоропостижная»...

Из острога под строгим конвоем, «чтобы по дороге речами неразумными и предсказаниями бредовыми людей не смущал», отправили самозваного предсказателя в Петербург.

Тайная экспедиция в Петербурге мгновенно заинтересовалась крамольными книгами и самим «предсказателем». Суть дела доложили графу Самойлову, генерал-прокурору. Насколько важной была вся информация, касавшаяся коронованных особ, следует из того, что граф сам прибыл в Тайную экспедицию, долго беседовал с провидцем, порешил было, что перед ним юродивый. Беседовал с Авелем на «на высоких тонах», ударил по лицу, кричал на него: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова на земного бога? Кто научил тебя такие секреты писать и зачем ты стал такую книгу составлять?» А Авель все одно ответствовал: «Меня научил эту книгу писать Господь Бог, Тот, Кто сотворил Небо и Землю, и вся иже в них. Тот же повелел мне и все секреты оставлять!»

Начались допросы, подробно записанные. Занялся делом строптивого монаха следователь Александр Макаров. И в разговоре с ним Авель от своих слов не отказывался. Наоборот, утверждал, что «мучился совестью де-

вять лет, с 1787 года, со дня видения». И что желал и боялся «об оном гласе сказать Ея Величеству». И вот в Бабаевском монастыре все же не выдержал и записал свои видения.

В любом ином случае попросту сгноили бы безумца и крамольника в тюремных подвалах. Да не решились следователи — ведь о царской фамилии, о самой государыне императрице, он в книгах своих писал.

Как уже говорилось, допрашивал Авеля преемник шефа Тайной экспедиции, знаменитого Шешковского, Александр Макаров. Тексты допросов уцелели.

Вопрос: Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ: Крещен в веру греческого исповедания, которую содержа повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям; женат, детей трое сыновей; женат против воли и для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос: Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним — пособие?

Ответ: Когда было еще 10 лет от роду; то и начал мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу; а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и матерь, жену и чада и вся имени Моего рода, той сторицею вся приимет и вселится в царствии небесном». Внемля сему; вячше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил жениться; а по прошествии несколько тому времени начал обучаться российской грамоте, а потом учился и плотничной работе.

Вопрос: Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ: Когда был в пустыне Валаамской, во едино время был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. Первое скажи ей, егда воцарится сын ее Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его земля турецкая, а сам султан дань станет платить. И еще рцы северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов.

Вопрос: Для чего внес в книгу свою такие слова, которые касаются Ея Величества и именно, акиби на ню сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ: На сие ответствую, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертной казнью, что я восстание в книге своей разумея словом и мыслию; признаюся чистосердечно, что сам сии слова написал потому что он, то есть сын, есть человек подобострастен, как и мы...

В своем отчете следователь Макаров записал, что, по словам Авеля, пророческое видение явилось ему впервые 18 лет назад, в марте 1778 года. По утверждению монаха, однажды утром, затемно, Авель «был вознесен на небо», где ему открылись две большие книги, содержание которых он впоследствии в своих писаниях лишь пересказывал, «сочинял из видения». С этого же времени стал он слышать некий «глас» указующий, который повелевал ему сделать или сказать тому-то то-то или поступить так-то.

Тогда же было дано ему видение, что «ожидаемый мессия уже объявился на земле, а именно в русском городе Орле под именем Федора Крюкова».

Получив такую информацию, Авель поехал в Орел на поиски этого человека. И нашел там торговца Федора Крюкова, с которым долго беседовал и договорился о новой с ним встрече в городе Киеве. Встрече же этой состояться было не суждено, поскольку к этому времени Авеля арестовали. Однако именно из-за этого разговора отправился Авель в паломнический путь в Константинополь через Орел, Сумы, Полтаву и Херсон.

Следователь Макаров задавал еще много других вопросов по поводу императрицы и цесаревича Павла. Церковные и религиозные дела волновали его мало. А потому и удивился сильно, когда на свой вопрос вдруг получил ответный от Авеля: «Есть ли Бог и есть ли Диавол, и признаются ли они Макаровым?»

За этим материалы следствия легли на стол обер-прокурору правительствующего Сената, и генерал Самойлов доложил о монахе Авеле лично императрице. Та, в свою очередь, поинтересовалась, «кто же такой Авель есть и откуда?».

Матушка государыня Екатерина Великая была женщиной конкретной и трезвомыслящей, мистики чуралась и не любила. Сама пьесы писала для театра, чтобы публично

высмеять «волшебника» графа Калиостро или мудреные обряды русских масонов.

Но на пророка зловещего, осмелившегося писать о ее жизни и смерти, решила взглянуть.

Привели Авеля пред светлые очи государыни. И ей сказал он точную дату ее смерти, немало ее расстроив.

Поначалу она «за сие дерзновение и буйственность» хотела казнить монаха по закону. Но потом смягчилась, решила проявить великодушие и подписала указ от 17 марта 1796 года: «Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти по государственным законам заслуживает смертную казнь; но Ея Императорское Величество, облегчая

строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурору, хранить в Тайной экспедиции».

9 марта 1796 года Авеля привезли в Шлиссельбургскую крепость. Разместили его в камере под номером 22, где и предстояло узнику коротать свое пожизненное заключение.

И провел в ней Авель десять месяцев и десять дней в строжайшей изоляции... Там же и узнал он новость, давно ему ведомую...

А 5 ноября того же года императрицу нашли без чувств на полу покоя. Ее поразил удар. А на следующий день, 6 ноября 1796 года, государыня тихо отошла в мир иной. Все случилось в точности, как написал инок за три года до реальных событий...

В тот же день на трон Российской империи взошел сын Екатерины — император Павел I.

В наследство ему досталась не только власть над бескрайними просторами Русской империи, но и огромное количество незавершенных дел, проектов и множество бумаг. Первым делом внимание нового императора привлекли секретные документы императорского кабинета.

Дни главы Сената генерала Самойлова были сочтены. На его место был назначен князь Александр Борисович Куракин, опытный царедворец. Разбирая секретные бумаги, натолкнулся он на пакет, запечатанный личной печатью генерал-прокурора графа Самойлова. Вскрыв этот пакет, Куракин обнаружил в нем ужасным почерком записанные предсказания, от которых он просто похолодел. Ведь роковое предсказание о смерти императрицы уже сбылось! Тогда и порешил князь Куракин передать императору записки сидевшего в каземате пророка.

Павел же, по прочтении их, повелел немедленно отыскать «столь зрячего провидца», монаха Авеля. Нашли его в Шлиссельбургской крепости. Князь А. Б. Куракин объявил коменданту Шлиссельбургской крепости Колюбякину прислать в Петербург

арестанта Васильева. Доставили немедленно того под конвоем пред светлые очи нового императора. И случилось это 12 декабря 1796 года...

Состоялась длительная приватная аудиенция в личных апартаментах без свидетелей.

Многие исследователи и современники событий утверждают, что именно тогда Авель прямо в глаза императору назвал дату смерти самого Павла и на двести лет вперед предсказал судьбу российской монархии. Говорят также, что именно тогда и появилось знаменитое завещание Павла I. В некоторых статьях его предсказание звучит следующим образом: «Коротко будет царствование твое. На Софрония Иерусалимского — святой день памяти совпадает с днем смерти императора. В опочивальне своей будешь задушен злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. Сказано бо в Евангелии: “Враги человеку домашние его”. Может быть, в этим словах содержится намек на участие в заговоре сына Павла Петровича — Александра, будущего императора.

Если это так, то какие чувства овладели императором в момент встречи, мы можем только догадываться. Ведь узнать свое будущее хочет любой человек. Но в то же время

наравне с любопытством в душе зарождается еще и страх этого знания. Одно нам известно наверняка, Павел верил словам странного монаха. И попросил он Авеля благословить свое царствование. Далее, как свидетельствуют документы, он расспросил Авеля о том, чего бы тот хотел в жизни, на что тот ответил: «Ваше величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, еще и служить Богу».

И далее не утерпел монарх и спросил о собственном будущем. Что ответил на этот вопрос Авель — достоверно неизвестно, Житие об этом умалчивает.

Однако заметим, что император Павел I еще с детских лет по натуре своей был мистичен, имел исключительное воображение, верил в сны и предсказания. Пророков почитал, хоть и побаивался. Но в то же время и верил им безоговорочно.

Есть и другие мнения, утверждавшие, что вряд ли Авель именно во время этой аудиенции предсказал Павлу его гибель, потому как император проявил к нему искренний интерес, обласкал, выказал свое расположение и даже издал 14 декабря 1796 года высочайший рескрипт, повелевавший расстригу Авеля по его желанию постричь в монахи.

После того разговора император повелел князю Куракину поселить Авеля в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, дать ему келью и обеспечить всем, что потребуется для нормальной монастырской жизни. Повеление это было незамедлительно исполнено. В этом монастыре Авель вторично принял постриг. И, собственно говоря, это его второе имя «Авель» и запечатлела история. При первом постриге взял себе крестьянин Василий имя Адам.

Есть свидетельство о том, что еще одна встреча произошла между императором и монахом Авелем в бытность его в петербургской Александро-Невской лавре.

Приведем интересный документ о предсказании Авеля императору Павлу, опубликованный в журнале П. И. Бартенева «Русский архив». В его публикациях за номерами 1-4 за 1872 год размещены «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского», действительного статского советника, который в 1802 году занимал пост секретаря министра иностранных дел. Он, в частности, пишет: «Приходит мне на память... еще молва об арестанте Авеле, который содержался когда-то в Шлиссельбурге за какие-то пророчества. Захотели (император Павел) говорить с ним; спраши-

вали его о многом, из любопытства и о себе. При рассказе об этом разговоре Анне Петровне Лопухиной (фаворитке императора), с трепетом она зарыдала, испуганная и расстроенная». Ни страх ли за любимого ею человека вылился в этих слезах?

Эта загадочная беседа привлекла пристальное внимание Петра Николаевича Шабельского-Борка (1893-1952) — историка, писателя и собирателя древностей, который в особенности интересовался трагической эпохой царствования Павла I. П. Н. Шабельский-Борк — русский офицер, ветеран Первой мировой войны. Он также принимал активное участие в попытке освобождения царской семьи из екатеринбургского заточения. Проживая в эмиграции, занимался историческими исследованиями, которые публиковал под псевдонимом Кирибеевич. После Первой мировой войны он жил в эмиграции в Берлине, и тогда же в его руки попали уникальные документы, ныне утерянные. В начале тридцатых годов Шабельский-Борк издал свое историческое сказание под названием «Вещий инок», посвященное пророку Авелю. Интерес историка к этому человеку был далеко не случаен. Ведь именно он с удивительной точностью предсказал историю и кончи-

ну дома Романовых. А Шабельский-Борк был очевидцем этих последних трагических событий. И сам немало от большевиков пострадал. Как честный русский офицер, он не мог не задаваться вопросом о том, что ждет Россию в будущем. Что такое большевистский переворот — следствие зловещего рока, тяготеющего над Россией, или результат трагической ошибки и внутренней слабости высшего российского общества, которые не уберегли Родину и императорскую семью? Есть ли во всем произошедшем его внутренняя вина, вина офицера, который не исполнил до конца своего высшего долга?..

Ниже приведем некоторые фрагменты из его сочинения «Вещий инок», чтобы читатель попытался воочию представить, какой была эта судьбоносная встреча самодержца и простого монаха. А встреча эта имела далеко идущие последствия, о которых мы расскажем далее.

«В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего солнца, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет Кваренги блестел своими изящными линиями. Вокруг царили тишина и торжественность.

Пристальный взор императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражалась любовь, мир и отрада. Императору сразу полюбился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шел широкий сказ. К его келии в Александро-Невской лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо было императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его августейшей родительницы, ныне в бозе почивающей государыни императрицы Екатерины Алексеевны. Разгневалась тогда матушка Екатерина, что Авель ей конец пророчит, и повелела приказать его в Шлиссельбургскую крепость бросить. Так и просидел он там до Павла Петровича — мол, не пророчествуй что не следует, и беды не накликай. И только, как предсказание сбылось, то, на престол взойдя, освободил его от уз Павел Петрович. Ну, вчерашнего дня, когда речь зашла о вещем Авеле сызнова, его величество повелеть соизволил завтра же представить его в Гатчинский дворец, в коем имел тогда пребывание двор.

Полетели-помчались гонцы царские. В лавре, конечно, переполох и суета поднялись. Авеля от молитвы оторвали, в лучшие одежды монашеские облачают. И несет Авеля, инока убогого, царская тройка, колокольчиками да бубенцами заливаясь, прямо в Гатчину — к самому Павлу Петровичу. Так дело было!

Ласково улыбнувшись, император Павел Петрович всемилостивейше обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях спасался.

— Честный отец! — промолвил император. — О тебе говорят, да и я сам сие вижу, что на тебе явно почиет Благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о державе Российской? Назови поименно преемников моих на престоле Российском, предреки и их судьбу, как пред Истинным Богом.

— Эх, батюшка-царь! — покачал головой Авель. — Пошто себе печаль предречь меня принуждаешь ?

— Говори! Все говори! Ничего не утаивай! Я не боюсь, и ты не бойся такожде.

— Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На

Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей задушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. Сказано бо есть в Евангелии: “И враги человеку домашние его”. В Страстную субботу погребут тебя. Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою. Но народ русский чуткой правдивой душой своей поймет и оценит тебя, и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких над вратами твоего замка, в коем воистину обетование и о царственном роде твоем: “Дому сему подобает святыня Господня в долготу дней”.

— О сем ты прав, — волнительно признал император Павел Петрович. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя святого архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю Небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь.

А к словам сим Павла Петровича сказать следует пояснительно многим неизвестное.

Странное и чудное видение бысть часовому, у летнего дворца стоявшему. Во дворце

том в лето Господне 1754 сентября 20, Павел Петрович родился. А когда снесен дворец был, на том месте замок Михайловский воздвигся. Предстал часовому тому внезапно, в свете славы небесной, архистратиг Михаил и от видения сего обомлел в трепет часовой, фузулея в руке заходила даже. И веление архангела было, в честь его собор тут воздвигнуть и царю Павлу сие доложить, непременнейше. Особое происшествие по начальству, конечно, дошло, а оно Павлу Петровичу обо всем доносит. Павел же Петрович: "Уже знаю", — ответствует: видать-то до того ему было все ведомо, а явление часовому вроде повторения было...

— А пошто, государь, повеление архистратига Михаила не исполнил в точности? — говорит его величеству Авель со смирением. — Ни царя, ни народы не могут менять волю Божию... Зрю в нем преждевременную гробницу твою, благоверный государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет... О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — безбожном...

— Что? Святая Русь под игом безбожным? Не быть сему! — гневно нахмурился импе-

ратор Павел Петрович. — Пустое болтаешь, черноризец...

— А где татары, ваше величество? Где поляки? И с игом безбожным то же будет. О том не печалься, батюшка-царь: христоубийцы понесут свое... А потом будет безбожный люд скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господен за отречение России от святого царя.

Скорее всего здесь Авель под словами “христоубийцы” так именует “безбожников”.

И далее продолжается беседа.

Спросил император:

— Что ждет преемника моего, цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется венец царский. Подвиг служения царского заменит он подвигом поста и молитвы. Праведен будет в очах Божиих. Белым иноком в миру будет. Видал я над землей Русской звезду великого Угодника Божия. Горит она, разгорается. Подвижник сей и претворит всю судьбу Александрову...

— А кто наследует императору Александру?

— Сын твой, Николай.

— Как? У Александра не будет сына? Тогда цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восхощет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерианским зачнется. Сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая... Лет через сто примерно после того, оскудеет дом Пресвятой Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится...

— После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

— Царем-Освободителем преднареченный твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст, а после турок побьет и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. А на крови храм воздвигнется...

— Тогда и начнется тобой реченное иго безбожное?

— Нет еще. Царю-Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий, миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — святому царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: Псалмы 90, 19 и 20 открыли мне всю судьбу его: Искупитель будет. Искупит собой народ свой — бескровной жертве подобно. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет он народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет трон царский. И предан будет праправнук твой, как некогда Сын Божий на распятие. Многие потомки твои убелят одежду кровлю Агнца такожде. Мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется.

Наступит воистину казнь египетская. Кровь и слезы напоят сырую землю, крова-

вые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огонь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний, власть безбожная. И там гибель, и тут, и бежать некуда. Дым пожаров и пепелища, все живое расседается. Мертвые пустыни кругом. Ни единой души человеческой, ни твари животной. Ни дерева, ни трава не растут даже... Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от своего богопомазанника. А то ли еще будет! Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны одна горше другой будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного царя.

— Ужели сие есть кончина Державы Российской и несть не будет спасения? — вопросил Павел Петрович.

— Невозможное человеком, возможно Богу, — ответствовал Авель. — Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет в изгнании из дома твоего князь великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен,

его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел, и никтожеречет: "Царь здесь или там", но: "Это Он". Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание... Имя его трикратно суждено истории Российской. Два тезоименитых уже были на престоле, но не царском. Он же воссядет на царский, как Третий. В нем спасение и счастье Державы Российской. Пути бы иные сызнова были на русское горе...

И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены дворца, Авель нарек самое имя. Страха ради темной силы, имя сие да пребудет сокрыто во времени...

— Велика будет потом Россия, сбросив иго безбожное, — предсказал Авель далее. — Вернется к истокам древней жизни своей, ко временам равноапостольного, уму-разуму научится бедою кровавою. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и пострадает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков...

В глазах Авеля горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине. Импе-

ратор Павлович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие переживания.

— Ты говоришь, что иго безбожное нависнет лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо — о всем, ныне ты предрек мне о потомке моем Николае Втором, предупредить его, дабы пред ним открылась Книга Судеб. Да пройдет правнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпенья своего.

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою. Изложи все письменно. Я же на предсказание твое наложу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего. Иди и молись неустанно в келии своей о мне, роде моем и нашей Державы».

И было так...

Насколько рассказ «Вещий инок» соответствует исторической правде или это художественный вымысел, теперь с достоверностью сказать трудно.

А теперь, чтобы узнать продолжение этой истории, давайте обратимся к текстам еще одного свидетеля — к книгам православно-

го священника, писателя и историка Сергея Александровича Нилуса.

Ниже мы приведем *фрагмент из его работы «На берегу Божьей реки».*

«При особе ея императорского величества, государыни императрицы Александры Федоровны состояла на должности обер-камерфрау Мария Федоровна Герингер, урожденная Аделунг, внучка генерала Аделунга, воспитателя императора Александра II во время его детских и отроческих лет. По должности своей, как некогда при царицах, были “спальныя боярыни”, ей была близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни, и потому представляется чрезвычайно ценным то, что мне известно из уст этой достойной женщины.

В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках на кольцах был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю.

Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I,

Императрицей Марией Федоровной, и что было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол России.

Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом, жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всяких, не исключая и царственных, взоров.

— В утро 12 марта 1901 года, — сказывала Мария Федоровна Герингер, — и государь и государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселые, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в том ларце, никому, даже мне, с которой имели привычку делиться своими впечатлениями, ничего не сказали.

После этой поездки я заметила, что при случае государь стал поминать о 1918 годе,

как о роковом годе и для него лично и для династии».

Далее Сергей Нилус описывает необычное происшествие, подтверждающее рассказ Марии Федоровны Герингер.

«6 января 1903 года на Иордани у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила по окнам дворца, частью же около беседки на Иордани, где находилось духовенство, свита государя и сам государь. Спокойствие, с которым государь отнесся к происшествию, грозившему ему самому смертью, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Он, как говорится, бровью не повел и только спросил:

— Кто командовал батареей?

И когда ему назвали имя, то он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен будет подлежать командовавший офицер:

— Ах, бедный, бедный, как мне жаль его!

Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил: “До 18 года я ничего не боюсь...”

Есть аналогичное свидетельство и в работе вышеупомянутого историка Шабельско-

го-Борка: «11 марта 1901 года, в столетнюю годовщину мученической кончины державного прапрадеда своего, блаженного памяти императора Павла Петровича, после заупокойной литургии в Петропавловском соборе у его гробницы, государь император Николай Александрович в сопровождении министра Императорского двора генерал-адъютанта барона Фредерикса и других лиц свиты изволил прибыть в Гатчинский дворец для исполнения воли своего в бозе почивающего предка.

Умилительна была панихида.

Петропавловский собор был полон молящихся. Не только сверкало здесь шитье мундиров, присутствовали не только сановные лица. Тут были во множестве и мужицкие сермяги, и простые платки, а гробница императора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы были от верующих в чудесную помощь и представительство почившего царя за потомков своих и весь народ русский. Воочию сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет чтить память царя-мученика и притекать к гробнице его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Государь император вскрыл ларец и несколько раз прочитал сказание Авеля Веще-

го о судьбе своей и России. Он уже знал терновую судьбу, недаром, что родился в день Иова Многострадального. Знал, как много ему придется вынести на “державных плечах, знал про близь грядущие кровавые дни, смуту и великие потрясения Государства Российского, сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет покинут, предан и оставлен почти всеми”. Но вставала в державной памяти его другая, отрадная картина. В убогой монашеской келии пред Богосветлым старцем Саровским сидит двоюродный державный прадед его, Александр Благословенный. Перед образами ярко горят лампады и бесчисленные свечи. Среди образов выделяется икона Божия Матери Умиления. Благодать Божия почивает на келье. Как тогда, легко и отрадно на душе благословенному царю... Тихо, как лесной ручеек, льется пророческая речь Серафима о грядущих судьбах русских:

— Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что встанут против этого царя и его самодержавия. Ангелы не успевать брать души, все восставшие погибнут.

Еще не был пока прославлен преподобный Серафим Саровский Синодом, уже ве-

лись подготовительные к тому работы, и горячее желание благочестивейшего государя было близко к осуществлению.

Настало Водосвятие 6 января 1905 года. Загремел салют с того берега. И — вдруг близко просвистела картечь, как топором срубило древко церковной хоругви над царской головой. Но крепкою рукою успевает протодиакон подхватить падающую хоругвь, и могучим голосом запел он: “Спаси, Господи, воля твоя...” Чудо Божие хранило государя для России. Оглянулся государь, ни один мускул не дрогнул на его лице, только в лучистых глазах отразилась бесконечная грусть. Быть может, вспомнились ему тогда предсказания Серафима и Авеля Вещего, вспомнился и акафист затворника Агапия, прочитанный ему, как будущему великомученику. А поодаль промелькнул на мгновение буддийский отшельник Теракуто. О том же крестном пути ему говорил в своей келии и великий подвижник старец Варнава Гефсиманский, предрекая небывалую еще славу царскому имени его».

Другой историк А. Д. Хмелевский в своей работе «Таинственное в жизни государя императора Николая II» об этом же эпизоде пишет так: «Императору Павлу Петровичу монах-прозорливец Авель сделал предсказание

о судьбах Державы Российской, включительно до правнука его, каковым и является император Николай II Это пророческое предсказание было вложено в конверт с наложением личной печати императора Павла I с его собственноручной надписью: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины». Все государи знали об этом, но никто не дерзнул нарушить воли предка. 11 марта 1901 года, когда исполнилось 100 лет согласно завещанию, император Николай II с министром двора и лицами свиты прибыл в Гатчинский дворец и, после панихиды по императору Павлу, вскрыл пакет, откуда узнал свою тернистую судьбу. Об этом пишущий эти строки знал еще в 1905 году!..»

Все пророчества Вещего Авеля сбылись. И Николай II, конечно же, со всем доверием и вниманием отнесся к его словам касательно собственной судьбы и гибели в 1918 году.

Ведь о его несчастной судьбе пророчили уже многие. Будучи наследником, в 1891 году, во время его путешествия по Дальнему Востоку, в Японии отшельнику монах Теракуто так говорил ему: «..великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его

безрассудства...». И говорил он также, что будет вскоре знак, подтверждающий его пророчество. Через несколько дней, 29 апреля, в Нагасаки, фанатик Тсуда Сацо бросился на наследника российского престола с мечом. Принц Георг, находившийся рядом с наследником, отразил удар бамбуковой тростью, меч нанес скользящую рану по голове. Радость спасения была велика, но слова накрепко врезались в память...

Потом еще и слова монаха Авеля...

А вот и пророчество преподобного Серафима Саровского. 20 июля 1903 года императорская чета прибыла в город Саров на церковные торжества. Елена Михайловна Мотовилова, вдова служки преподобного Серафима Саровского, передала государю запечатанный конверт, который тот просил передать после своей смерти государю российскому. О чем писал в нем святой старец, доподлинно не известно. Но государь по прочтении его был «сокрушен и даже горько плакал». В те же дни отправилась царская чета к блаженной Паше Саровской. По свидетельству очевидцев, она предсказала Николаю и Александре мученическую кончину и трагедию государства российского. Государыня кричала: «Не верю! Не может быть!»

Возможно, в этом знании и есть ключ к пониманию странного поведения последнего российского императора России в последние годы: он знал свое будущее и покорился ему заранее, сознательно шел навстречу своей судьбе...

***

Но вернемся к жизни вещего инока. Чужая воля гнала монаха своей дорогой. Всего лишь год прожил он в столичной Александро-Невской лавре, после чего «вечный странник» отправился в Москву, потом на Валаам, потом вновь в Москву.

Свидетелем этого времени является и генерал А. П. Ермолов, будущий герой Бородина и усмиритель мятежного Кавказа. Первая встреча с Авелем произошла у него еще в Костроме, но были и другие. О тех временах он так пишет: «...Проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Однажды за столом у костромского губернатора Лумпа Авель во всеуслышание предсказал день и ночь кончины императрицы Екатерины II.

Причем с такой поразительной, как потом оказалось, точностью, что это было похоже на предсказание пророка. В другой раз Авель

объявил, что намерен поговорить с Павлом Петровичем, но был посажен за сию дерзость в крепость ...Авель предсказал день и час кончины нового императора Павла I. Все предсказанное Авелем буквально сбылось».

В Москве познакомился Авель с по тем временам известными «грамотеями» Матвеем Мудровым и Петром Страховым.

Заметим, кстати, что Матвей Яковлевич Мудров (1776-1831) был человеком очень набожным. Но в то же время знаменитым врачом своего времени, ординарным профессором паталогии и терапии Московского государственного университета. Именно по его проекту при Московском университете в 1820 году были открыты медицинский и клинический институты, директором которых он и был назначен. Пять раз его избирали деканом медицинского факультета. Умер он от холеры, будучи членом центральной комиссии по борьбе с этой страшной болезнью, сам заразившись. На его могильной плите на кладбище в Петербурге написано: «Под сим камнем погребено тело раба Божия Матвея Яковлевича Мудрова, старшего члена Медицинского Совета центральной холерной комиссии, доктора, профессора и директора Клинического института Московского университета, действительного

статского советника и разных орденов кавалера, окончившего земное поприще свое после долговременного служения человечеству на христианском подвиге подавания помощи зараженным холерой в Петербурге и падшего от оной жертвой своего усердия». А прославился он, войдя в историю российской медицины, оригинальным трудом, в котором врач собрал истории болезней всех больных, которых он пользовал в течение 22 лет. Это собрание состояло из 40 томов небольшого формата, куда Матвей Яковлевич заносил по особой системе все научные сведения о больном, о лекарствах, прописанных ему, и пр.

Вторым человеком, с которым стремился познакомиться монах Авель в Москве, был Петр Иванович Страхов (1757-1813). Дворянин, русский физик, профессор и ректор Московского университета (1805-1807), член-корреспондент Петербургской академии наук (1803). Отец его был священником. И, как свидетельствуют хроники, Петр с детства был увлечен религией и русской историей. «Рано высказались в нём дарования, отменная понятливость и способности; на осьмом году возраста своего он уже бойко и внятно читывал церковные книги; вместо родителя

своего читал в церкви часы и паремии; рано выучился он писать и помогал отцу своему переписывать разные летописи и подобные тому тетради и с того времени приохотился к отечественной истории и ко всякой русской старине». Позднее он стал автором первого русского учебника по физике. Является изобретателем электрофореза. Он был почётным членом Императорской медико-хирургической академии и многих заграничных учёных обществ, членом Общества истории и древностей российских, Йенского латинского общества, Общества соревнователей врачебных и физических наук.

Вот такие удивительные люди оказались друзьями простого монаха из крестьян Авеля. И кто ответит нынче на вопрос, что заставило его пешком пойти в Москву, чтобы познакомиться именно с этими людьми? О чем они говорили? Что хотел узнать от них сын простого крестьянина?

В Москве же, как свидетельствуют очевидцы, монах Авель проповедует и прорицает за деньги всем желающим.

Вскоре после этого знакомства вернулся Авель в Валаамский монастырь. Здесь по научению «началозлобного» и «мнимоестественного» демона он написал «новую зело

престрашную» книгу предсказаний, «подобну первой, еще и важнее». На этот раз книга была посвящена судьбе императора Павла I. И история вновь повторилась.

На этот раз Авель показал свои записи многим, включая настоятеля монастыря, отца Назария. Испугался отец Назарий не на шутку по прочтении этой книги, и, посовещавшись со старшей братией, отправил неспокойного монаха в Петербурскому митрополиту Амвросию, в чьем ведении находился Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.

Тот же, ознакомившись с новой крамолой, немедленно послал ее в «секретную палату, где совершаются важные секреты и государственные документы», и написал обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Книга от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листом, писанным русскими литерами, а книга писана языком неизвестным». Скорее всего, Авель зашифровал свой текст, памятуя о судьбе своей по высочайшем прочтении первой книги. И пошла книга по инстанциям и неизбежно достигла императора. По документам того времени стало известно, что ознакомившись с пророчествами валаамского инока, усмотрел император в них дерзновен-

ное предсказание собственной скорой и трагической насильственной кончины; указывался также точный срок смерти императора. И пояснялось также, что смерть ему последует в наказание за то, что не выполнил Павел своего монаршего обещания построить церковь и посвятить ее архистратигу Михаилу. И далее говорилось, что прожить государю осталось столько, сколько букв должно быть в надписи над воротами Михайловского замка, строящегося вместо обещанной церкви.

И тогда Павел I во гневе отдал приказ о немедленном заточении своего недавнего «любезного собеседника» в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

История про церковь была следующая.

Однажды караульному в старом Летнем дворце явился архистратиг Михаил и повелел построить на месте старого дворца новый, посвященный ему, архистратигу. Авель уверял Павла на встрече, что архистратиг Михаил повелел построить не замок, а храм. Павел же, построив Михайловский замок, возвел вместо храма для архангела дворец для себя.

Было также у Павла собственное видение прадеда своего Петра Великого, который в пророческом сне дважды повторил правнуку: «Бедный, бедный Павел!»

В это же время бродит по столице юродивая Ксения Петербургская, и она говорит о смерти Екатерины Великой, и предсказывает трагическую смерть императора. И так говорит, «что срок жизни отпущен Павлу в количестве годов, совпадающем с количеством букв в библейской надписи над воротами». Многие те буквы считать бросились. Оказалось — сорок семь...

Но есть у историков и другая версия. Если в книге текст был зашифрован, то как же смог прочесть его император? И потом, не была ли уже предсказана его трагическая судьба и ужасная грядущая кончина еще при первой встрече императора и пророка? Ведь не зря же горько зарыдала когда-то Анна Петровна Лопухина, любовница имперского монарха...

И дальнейшие события подтверждают, что император придал предсказанию Авеля большое значение: ведь помнил он слова Авеля о кончине своей матушки, которые уже сбылись с поразительной точностью.

Скорее всего, на решение Павла об аресте монаха повлияло то, что Авель своими сочинениями нарушил обет неразглашения тайны своих пророчеств, возможно, данный ему Авелем при их личной встрече...

Тогда же «вещего инока» вновь привезли в Петербург. И вновь произошла встреча с небезызвестным следователем Макаровым...

Навестил монаха и митрополит Амвросий, жаждущий понять этого странного человека и его писания. После встречи он отписывал обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение Ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынники даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

Сам же Авель писал Амвросию из тюремной камеры следующее: «А ныне я имею желание определиться в еврейский род и научить их познанию Христа Бога и всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

Как следует из донесения следователя генерала Макарова, 26 мая 1800 года Авель был «привезен исправно и посажен в каземат в равелине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между

тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь; нрава неспокойного».

Император повелел тогда пристально наблюдать за иноком. И тюремные наблюдатели с монаха глаз не спускали и все его «причуды и враки» подробно отписывали вышестоящему начальству.

И подходил роковой год, названный Вещим Авелем. Время, отмеренное императору Павлу Петровичу, истекало. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года он был убит своими приближенными.

Все предсказания сбылись. «Бедный, бедный Павел» скончался от «апоплексического удара», нанесенного в висок золотой табакеркой. Как говорят, в ночь убийства с крыши со страшным криком сорвалась огромная стая ворон. Говорят, что так происходит каждый год в ночь с 11 на 12 марта.

И потому ходили в народе темные слухи о страшной кончине императора. Но официальная версия сводилась к следующему: император Павел I «скоропостижно скончался от апоплексического удара». На трон вступил его старший сын Александр Павлович.

Авель продолжал находиться в казематах Петропавловской крепости. И провел он

там времени ровно десять месяцев и десять дней — столько же, сколько и в Шлиссельбургской крепости.

Новый император Александр 1 о пророке Авеле и его пророчествах безусловно знал. Отнесся к пророчествующему «черноризцу» очень настороженно. Но повелел в 1802 году выпустить монаха, но не на свободу, а выслал из Петербурга «под присмотр» в Соловецкий монастырь, а скоро и выпустил его на волю.

На свободе прожил Авель недолго: всего лишь один год и два месяца. Но за короткое время это на уединенном острове в Белом море старец успел написать свою третью «зело престрашную» книгу. В этой книге, написанной на рубеже 1803 года, он предрек события, произошедшие в реальной жизни спустя 10 лет. Тогда уже предрек он, «как будет Москва взята и в который год».

И снова история повторилась. Полетела книга вещего старца по инстанциям. И вновь дошла до императора Александра.

Еще ничто не предвещало военной угрозы 1812 года, отношения с французами были прекрасными. И Александр I не поверил Авелю, посчитал это предсказание настоящим сумасбродством. И по прочтении принял такое решение: «Монаха Авеля абие (тотчас)

заключить в Соловецкую тюрьму, и быть ему там дотоле, когда будут его пророчества сомою вещию».

На этот раз заключение оказалось очень долгим и тяжелым. В Соловецком монастыре, или на Соловках, Авель провел десять лет и многое претерпел. Как он сам пишет в своем Житии: он «десять раз был под смертию, сто раз приходил в отчаяние, 1000 раз находился в непрестанных подвигах и прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное...»

Соловецкий игумен, архимандрит Илларион, к заключенным был суров и беспощаден. Двое узников умерли от холода, голода и угарного дыма, проникавшего в камеры. Авель, по доброте душевной, пытался вступиться за них, но в ответ последовало только ужесточение режима.

Лишь когда войска Наполеона подступили к Москве и она пала, вспомнил император о пророчествах вещего старца. Князь Голицын, обер-прокурор Святейшего Синода, по поручению императора написал письмо в Соловецкий монастырь с требованием «выключить» старца Авеля из числа колодников и «включить» в число монахов на полную свободу. К письму была сделана приписка: «Еже-

ли он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург, мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить».

Архимандрит Илларион встретил данное распоряжение большим страхом, что естественно. Он боялся, что при встрече с императором Авель может рассказать о творимых в монастыре беспорядках и беззаконии: воровстве, издевательствах и избиениях заключенных, а также о том, что сам архимандрит собирался уморить Авеля голодом.

В ответном письме князю Голицыну он написал следующее: «Ныне отец Авель болен и не может он к вам быть, а разве что на будущий год весною...» В ответ император Александр I издал именной указ Святейшему Синоду с таким повелением: «непременно Авеля выпустить из Соловецкого монастыря, и дать ему паспорт, во все российские города и монастыри; при том же, чтобы он всем был доволен, платьем и деньгами».

Через некоторое время, когда началось отступление французской армии, игумен Соловецкого монастыря получил новый приказ князя А. Н. Голицына: если узник еще жив, не медля прислать его в Петербург. Настоятелю Иллариону отдельно было указано: «Дать отцу Авелю денег на прогон до Петербурга».

Тогда порешил Илларион уморить голодом строптивого старца. Авель же в ответ предрек ему и его помощникам смерть неминучую.

Вот тогда пришлось архимандриту исполнить высшее указание.

Знал архимандрит о пророческом даре Авеля, отпустил его.

Однако и это пророчество сбылось: той же зимою на Соловках случился странный мор, Илларион скончался, так же «Бог весть от какой хворобы» умерли его подручные.

1 июля 1813 года монах Авель вышел из Соловецкого монастыря на свободу и затребован в столицу. По прибытии в Санкт-Петербург он пришел к князю Голицыну. Сам император в то время находился за границей. Князь, который «рад бысть ему зело и вопрошал о судьбах Божиих», долго беседовал с ним наедине и «смиренно» вызнавал у страстотерпца «вся от начала веков и до конца».

Беседа была долгой и без свидетелей. Как пишет сам Авель, поведал он князю «вся от начала до конца». Услышав в «тайных ответах» предсказания вещего монаха, по слухам, судьбы всех государей и до конца веков, до прихода антихриста, князь ужаснулся. А напоследок дал ему денег на паломничество по святым местам.

После этого светлейшие лица государства российского наконец-то оставили старца в покое. Да и сам он сильно изменился, ушел в себя и перестал сообщать людям «тайны Божия».

Пришел он в Невский монастырь за благословением архимандрита Амвросия. А после этого, как повествует Житие, «видя у себя паспорт и свободу во все края и области, и потечет из Петербурга к югу и востоку, и в прочие страны и области. И обошел многая и множество. Был и в Царьграде и во Иерусалиме, и в Афонских горах; оттуда же паки возвратился в Российскую землю: и нашел конец и начало, и всему начало, и конец; там же и жизнь свою скончал; пожил на земли довольно, до старости лет своих... Жизнь свою скончал месяца генваря, а погребен в феврале. Тако и решился отец наш Авель, Новый страдалец... Жил всего время — 83 года и 4 месяца».

На склоне лет тихо доживал он свой век в Троице-Сергиевой лавре, разговаривать не любил. Ездили к нему московские барыни с вопросами о дочерях да женихах, но Авель отвечал, что он не провидец.

Есть свидетельства, что графиня Прасковья Андреевна Потемкина взяла Авеля под

свое покровительство. Хотя монах и отказался ей предсказывать будущее с такими словами: «Я ныне положился лучше ничего не знать, хотя и знать, да молчать». Но известно также, что он имел на свою патронессу большое влияние. Она советовалась с ним о хозяйственных и семейных делах, снабжала деньгами и всем, что пожелает.

Хроники сохранили историю о том, что сын графини Потемкиной, Сергей Павлович, поссорился с матерью и, пытаясь отсудить у нее суконную фабрику, решил привлечь на свою сторону Авеля. Начал часто приглашать его в свой московский дом, принимал радушно, потчевал изобильно. И даже пообещал две тысячи рублей на дальнейшие странствия, к которым так тянулась душа монаха.

Тогда Авель писал графине Потемкиной о сыне: «Буди к нему чадолюбива и во всякой любви, и призывай к себе, лобзай его и ласкай со всякою простотою...»

Но вероломный сын в деньгах Авелю отказал. Монах отвечал ему пророчеством о близком конце света и неминуемой расплате за свои прегрешения, но беспечный богач «вся сия ни во что вменил».

И вновь написал Авель письмо графине: «Я, ваше графское сиятельство, Прасковья

Андреевна, советовал тебе помириться с сыном твоим и дать ему родительское благословение, но он ныне оказался ложный и льстивый, неправедный и непослушный и он, я думаю, товарищ развратникам и причастник самых распутных людей».

Письма к графине свидетельствуют и о том, что писать свои книги монах не прекратил. В одном из них говорится о том, что сочинил он, мол, для нее несколько книг, которые вскоре вышлет: «Оных книг со мною нету, а хранятся в сокровенном месте; оные мои книги удивительные и преудивительные, те мои книги достойны удивления и ужаса, а читать их токмо тем, кто уповает на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать их должно с великим разумением и с великим понятием».

Но в книгах этих Авель уже не пророчествовал, о чем сам в своих письмах и свидетельствует: «Я от вас получил недавно два письма и пишете вы в них: сказать вам пророчества то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать именным указом. Так сказано: ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в тюрьме

или в острогах под крепкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, — в тюрьмах ли лучше быть или на воле, размысли убо. Я согласился, ныне лучше ничего не знать да быть на воле, а нежели знать да быть в тюрьмах и под неволию. Писано есть: будити мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну и прочая таковая; вот до чего дошли с своею премудростью и с своим разумом. Итак, ныне положился лучше ничего не знать, а если знать, то молчать».

В этих же письмах графине Потемкиной Авель упоминает и Книгу Бытия, им самим иллюстрированную разными таблицами и символами. В книге этой говорится о возникновении Земли, сотворении мира и человека. Он пишет: «Изображен весь видимый мир и в нем изображена тьма и земля, луна и солнце, звезда и все звезды, и все тверди и прочая таковая. Сей мир величеством тридцать миллионов стадей, окружностию девяносто миллион стадей; земля в нем величеством во всею третию твердь, солнце — со всею вторую твердь, тьма — во всю мету. Земля сотворена из дебелых вещей и в ней

и на ней — воды и леса и прочие вещи. Солнце сотворено из самого сущего существа. Такожде и звезды сотворены из чистого самого существа, воздухом не ссужаемы; величина звездам не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены из воздуха, тьма вся темная, а луна один бок темный, а другой светлый...» Из слов этих становится очевидным, что пророк делит мир на видимый и невидимый. Солнце у него состоит из самого сущего существа — может быть речь идет о ядерной энергии?

По другой версии скитался Авель из монастыря в монастырь, в изобилии по тем временам разбросанным по российским землям, упорно избегая оседлой монастырской жизни. Не важно было ему, за кого его принимают: за пророка или шарлатана. Он предпочитал одиночество и проповедь.

Однако со временем чаще начал проживать в Московской губернии. В своих «Записках» Л. Н. Энгельгардт вспоминал, что Авеля встречали то в Троице-Сергиевой лавре, то в Москве: «...Многие из моих знакомых его видели и с ним говорили; он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый; многие барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей; он

им отвечал, что он не провидец и что он тогда только предсказывал, когда вдохновением было велено ему что говорить. С 1820 года уже более никто его не видал, и неизвестно, куда он девался».

По версии рассказчика из Оптиной пустыни в записях Сергея Нилуса, уже после 1813 года Авель, «умудренный опытом, и следа по себе не оставил: так и не разыскали пророка...».

Есть и другие свидетельства. Находясь в Москве, подал он прошение о принятии его в Серпуховской Высоцкий монастырь, куда и поступил 24 октября 1823 года.

Воротясь из крепости в лавру, Авель в тот же день предстал пред отцом архимандритом-наместником. Преподав благословение, отец архимандрит вопросил Авеля:

— Чего убо хощеши, чадо мое возлюбленное?

Авель же отвечал сокрушенно:

— Благослови, святый отец, да отыду аз в ин монастырь от стольного града далече. Несть бо спасения души моей. Да не ввержен буду паки во узилище, егда царь мя убогого зрети восхощет, ниже реку глагол лжуще, спасения моего ради. Изнемог аз, и да минует мя чаша сия.

— О, искушение велие,— вздохнул отец архимандрит. — Не на радость тебе, Авель, дан от Господа дар прозрения, ниже глаголы твои вещие. Смирись под высокую руку Господню, да вознесет тебя в свое время Господь. Гряди убо от греха с Богом. Никто же не ведает, идеже спасавши душу свою.

Тогда вновь поползли по Москве слухи о новом предсказании вещего старца. На этот раз о скорой кончине императора Александра I; о том, что Константин отречется от престола, убоявшись участи трагически и загадочно погибшего отца; о грядущем восстании и восшествии на престол Николая Павловича.

Источником этих страшных предсказаний указывали вещего монаха.

На этот раз судьба смилостивилась над Авелем. Санкций и острогов не последовало. Вероятно, причиной тому было недавнее паломничество императора Александра I к преподобному Серафиму Саровскому, который предсказал монарху почти то же самое, о чем прорицал монах Авель.

Весной 1826 года готовились к коронации Николая I. Графиня А. П. Каменская, одна из старших статс-дам двора и вдова фельдмаршала, посетила старца и спро-

сила загадочного черноризца о том, будет ли коронация, и как скоро. Она, вероятно, надеялась получить орден Св. Екатерины 1-й степени. Вещий инок так ответил: «Не придется вам радоваться коронации». Слова эти тут же облетели всю Москву. Многие думали, что беда нависла над государем, и коронации вовсе не будет. Однако смысл Авелева предсказания был иным. Государь разгневался на графиню Каменскую за то, что в одном из ее имений крестьяне взбунтовались, возмущенные жестокостью управителя, и графине попросту запретили появляться на коронации.

Сам прорицатель испугался последствий своего предсказания о коронации и слухов, которыми обросло это предсказание, и приблизительно в июне 1826 года скрылся из Высоцкого монастыря «неизвестно куда и не являлся».

Однако оставил он после себя два письма, которые и сыграли с ним плохую шутку.

В одном из писем монах объяснял бегство тем, что его «отец архимандрит ложным указом хотел послать в Петербург к новому государю». То ли опять страшно пророчествовал он о будущем, то ли стал он неугоден настоятелю своей докучливостью...

Правда, перед бегством из монастыря Авель искал заступничества у обер-егермейстера двора Д. Л. Нарышкина, чьим крепостным крестьянином был его отец. Нарышкин посоветовал иноку подать прошение в Святейший Синод и взыскать с настоятеля штраф «за ложное злословие», поскольку новый император был сторонником строгой дисциплины и не терпел нарушения ее ни в армии, ни в чиновничьих департаментах, ни в монастырях.

Письма эти сослужили плохую службу, впрочем, как и книги, своему автору. Именно по ним выяснилось, что монах Авель находится в Тульской губернии, близ соломенных заводов.

Тогда же повелел император Николай Павлович взять инока под стражу и отправить в арестантское отделение суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря.

Более ста лет назад сотрудник журнала «Ребус», некто Сербов, в докладе о монахе Авеле на Первом всероссийском съезде спиритуалистов выдвинул и еще одну гипотезу о том, что за время, которое Авель находился в Высоцком монастыре, он написал еще одну «зело престрашную» книгу и, по своему обыкновению, отослал государю для ознакомления. И опять в ней содержалась страш-

ная государственная тайна, не подлежащая разглашению. Каковы были предсказания в той книге, мы можем лишь догадываться. Скорее всего речь шла о декабристском восстании 14 декабря, о неудачной Крымской кампании и преждевременной смерти. За это и последовало наказание «для смирения»: заключение в монастырской тюрьме зловещего Спасо-Ефимовского монастыря города Суздаля.

Подобного же мнения придерживается и Ю. Росциус, автор книги «Синдром Кассандры, или Земной круг монаха Авеля» («Вокруг света», 1996).

Приведем и версию последних лет жизни монаха Авеля, представленную журналом «Русская старина» за 1875 год. В 1817 году после долгих странствий Авель, по распоряжению императора, был определен в Высоцкий монастырь, где провел под строгим присмотром монастырских властей восемь лет. Все, что изрекал он в те годы, тщательно записывалось. Авель, молча и смиренно, терпел. И вдруг в июне 1826 года не выдержал и ушел из монастыря на свою родину — в деревню Акулово Тульской губернии.

27 августа 1826 года вышел указ Святейшего Синода, согласно которому по высочай-

шему повелению императора Николая I монаха Авеля приказано изловить и заточить для смирения в Спасо-Ефимовский монастырь, тюремный режим которого в значительной мере напоминал режим судилищ священного трибунала — инквизиции.

В тесной арестантской камере закончилось «житие и страдание» монаха Авеля. Случилось это в январе или феврале 1841 года (по другой версии — 29 ноября 1841 года) после продолжительной и тяжелой болезни. Дату своей смерти пророк предсказал с точностью до месяца. Вещий Авель был погребен за алтарем арестантской церкви Св. Николая.

А в другой статье в журнале «Русская старина» читаем, что «так и осталось неведомо, в каком монастыре скончался Авель Вещий», но память о нем народ хранит и доныне. А что в «Предсказании о Державе Российской» написано, «не из головы то придумано. Ничего-то в нем ни добавлено ни убавлено, и все до точности сверено, о чем от добрых людей известилися...»

Одно очевидно: «Жизнь его прошла в скорбях и теснотах, гонениях и бедах, в напастях и тяжестях, в слезах и болезнях, в темницах и затворах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах и в тяжких испытаниях...»

Такими словами заканчивается книга «Житие и страдание отца и монаха Авеля».

Говоря о последних годах жизни таинственного монаха, уже упомянутый выше сотрудник журнала «Ребус» Сербов так говорил в своем докладе: «И вот ворота этой тюрьмы-монастыря отделили остаток дней Авеля от живого мира; но они не могли вполне искоренить в живых памяти о нем. Долг всякому ищущему истину — наш долг — возвратить народу его Авеля, ибо он составляет его достояние и гордость не меньшую, чем любой гений в какой-либо другой области творчества; или хотя бы его французский собрат, знаменитый Нострадамус...»

«Житие монаха Авеля, писанное им самим» было напечатано в журнале «Русская старина». В нем он описал свою жизнь, указывая и дату смерти, а также сделал и очень страшное предсказание, назвав дату конца света: «Сей отец Авель родился в северных странах, в московских пределах, в Тульской губернии, деревня Окулово, приход церкви Ильи-пророка, Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и в пять годов, а от Бога Слова — тысяча и семьсот пятьдесят и в семь годов. Зачатия ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое число; а изображение ему и рождение месяца дека-

бря и марта в самое равноденствие; и дано имя ему, якоже и всем человекам, марта седьмого числа. Жизни отцу Авелю от Бога положено восемьдесят и три года и четыре месяца; а потом плоть и дух его обновятся, и душа его изобразится яко ангел и яко архангел. И воцарится на тысячу годов <...> царство восстанет в то убо бремя воцарятся избранные его и вси святые его. И процарствуют с ним тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время по всей земле стадо едино и пастырь в них един. И процарствует тако, выше сказано, тысячу и пятьдесят годов; и будет в то время от Адама восемь тысяч и четыреста годов, потом же мертвые восстанут и живые обновятся; и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадятся смерти и тлению и в вечную погибель; а прочая о сем в других книгах. А мы и ныне не возвратимся на первое и окончаем жизнь и житие отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивления...»

То есть конец света наступит в 2892 году. И тогда «мертвые восстанут и живые обновятся, и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадятся смерти и тлению и в вечную погибель...»

Документы и первоисточники

(перечень)

В нашем тексте мы опирались на немногочисленные источники, свидетельствующие о жизни и смерти Вещего Авеля.

Перечислим их.

Сочинения самого Авеля:

— тетрадь первая: «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество», «Житие и страдание отца и монаха Авеля»*; «Жизнь и житие отца нашего Дадамия»; «Бытие, книга первая»;

— тетрадь вторая: «Церковные потребы монаха Авеля», и в ней сокращенно изложена «Книга бытия»;

* Эти документы до наших дней не дошли. Выдержки из них приводятся в малоизвестных публикациях, часто подвергшихся строгой цензуре, а позднее и вообще изъятых из читательского обращения, светских и церковных книгохранилищ.

— двенадцать писем инока графине Прасковье Андреевне Потемкиной и письмо В. Ф. Ковалеву, управляющему фабрикой П. А. Потемкиной в Глушкове.

Следственное дело «О монахе Авеле и написанных им книгах» от 1796 года. Уцелели некоторые фрагменты допросов инока Авеля в стенах Тайной экспедиции — организации, занимавшейся в Российской империи политическим сыском. Широкому читателю они стали доступны лишь в 1992 году.

Сохранились немногочисленные свидетельства очевидцев — современников Авеля.

«Воспоминания Федора Петровича Лубяновского» (действительного статского советника, в 1802 году — секретаря министра иностранных дел), опубликованные 1872 году в журнале «Русский архив».

Очерк «Прорицатель Авель. Новые подлинные сведения о его судьбе», опубликованный в журнале «Русский архив» (книга вторая за 1878 год, здесь цитируется «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василье Васильеве, находящемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, а потом названного Авелем, и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 г., 67 листов»).

«Чтение в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (М., 1863).

«Рассказы А. П. Ермолова», записанные с его слов неким его родственником*.

Воспоминания известного поэта и героя войны 1812 года Дениса Давыдова*.

Воспоминания известного историка М. В. Толстого*.

«Записки Льва Николаевича Энгельгардта» (М., 1860)*.

«Записки И. П .Сахарова».*

Другие публикации:

Анонимная статья *«Прорицатель Авель. Новые подлинные сведения об его судьбе»,* «Русский архив», 1878. Автор дает следующие комментарии: статья его есть «извлечение из» архивного «Дела о крестьянине Василии Васильеве, находящемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, и потом названном Авелем и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года, 67 листов».

* Информация представлена в виде ряда статей, опубликованных в исторических журналах XIX века. В них можно обнаружить цитаты из документов, связанных с жизнью монаха Авеля.

Статья содержит:

1) Выдержки из секретного письма генерал-губернатора Заборовского к генерал-прокурору графу А. Н. Самойлову в связи с арестом монаха Авеля от 19 февраля 1796 года.

2) Протокол допроса Авеля от 5 марта 1796 года в Тайной экспедиции. Следователь А. Макаров.

3) Судебное решение о заключении Авеля в Шлиссельбургскую крепость.

4) Рескрипт императора Павла генерал-прокурору князю А. Б. Куракину об освобождении Авеля из Шлиссельбургской крепости от 14 декабря 1796 года.

5) Выдержки из писем Авеля императору Павлу, князю А. Б. Куракину, митрополиту Амвросию.

6) Выдержки из писем митрополита Петербургского Амвросия генерал-прокурору Обольянинову от 19 марта и 29 мая 1800 года.

И некоторые другие письма и документы.

Анонимная статья *«Предсказатель монах Авель»* // «Русская старина», 1875.

В ней опубликованы следующие сочинения монаха Авеля:

1) «Житие и страдание отца и монаха Авеля» (с купюрами), написанное, по словам автора статьи, по-видимому, самим монахом. Этот текст у многих историков, писавших об отце Авеле, не вызывал сомнений в его подлинности.

2) Фрагмент из трактата «Жизнь и житие отца нашего Дадамия». Текст является вариантом «Жития» монаха Авеля. Именем «Дадамий» Авель Вещий иногда подписывал свои письма. Сам он утверждал, что это имя «Дадамий» дано было ему «духом», с которым имел он таинственную встречу.

3) Выдержка из трактата Авеля «Книга Бытия» — толкование на первую книгу Библии.

4) Анонимный автор ссылается на находящуюся в его распоряжении тетрадку, писанную рукой монаха Авеля, в которой «на 28 страницах находятся разные символические круги, фигуры с буквами славянской азбуки и счета, при них находится краткое толкование».

Этот автор также утверждает, что в его распоряжении находятся и трактаты Авеля: «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество», «Бытия книга первая», «Церковные потребы монаха Авеля», а так-

же 12 писем Авеля к графине П. А. Потемкиной за 1815-1816 годы и письмо старца Авеля к В. Ф. Ковалеву, управляющему фабрикой графини П. А. Потемкиной в Глушкове, выдержки из которых он приводит.

Есть еще один номер журнала «Русская старина», в котором опубликованы документы, собранные Розановым Н. П. — воспитанником Московской духовной академии, преподавателем московской семинарии. В статье содержится:

1) Изложение содержания справки Консистории св. Филарету, митрополиту Московскому о монахе Авеле от 1823 года.

2) Распоряжение св. Филарета об определении монаха Авеля в Высоцкий монастырь в Серпухове от 6 октября 1823 года.

3) Копии писем Авеля некой Анне Тихоновне и духовному отцу Дормидонту, датируемые 1826 годом.

4) Изложение донесения о побеге монаха Авеля из Высоцкого монастыря и изложение содержания других, относящихся к этому документов.

Публикации историков

М. Н. Гернет. *«История царской тюрьмы».* В ней излагаются некоторые сведения о монахе Авеле, извлеченные из «Дела о крестьянине Василии Васильеве, находившемся в Кастромской губернии в Бабаевском монастыре» (Архив эпохи феодализма и крепостничества. VII, № 2881) и документальные данные из архивов Спасо-Евфимиевого монастыря в городе Суздале.

В работе историка А. С. Пругавина приводятся важные сведения о дате кончины вещего монаха Авеля. В ней же впервые опубликованы секретные документы о заключенных Спасо-Евфимиевого монастыря в Суздале.

Очерк историка М. И. Семевского *«Предсказатель монах Авель»* («Русская старина», 1875, т. ХП, № 4).

Материалы, собранные и со ссылкой на устные рассказы изложенные насельником Оптиной пустыни Сергием Нилусом в его

книге *«На берегу Божьей реки»,* изданной Свято-Троице-Сергиевой лаврой в 1916 году.

Историческое сказание Петра Николаевича Шабельского-Борка *«Вещий инок»,* изданное в Берлине в 1930 году.

Очерк Ю. Росциуса *«Синдром Кассандры, или Земной круг монаха Авеля»* («Вокруг света», 1996).

«Предсказание монаха Авеля о державе Российской» («Санкт-Петербургские епархиальные ведомости». СПб., 1993).

Краткое упоминание о предсказаниях Авеля св. Игнатия Брянчанинова.

И некоторые другие, как то: материалы архива дома Романовых, в которых содержатся свидетельства о состоявшихся аудиенциях, а также распоряжения о ссылке и заточении.

Тексты документов

Житие и страдание отца монаха Авеля // Русская старина. 1875. — Т. 12. — № 2. Первая публикация жития, на основе листков, писанных им самим.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ МОНАХ АВЕЛЬ (1757-1841)

О происхождении документов

Александр Михайлович Каховский, брат по матери Алексея Петровича Ермолова, в царствование императора Павла проживал спокойно в своей деревне Смолевичи, находящейся в 40 верстах от Смоленска. Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он везде пользовался, возбудили против него зависть и ненависть смоленского губернатора Тредьяковского, который заключил по этому случаю дружеский союз с известным в то время доносчиком Линденером. Каховский и все его ближайшие знакомые были схвачены

и посажены в разные крепости, под тем предлогом, что будто бы они что-то умышляли против правительства. Приказано было арестовать и А. П. Ермолова, проживавшего в то время в Несвиже. Хотя вскоре последовало из Петербурга высочайшее повеление о прощении арестованных, так как извет об них не подтвердился, однако Линденер, донося государю об исполнении его воли, изъявил сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников. Через две недели после этого приказано было представить Ермолова со всеми его бумагами в Петербург. Здесь не оказалось за ним никакой вины, кроме той, что он — брат Каховского и что оба они «из одного гнезда и одного духа». Ермолов посажен был в Петропавловскую крепость, из которой через три месяца был отправлен к костромскому губернатору, для отсылки в леса Макарьева на Унже. По просьбе губернаторского сына, бывшего сотоварища Ермолова по ученью, губернатор донес в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником, он предпочел оставить его в Костроме. Такое распоряжение было одобрено, и Ермолов оставался здесь довольно долго.

«В это время, — рассказывал впоследствии А. П. Ермолов, — проживал в Костро-

ме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайной верностью. Простившись с жителями Костромы, он объявил им о намерении своем поговорить с государем Павлом Петровичем, но был, по приказанию его величества, посажен в крепость, из которой, однако, скоро выпущен. Возвратившись в Кострому, Авель тоже предсказал день и час кончины императора Павла. Все предсказанное Авелем буквально сбылось. Этот Авель находился в Москве во время коронации императора Николая».

Кто же был этот прорицатель Авель?

Документы в наличии

Мы имеем возможность ответить на этот вопрос, так как располагаем документами, относящимися к личности Авеля. Документы эти следующие:

1) Две тетрадки, в малую 8-ю долю, написанные по-славянски; на первой странице этих «книжек» изображены разные кружки, литеры славянской азбуки и точки треуголь-

ником, среди которых написано: «Печать Господа Бога и Христа его». В этих тетрадках содержатся:

а) «Житие и страдание отца и монаха Авеля»;

б) «Жизнь и житие отца нашего Дадамия»;

в) «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество»;

г) «Бытия книга первая».

В одной из этих тетрадок, на 28 страницах, находятся разные символические круги, фигуры с буквами славянской азбуки и счета, при них находится краткое толкование.

2) Тетрадка (в 16-ю д.) в двух экземплярах, озаглавленная: «Церковные потребы монаха Авеля»; в ней сокращенно изложена «Книга Бытия», помещенная в первых двух тетрадках.

3) 12 писем Авеля к графини Прасковье Андреевне Потемкиной, писанные то по-славянски, то обыкновенным почерком; все письма относятся к 1816 и 1816 гг.; и

4) Письмо Авеля к В. О. Ковалеву, управляющему фабрикой гр. П. А. Потемкиной в Глушкове (1816 г.).

Всем этим материалом мы нашли более удобным воспользоваться таким образом,

что сначала помещаем жизнеописание Авеля в подлиннике, с изменением только самых крупных орфографических неправильностей и с пропуском некоторых мистических измышлений; затем обращаем внимание на статьи Авеля, заключающиеся в помянутых тетрадках, наконец говорим о письмах его. Из всех последних документов мы выписываем лишь некоторые, наиболее характерные места.

Житие и страдание отца и монаха Авеля, писанное им самим

Часть первая

Зачало первое

Сей отец Авель родился в северных странах, в Московских пределах, в Тульской губернии, Алексенской округи, Соломенской волости, в деревне Акулова, приход церкви Ильи пророка. Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и в пять годов, а от Бога Слова — тысяча и семьсот пятьдесят и в семь годов. Зачатия ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое число; а изображение ему и рождение месяца декабря и марта в самое равноденствие: и дано имя ему, якоже и всем человекам, марта седьмого числа. Жизни отцу Авелю, от Бога положено, восемьдесят и три года и четыре месяца; а потом плоть и дух его обновится, и душа его изобразится яко Ангел и яко Архангел. И воцарится <...> на тысячу годов <...> царство восстанет; когда от Адама будет семь тысяч и триста и пятьдесят годов,

в то убо время воцарятся <...> все избранные его и все святые его.

И процарствуют с ним тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время по всей земли стадо едино и пастырь в них един: в них же вся благая и вся преблагая, вся святая и вся пресвятая, вся совершенная и вся пресовершенная. И процарствуют тако <...>, как выше сказано, тысячу и пятьдесят годов; и будет в то время от Адама восемь тысяч и четыреста годов, потом же мертвые восстанут и живые обновятся; и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадутся смерти и тлению и в вечную погибель; а прочее о сем в других книгах. А мы ныне возвратимся на первое и окончаем жизнь и житие отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивления. Родители его были земледельцы, а другое у них художество коновальная работа; научили тому ж своего отрока отца Авеля. Он же о сем мало внимаша, а больше у него внимание о Божестве, и о божественных судьбах; сие желание ему от юности его, еще от чрева матери своей: и совершится то ему в нынешние года. Ныне ему от рождения девять на десять годов. И пойдя он с сего года в южные страны и в западные; потом в вос-

точные и в прочее грады и области: и ходил так, странствуя девять годов. Наконец же сего пришел в самую северную страну, и вселился там в Валаамский монастырь, который Новгородской и Санкт-Петербургской епархии, Сердобольской округи. Стоит сей монастырь на острове на Ладожском озере, от мира весьма удален. В то время в нем был начальник игумен Назарий: жизни духовной, и разум в нем здравый. И принял он отца Авеля в свой монастырь как должно, со всякою любовью; дал ему келью и послушание и все потребное; потом же приказал ему ходить, вкупе с братею, в церковь и в трапезу, и во вся нужные послушания. Отец же Авель пожил в монастыре токмо един год, вникая и присматривая всю монастырскую жизнь и весь духовный чин и благочестие. И видя во всем порядок и совершенство, как в древле было в пустынных монастырях, и похвали о сем Бога и Божию Матерь.

ЗАЧАЛО ВТОРОЕ
(Пустыня и ведения)

Посему ж отец Авель взял от игумена благословение и отыде в пустыню; которая пустыня на том же острову недалеча от монастыря: и вселился в той пустыне един и соединым. А в них же и между их, сам Господь Бог Вседержитель; все в них исправляя, и все совершая, и всему полагая начало и конец и всему решение: ибо Он есть все и во всех и все действуя. И начал отец Авель в той пустыни прилагать труды ко трудам, и подвиг к подвигу; и явилися от того ему многие скорби и великие тяжести, душевные и телесные. Попустил Господь Бог на него искусы, великие и превеликие, и едва в меру ему понести; послал на него темных духов множество и многое: да искусится теми искусами яко злато в горниле. Отец же Авель, видя над собою таковое приключение, и начал изнемогать и во отчаяние приходить; и говорил в себе: «Господи помилуй и не введи меня во искушение выше силы моей». Посему ж отец Авель начал видеть темных духов и с ними говорить, спрашивая их: кто их послал к нему? Они же отвечали ему так: «нас послал к тебе тот, кто и тебя в сие место послал». И много

у них было разговора и спора, но ни в чем они не преуспели, а токмо то в срамоту себе и на поругание: отец Авель показался над ними страшный воин. Господь же, видя раба своего, таковую брань творящего с бесплотными духами, обратился к нему, сказывая ему тайное и безвестное, и что будет ему и что будет всему миру: и прочее таковое многое и множество. Темные же духи ощутили сие, яко сам Господь Бог беседует с отцом Авелем; и стали все невидимы во мгновения ока: ужаснувшись, бежали. Посему ж взяли отца Авеля два духа... и понесли и там он от высших сил получил великой дар прорицания судеб будущего... и изрекли ему: «буди ты новый Адам, и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси: и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим; и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наши наказания. Тем и скажи, и напиши». И прочая таковая многая к нему глаголили.

ЗАЧАЛО ТРЕТИЕ
(Пророчество о Екатерине)

Отец же Авель, пришед в себя, и начал с того время писать и сказывать, что вместно человеку; сие ему видение было в тридесятое лето жизни его и совершилось в тридесять годов. Странствовать он пошел двадцати годов, на Валаам, пришел двадцати и осьми годов; тот год был от Бога Слова — тысяча и семьсот восемьдесят и пять, месяц октябрь, по солнечным первое число. И случилось сие ему видение; дивное видение и предивное одному в пустыне — в лето от Адама семь тысяч и двести девяносто и в пятом году, месяца ноября по солнечным в первое число, с полуночи и продолжалась как не меньше тридесяти часов. С того самого времени начал писать и сказывать он, что кому вместно. И велено ему было выйти из пустыни в монастырь. И пришел он в монастырь в том же году, месяца февраля в первое число и вошел в церковь Успения Пресвятой Богородицы. И стал посреди церкви весь исполнен умиления и радости, взирая на красоту церковную и на образ Божия Матери... И было ему видение, что вошла в него необъяснимая сила, и соединилася с ним в одно, якобы един человек. И на-

чала в нем и им делать и действовать, якобы природным своим естеством; и дотоле действовали в нем, пока всему его обучили и всему его научили... и так дух вселился в сосуд, который на то уготован еще издревле. И от того времени отец Авель стал вся познавать и вся разумевать: неведомая сила наставляя его и вразумляла всей мудрости и всей премудрости. После муж отец Авель вышел из Валаамского монастыря, ибо так ему велено было действом той силы; сказывать и проповедывать тайны Божии и судьбы его. И ходил он тако по разным монастырям и пустыням девять годов; обошел многие страны и грады: сказывал и проповедовал волю Божию и страшный суд Его. На конец же того времени, пришел он на реку Волгу. И вселился в монастырь Николая Чудотворца, званием той монастырь Бабайки, Костромской епархии. В то время настоятель в той обители был именем Савва, жизни простой; послушание в той обители было отцу Авелю: в церковь ходить и в трапезу, и в них петь и читать, а между тем писать и слагать, и книги сочинять. И написал он в той обители книгу мудрую и премудрую, в ней же написано о царской фамилии. В то время царствовала в Российской земле Вторая Екатерина; и по-

казал ту книгу одному брату, имя ему отец Аркадий; он же ту книгу показал настоятелю той обители. Настоятель же собрал братию, и, сотворивши совет, порешил: ту книгу и отца Авеля отправить в Кострому, в духовную консисторию; и был так Авель отправлен. Духовная же консистория: архимандрит, игумен, протопоп, благочинный и пятый с ними секретарь — полное собрание, получили ту книгу и отца Авеля. И вопросили его, он ли ту книгу писал? И от чего взялся писать. И взяли с него сказ, его дело то и отчего он писал; и послали ту книгу и при ней сказ ко своему архиерею. В то время в Костроме был архиерей-епископ Павел. Когда ж получил епископ Павел ту книгу и при ней сказ, то приказал отца Авеля привести к себе; и сказал ему: «сия твоя книга написана под смертною казнию». Потом повелел его отправить в губернское правление и книгу его с ним. И был так отправлен отец Авель в то правление, и книга его с ним, при ней же и рапорт.

Часть вторая

ЗАЧАЛО ЧЕТВЕРТОЕ
(Первое заключение)

Губернатор же и советники его приняли отца Авеля и книгу его и, видевши в ней мудрое и премудрое, а наипаче написаны в ней царские имена и царские секреты. И приказали его на время отвезти в костромской острог. Потом отправили отца Авеля и книгу его с ним на почтовых в Санкт-Петербург в сенат; с ним же для караула прапорщик и солдат. И привезен был он прямо в дом генерала Самойлова; в то время он был главнокомандующий всему сенату. Приняли отца Авеля господин Макаров и Крюков. И доложили о том самому Самойлову. Самойлов же рассмотрел ту отца Авеля книгу, и нашел в ней написано: якобы государыня Вторая Екатерина лишится скоро сей жизни. И смерть ей приключится скоропостижная, и прочая таковая написано в той книге. Самойлов же видя сие, и зело о том смутился; и скоро призвал к себе отца Авеля. И рече к нему с яростию глагола: «како ты злая глава смела писать такие титлы на земного

бога!» и ударил его троекратно по лицу, спрашивая его о подробностях: кто его научил такие секреты писать, и отчего взялся такую премудрую книгу составить? Отец же Авель стояша пред ним весь в благости, и весь в божественных действах. И отвещавая к нему тихим гласом и смиренным взором, так говорил: меня научил писать сию книгу тот, кто сотворил небо и землю, и вся яже в них: тот же повелел мне и все секреты составлять. Самойлов же сие слыша, и вмени вся в юродство; и приказал отца Авеля посадить под секрет в тайную; а сам сделал доклад самой государыне. Она же спросила Самойлова, кто он (Авель) такой есть и откуда? Потом приказала отца Авеля отправить в Шлиссельбургскую крепость, в число секретных арестантов, и быть тамо ему до смерти живота своего. Сие дело было в лето от Бога Слова — тысяча и семь сот и девяноста в шестом году, месяца февраля и марта с первых чисел. И был так заключен отец Авель в ту крепость, по именному повелению государыни Екатерины. И был он там всего время — десять месяцев и десять дней. Послушание ему было в той крепости: молиться и поститься, плакать и рыдать и к Богу слезы проливать, сетовать и воздыхать и горько рыдать; при

том же ему еще послушание, Бога и глубину его постигать. И проводил так время отец Авель, в той Шлиссельбургской крепости, до смерти государыни Екатерины. И после того еще содержался месяц и пять дней. Потом же, когда скончалась Вторая Екатерина, а вместо нее воцарился сын ее Павел; и начал сей государь исправлять, что ему должно. Генерала Самойлова сменил. А вместо его поставлен был князь Куракин. И нашлась та книга в секретных делах, — которую написал отец Авель; нашел ее князь Куракин и показал ту книгу самому государю Павлу.

Государь же Павел скоро повелел сыскать того человека, который написал ту книгу и сказано ему: тот человек заключен в Шлиссельбургской крепости, в вечное забвение. Он же немедля послал в ту крепость самого князя Куракина рассмотреть всех арестантов; и спросить их лично, кто за что заключен, и снять со всех железные оковы. А монаха Авеля взять в Петербург, к лицу самого государя Павла. И было так. Князь Куракин все исправил и все совершил: со всех арестантов снял железные оковы, и сказал им ожидать милость Божию; а монаха отца Авеля представил во дворец к самому его величеству императору Павлу.

ЗАЧАЛО ПЯТОЕ
(о смерти Павла и войне 1812 года)

Император же Павел принял отца Авеля во свою комнату, принял его со страхом и с радостию и обратился к нему со словами: «Владыко отче, благослови меня и весь дом мой: дабы ваше благословение было нам во благое». Отец же Авель на то отвечал к нему: «Благословен Господь Бог всегда и во веки веков». И спросил у него царь, что он желает: в монастырь ли быть монахом, или изберет род жизни какой другой. Он же паки к нему отвечал, так глаголя: «Ваше величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, и служить Богу и Божеству его». Государь же Павел поговорил с ним еще о том, что нужно, и спросил у него по секрету: что ему случится. Потом тому же князю Куракину приказал отвести Авеля в Невский монастырь, в число братства. И по желанию его облечь в монашество, дать ему покой и все потребное; приказано сие дело выполнить митрополиту Гавриилу от самого государя Павла, через князя Куракина. Митрополит же Гавриил, видя такое дело, и со страхом удивился, вкупе же и ужаснулся. И обратился ко отцу Авелю: будет вся ис-

полнено по вашему желанию; потом облачил его в черное одеяние и во всю славу монашества, по именному повелению самого государя; и приказал ему митрополит вкупе с братиею ходить в церковь и в трапезу, и на вся нужные послушания. Отец же Авель пожил в Невском монастыре токмо един год; потом паки и абие пошел в Валаамский монастырь, по докладу (т. е. с разрешения государя) Павла, и составил там другую книгу, подобную первой, еще и важнее, и отдал ее игумену отцу Назарию. Он же показал ту книгу своему казначею и прочим братиям, и, сотворивши совет, решил послать ту книгу в Петербург митрополиту. Митрополит же получил ту книгу, и, видя, что в ней написано тайное и безвестное, и ничто же ему понятно; и скоро ту книгу послал в секретную палату, где совершаются важные секреты, и государственные документы находятся. В той палате начальник господин генерал Макаров. И видит сей Макаров ту книгу, и то, что в ней написано — все ему непонятно. И доложил о том генералу, который управляет всем сенатом; тот же доложи самому государю Павлу. Государь же скоро повелел взять с Валаама отца Авеля, и заключить его в Петропавловскую крепость. И было так. Взяли отца Авеля из Валаамского

монастыря, и заключили в ту крепость. И был он Авель там, до тех пор, пока государь Павел скончался, а вместо его воцарился сын его Александр. Послушание отцу Авелю было в Петропавловской крепости то же самое, что ему было в Шлиссельбургской крепости, то же самое время и сидел там: десять месяцев и десять дней. Когда же воцарился государь Александр, и приказал отца Авеля отправить в Соловецкий монастырь: в число оных монахов, но токмо за ним иметь присмотр; потом и свободу получил. И был он на свободе один год и два месяца, и составил еще третью книгу: в ней же написано, как будет Москва взята и в который год. И дошла та книга до самого императора Александра. И приказано монаха Авеля взять и заключить в Соловецкую тюрьму, и быть там ему дотоле, когда сбудутся его пророчества самою вещию. И был отец Авель всего время в Соловецкой тюрьме десять годов и десять месяцев; а на воле там жил — один год и два месяца: и того всего время он препроводил в Соловецком монастыре ровно двенадцать годов. И видел в них доброе и недоброе, злое и благое, и всяческое и всякое: еще ж и такие были искусы ему в Соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под смертию, сто раз приходил в отча-

яние; тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное. Однако благодатию Божею, ныне он, слава Богу, жив и здоров, и во всем благополучен.

Ныне от Адама семь тысяч и триста и двудесятый год, а от Бога Слова тысяча и восемь сот и второй на десять. И слышим мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленит грады и страны и многие области, уже и в Москву вошел. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданская, и всяк взывая: Господи помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекатися рабами Твоими; попустил на нас врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! и прочая таковая взываху весь народ и все люди. В то ж самое время, когда Москва взята, вспомнил сам государь пророчество отца Авеля; и скоро приказал князю Голицыну, от лица своего написать письмо в Соловецкий монастырь. В то время начальник там был архимандрит Илларион; написано письмо таким образом: «монаха отца Авеля выключить из числа колодников, и включить его в число монахов, на всю полную свободу». Еще ж приписано: «ежели он жив и здоров, то ехал

бы к нам в Петербург: мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить». Так было написано от лица самого государя, а архимандриту приписано: «дать отцу Авелю на прогон денег, что должно до Петербурга и вся потребная».

И пришло сие именное письмо в Соловецкий монастырь в самый Покров, месяца октября в первое число. Архимандрит же, как получил таковое письмо, и, видя в нем, что там так написано и зело тому удивился, вкупе же и ужаснулся. Зная за собою, что он отцу Авелю многие делал пакости и во одно время хотел его совершенно уморить, и отписал на то письмо князю Голицыну, таким образом: — «ныне отец Авель болен и не может к вам быть, а разве на будущий год весною», а прочая таковая. Князь же Голицын, когда получил письмо от Соловецкого архимандрита, и показал то письмо самому государю. Государь же приказал сочинить именной указ святейшему Синоду, и послать тому ж архимандриту: чтобы непременно монаха Авеля выпустить из Соловецкого монастыря, и дать ему паспорт во все российские города и монастыри; при том же, что бы он всем был доволен, платьем и деньгами. И видя архимандрит именной указ, и приказал с него отцу Авелю написать паспорт, и отпустить его честно со

всяким довольством; а сам сделался болен от многой печали: поразил его Господь лютою болезнью, тако и скончался. Сей Илларион архимандрит уморил невинно двух колодников, посадил их и запер в смертельную тюрьму, в которой не токмо человеку жить нельзя, но и всякому животному невместо: первое в той тюрьме темнота и теснота свыше всякой меры, второе — голод и холод, нужда и стужа выше естества; третье — дым и угар и сим подобное; четвертое и пятое в той тюрьме,— скудостию одежд и в пищи, и от солдат истязание и гнушательство, и, прочая таковая ругательство и озлобление многое и множество. Отец же Авель вся сия слыша и вся сия видя. И начал говорить о том самому архимандриту, и самому офицеру, и всем капралам, и всем солдатам, так обращаясь и глаголя: «дети, что такое делаете неугодное Господу Богу, и совсем противное Божеству Его? Аще не престаните от злого такового начинания, то вскоре все погибните злою смертию и память ваша истребиться от земли живых, чада ваша осиротеют, и жены ваши останутся вдовицами!» Они же, слушая от отца Авеля такие речи; и зело на него возроптавши и сотворили между собою совет уморить его. И посадили его в те же самые тяжкие тюрь-

мы. И был он там весь великий пост, моляся Господу Богу и призывая имя Святое Его; весь в Боге и Бог в нем; покрыл его Господь Бог благодатью Своею, и Божеством Своим от всех врагов его. После же того вси погибоша враги отца Авеля и память их погибе с шумом; и остался он един и Бог с ним. И начал отец Авель петь песнь победную и песнь спасительную и прочая таковая.

Часть третья

зачало шестое

Посему же отец Авель взял паспорт и свободу, во все российские города и монастыри, и в прочие страны и области. И вышел из Соловецкого монастыря месяца июня в первое число. Год тот был от Бога Слова — тысяча и восемьсот и третий на десять. И пришел в Петербург прямо к князю Голицыну, имя ему и отечество Александр Николаевич, господин благочестив и боголюбив. Князь же Голицын, видя отца Авеля, и рад был ему до зела; и начал вопрошать его о судьбах Божиих и о правде Его; отец же Авель начал ему сказывать вся и обо всем, от конца веков и до конца, и от начала времени и до последних; он же слыша сия и ужасаясь, и помыслил в сердце другое; потом послал его к митрополиту явиться ему и благословиться от него: отец же Авель сотворил тако. Пришел в Невский монастырь, и явился митрополиту Амвросию; и говорил ему: «благослови владыко святой, раба своего и отпусти его с миром и со всякою любовию». Митрополит же увидел отца Авеля, и слыша от него такие речи

и отвечал к нему: «благословен Господь Бог Израилев, яко посети сотвори избавление людям Своим и рабу Своему монаху Авелю». Потом благословил его и отпустил, и говорил ему «буди с тобою во всех путях твоих Ангел Хранитель» и прочее таковое искренне и отпустил его с великим довольством. Отец же Авель, видя у себя паспорт и свободу во все края и области, и пошел из Петербурга к югу и к востоку, и в прочие страны и области. И обошедши многие и множество. Был в Царьграде и во Иерусалиме, и в Афонских горах; оттуда же паки возвратился в Российскую землю: и нашел такое место, где вся своя исправил и вся совершил. И всему положил конец и начало, и всему начало и конец; там же и жизнь свою всю окончил: пожил на земле время довольно, до старости лет своих. За чатя ему было месяца июня, основания сентября; изображения и рождения, месяца декабря и марта. Жизнь свою скончал месяца января, а погребен февраля. Тако и решился отец наш Авель. Новый страдалец... Жил всего время — восемьдесят и три года и четыре месяца. В дому отца своего жил девять на десять годов. Странствовал девять годов, потом в монастырях девять годов; а после того еще отец Авель проводил десять годов

и семь на десять годов: десять годов проводил в пустынях и в монастырях, и во всех пространствах; а семь на десять годов отец Авель препроводил жизнь свою — в скорбях и в теснотах, в гонениях и в бедах, в напастях и в тяжестях, в слезах и в болезнях, и во всех злых приключениях; еще же сия жизнь ему была семь на десять годов: в темницах и в затворах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах, и в тяжких испытаниях; в том же числе был во всех благостях и во всех радостях, во всех изобильствах и во всех довольствах. Ныне же отцу Авелю дано пребывать во всех странах и во всех областях, во всех селах и во всех городах, во всех столицах и во всех пространствах, во всех пустынях и во всех монастырях, во всех темных лесах, и во всех дальных землях; ей тако и действительно: а ум его ныне находится и разум — во всех твердях, во всех звездах и во всех высотах, во всех царствах и во всех государствах. В них ликуя и царствуя, в них господствуя и владычествуя. Сие верное слово и действительное. Посемуж и выше сего, дух Дадамий и плоть его Адамия родится существом... И будет тако всегда и непрестанно и тому не будет конца, ей тако. Аминь.

Прорицатель Авель // Русский архив, 1878 — Т. II, 23. — С. 353-365.

Примечание: «Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В нем было опубликовано множество материалов, касающихся Отечественной войны 1812 года. Любопытно, что именно П. И. Бартенев подбирал исторический материал для романа Льва Толстого «Война и мир».

* * *

Из русской простонародной жизни, иногда из самой темной среды ее, не раз выступали на свет Божий люди с несокрушимою верою в свои убеждения, гласно

выражаемые без страха, до самоотвержения. Таинственная душевная напряженность и странные толки этих людей затрагивали не только житейскую обстановку, но шли и дальше.

Бедный дворянин Тверитинов является с протестом против Петра Первого и письменную жалобу на него Богу кладет, в присутствии государя, в церкви, на паникадило перед святою иконою.

Тамбовский крестьянин Кондратий Селиванов создает целое вероучение, совращает множество людей в скопчество и в течение слишком полувека простирает свое влияние на все сословия и на всю Россию.

Донской неграмотный казак борется почти два года с Екатериною и потрясает основами России. Эти люди, при всей нелепости, безобразии и нередко чудовищности умонастроения своего, конечно, заслуживают изучения психологического. Они остаются яркими пятнами на исторической картине нашего бытописания, и не обращать на них внимания невозможно.

Монах Авель проявил тоже замечательную душевную силу, но он ограничивался одними предсказаниями и оставил несколько мистически-литературных произведений

о творении мира и человека: смесь библейских сказаний с собственными добавлениями, часто непонятными. Наполненные вставками из Священного Писания, они, конечно, занимали простой народ вроде так называемого «Сна Богородицы», который хранился у русских людей как талисман и драгоценность: переписчики брали за него хорошие деньги. Темные слухи об Авеле и его прорицаниях до сих пор ходят по России. Несомненно, что он предвещал кончину Екатерины и Павла, а потом разорение Москвы неприятелем. Несколько сведений о нем и сами его произведения напечатаны в «Русской старине» за 1875 год.

Но и самое делопроизводство о нем сохранилось под заглавием: «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василии Васильеве, находившимся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, и потом названном Авелем и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года. 67 листов».

Дело это отослано было 29 августа 1812 года к министру юстиции Дмитриеву по предложению его, а в 1815 году возвращено в архив от министра юстиции Трощинского. Представляем извлечение из этого дела.

Авель родился в 1757 году в Тульской губернии Алексинского уезда, в деревне Акуловой, и происходил из Нарышкинских крестьян. С раннего возраста он начал странствовать по разным местам и постригся в Валаамском монастыре Новгородской епархии. Из этого монастыря он отошел в пустынь, а потом достиг реки Волги и вселился в монастырь Николая чудотворца, прозываемый Бабаевским, тот самый, где недавно скончался памятный Москве преосвященный Леонид. Вот тут-то он и написал те тетради, которые наделали ему столько бед и хлопот и содержание которых выяснится ниже. Владимирский и Костромской генерал-губернатор генерал-поручик Заборовский, письмом к графу А. Н. Самойлову от 19 февраля 1796 года, сообщил секретно, что преосвященный Павел, епископ Костромской и Галицкий, прислал Авеля в Костромское наместническое правление с сочиненною им книгою и его собственноручным показанием. «Для извлечения признания от сего сумасброда и злодея, не имеет ли он участников, сделан был ему новый допрос секретно правителем наместничества, но без всякого успеха, кроме темного показания о некоем еврее Феодоре Крюкове, которого Авель признавал Мессиею и которого он

видел в Орле». Авеля, закованного в железы, сочиненную им книгу и два допроса, сделанные ему преосвященным Павлом и генералом Заборовским, препроводили в Петербург под крепким и строгим караулом прапорщика Масленикова и одного унтер-офицера. Авель говорил епископу Павлу, что книгу свою писал сам, не списывал, а сочинял из видения, ибо, будучи в Валааме, пришед к заутрени в церковь, равно как бы Павел апостол, восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал, но никому своего сочинения не разглашал.

С церковью во всех догматах он согласен и никакого сомнения и раздора не имеет. Предтечею Роговым именовал он себя и то писал о себе также по тому видению. Касательно же на 16 странице написанных им имен, разумеется, они царские и на обороте той страницы сии речи: «ныне ей есть от рождения свыше шестидесяти, а егда муж ея даде ей власть, свыше трех десяти годов» и далее, поминал он о владеющей ныне государыне императрице Екатерине Алексеевне. Все оное видел он при восхищении его на небо. Однако же все это за истину не утверждает, поелику относить может сие к искушению вражескому.

Епископ Костромской, находя в книге Авеля ересь, полагал, что за это, на основании указа 1737 года 14 ноября, его следовало бы предать светскому суду; но как в книге своей он приводит дерзостный и вредный толк об особе императрицы и о ее царском роде, в чем заключается секрет важный, относящийся до первых двух пунктов, то, сняв с Авеля монашеское одеяние (на основании указа 1762 года октября 19-го) для исследования и поступления по законам, епископ за караулом представил его в Костромское наместническое правление.

В Валаамском монастыре было ему видение, что ожидаемый жидами Мессия уже явился и что найдет его в Орле между торгующими жидами под именем Феодора Крюкова; по сему видению Авель пошел в Орел и отыскал названного Крюкова, разговаривал с ним о Священном Писании и получил от него приглашение еще свидеться в том же году в Киеве. Воротился Авель опять в Валаам, отсюда предпринял поход в Царьград через города Орел, Сумы, Харьков, Полтаву, Кременчуг и Херсон. Через все помянутые места проходил он с плакатным паспортом. Из Херсона съехал в Царьград морем с одним достаточным херсонским греком.

Все вышеизложенное было прислано графу Самойлову вместе с Авелем, при котором найдено денег 1 рубль 18 копеек.

В это время у Екатерины уже готовы были бумаги о предоставлении престолонаследия великому князю Александру Павловичу. В Тайной экспедиции, 5 марта 1796 года, Авель дал нижеследующие показания.

Допросы и ответы Авеля в Тайной экспедиции

Вопрос: Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, то имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ: Крещен в веру греческого исповедания, которую содержа повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям, женат, детей имеет троих сыновей; женат против воли и для того в своем селении и жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос. Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним пособие?

Ответ: Когда ему было еще 10 лет от роду, то и начал он мыслить об отсутствии из

дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу, а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и матерь, жену и чада и вся имени Моего ради, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном», он, внемля сему, вящше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения.

Будучи же 17 лет, тогда отец принудил его жениться; а по прошествии несколько тому времени начал он обучаться российской грамоте, а потом учился он и плотничной работе. Поняв частию грамоте и того ремесла, ходил он по разным для работ городам и был с прочими в Кременчуге и Херсоне при строении кораблей.

В Херсоне открылась заразительная болезнь, от которой многие люди, да и из его артели товарищи, начали умирать, чему и он был подвержен; то и давал он Богу обещание, ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно Ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там год.

По возвращении же в свой дом стал он проситься у своего отца и матери в монастырь, сказав им вину желания своего, они

же, не разумев его к Богу обета его от себя не отпускали. Он же, будучи сим недоволен, помышлял, как бы ему к исполнению своего намерения уйти от них тайно, и через несколько времени взял он плакатный паспорт под образом отшествия из дому для работы, пошел в 1785 году в Тулу, а оттуда через Алексин, Серпухов, Москву, пришел в Новгород, из коего водою доехал до Олонца, а потом пришел к острову Валааму, с коего и переехал в Валаамский монастырь, а из него в Валаамскую пустынь.

Вопрос. В обоих сиих местах, как в монастыре, так и пустыне, начальники и братия какой жизни и поведения, и нет ли от них каких мирских соблазнов, и в чем ты там упражнялся?

Ответ: Настоятели сих обителей жития честного и трудолюбивого, и никаких он ни от кого не видал мирских соблазнов, а он труждался в монастырском послушании.

Вопрос: Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ: Когда был в пустыни Валаамской, во едино время был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы наречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей

всю истину, еже аз тебе заповедую. Первое скажи ей, когда воцарится сын ея Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его вся земля Турецкая, и сам султан, и все греки, и будут они ему данники. А второе скажи ей: когда сия покорена будет и вера их лживая истребится, тогда будет единая вера и един пастырь по всей земле, тако бо есть писано в Священном Писании. И еще рцы ей северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов. Посем же иди и рцы смело Павлу Петровичу и двум его отрокам, Александру и Константину, что под ними будет покорена вся земля.

Вопрос: Когда ты глас сей слышал? В какое время? И что ты о сем помышлял и кому о том сказывал ли и что кто тебе на то советовал и какое ты на то полагал намерение?

Ответ: Сей глас слышан им был в 1787 году в марте месяце. Он при слышании сего весьма усомнился и поведал о том строителю и некоторым благоразумным братьям. Они же на это ему отвечали: ежели сие дело Божие, так будет так и не разорится, а ежели не Божие дело, то разорится. Тут жил он без малого пять лет, изучался совершенно духовной жизни и письму полууставом.

Допросы и ответы Авеля в Тайной экспедиции

Вопрос. Отобранные у тебя тетрадки, писанные полууставом, кто их писал, сам ли ты, и если сам, то помнишь ли что написано, и если помнишь, то с каким ты намерением таковую нелепицу писал, которая не может ни с какими правилами быть согласна, а паче еще таковую дерзость, которая неминуемо налагает на тебя строжайшее по законам истязание?

Кто тебя к сему наставил и что ты из сего себе быть чаял?

Ответ: Ныне я вам скажу историю свою вкратце. Означенные полууставные книги писал я в пустыни, которая состоит в Костромских пределах близ села Колшева (помещика Исакова) и писал их наедине, и не было никого мне советников, но вся от своего разума выдумал. Из Валаама пришел в Невский монастырь. Тут сказывал я про воздушный глас трем старцам, от коих, как я слышал после, дошло и до сведения митрополита. Из Невского вышед, жил я по разным монастырям.

Вопрос: Для чего и с каким намерением и где писал ты найденные у тебя пять тетрадей или книгу, состоящую из оных?

Ответ: В каком смысле писал книгу, на сие говорю откровенно, что ежели что-нибудь в рассуждении сего солгу, то да накажет меня

всемилостивейшая наша государыня Екатерина Алексеевна, как ей угодно; а причины, по коим писал я оную, представляю следующие:

1) уже тому девять лет как принуждала меня совесть всегда и непрестанно об оном гласе сказать Ея Величеству и их высочествам, чему хотя много противился, но не могши то преодолеть, начал помышлять, как бы мне дойти к Ея Величеству Екатерине Второй,

2) указом велено меня не выпускать из монастыря, и

3) ежели мне так идти просто к государыне, то никак неможно к ней дойти, почему я вздумал написать те тетради и первые две сочинил в Бабаевском монастыре в десять дней, а последние три в пустыни.

Вопрос. Написав сказанные тетради, показывал ли ты их кому-либо? И что с тобою после воспоследовало за них?

Ответ: Показывал я их одному из братии, именем Аркадию, который о сем тотчас известил строителя и братию. Строитель представил меня с тетрадями моими сперва в консисторию, а потом к епископу Павлу, а сей последний отослал меня и с книгою в наместническое правление, а из него в острог, куда приехали ко мне сам губернатор и наместник

и спрашивали о роде моем и проч., а когда я им сказал: «ваше высокопревосходительство, я с вами говорить не могу, потому что косноязычен, но дайте мне бумаги, я вам все напишу», то они, просьбы моей не выполня, послали сюда в Петербург, где ныне содержусь в оковах.

Признаюсь по чистой совести, что совершенно по безумию такую сочинил книгу, и надлежит меня за сие дело предать смертной казни и тело мое сжечь.

Вопрос. Для чего внес в книгу свою такие слова, которые особенно касаются Ея Величества и именно, якобы на нее сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ: На сие ответствую, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию и утверждаю под смертною казнию, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюсь чистосердечно, что сии слова написал потому, что он, т. е. сын, есть человек подобострастен, как и мы; а человек различных свойств: один ищет славы и чести, а другой сего не желает, однако мало таковых, кто бы оного убегал, а великий наш князь Павел Петрович возжелает сего, когда ему придет время. Время же сие наступит тогда, как процарствует мать его Екате-

рина Алексеевна, всемилостивейшая наша государыня 40 лет: ибо так мне открыл Бог.

И ежели кто скажет, что это неправда и я лгу, то потому и все Священное Писание несправедливо. Дайте мне книгу Апокалипсис и всю Библию для истолкования, ибо в Священном Писании много писано о наших князьях, то я скажу время, когда все сие сбудется; ибо я для того сюда и послан, чтобы возвестить вам всю сущую и истинную правду.

Вопрос. Как осмелился ты сказать в книге своей, якобы падет император Петр Третий от жены своей?

Ответ: Сие я потому написал, что об оном есть в Апокалипсисе, и падеже разумею я свержение с престола, с которого он свержен за неправильные его дела, о коих слышал я еще в младенчестве в Туле от мужиков, и именно:

Первое: якобы он оставил свою законную жену Екатерину Алексеевну и

Второе: будто бы хотел искоренить православную веру и ввести другую, за что Бог и попустил на него таковое искушение.

Что ж касается до сказанного мною о Павле Петровиче, то я и про него слышал, якобы он таков же нравом, как и отец его, и слы-

шал здесь в Петербурге, чему уже прошло семь лет, от старых солдат, служивших еще при Елизавете Петровне, которые мне о сем сказали, когда спрошу их, позвавши в кабак и поднесу в меру вина; однако я не утверждаю, правда ли сие или нет и не знаю, живы ли они или уже померли.

Вопрос. Из показаний твоих и в сочиненной книге твоей усматривается дерзновенное прикосновение до высочайших императорских особ, о котором мнишь ты удостоверить, якобы то происходит от таинства, в Священном Писании содержимого и тебе чрез неизвестный глас открытого. А как таковые бредни твои заслуживают ни малейшего внимания. И по испытанию тебя в Священном Писании оказалось, что ты не только о нем ни малого сведения, но и никакого понятия не имеешь, то, отложа сии неистовые нелепости и лжи, открыть тебе самую истину без малейшей утайки:

Первое: где о падении или свержении императора Петра Третьего от царствования узнал, от кого, когда, при каком случае и как?

Второе: хотя ты и показываешь, что восстание государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императри-

цу слышал ты от старых солдат, подчивая их в кабаке, но как и сие показание твое не имеет ни малого вида вероятности, то объявить тебе чистосердечно: где именно, как и через какие средства, при каком случае, от кого именно узнал и для какой причины спрашивал ты о свойствах Его Высочества, так как не касающегося до тебя дела, ибо в том только единое спасение твое зависит от приуготовляемого тебе жребия?

В ответ на это сам Авель сделал допрос своему допросителю Александру Макарову:

«Есть ли Бог и есть ли дьявол, и признаются ли они Макаровым?»

И после этого Авель обещал сказать всю правду.

Несмотря на сумасбродство бедного монаха, поставленного перед грозное судилище, было в речах его что-то необыкновенное, внушающее и обязующее. Судья Тайной экспедиции должен был смутиться перед этою напряженностью воли, которая не знала страха и повергла допросителя своему допросу. Тут мог действовать и личный пример самой государыни, которая с противниками своей власти считала нужным бороться орудием убеждения и умственных доводов. У членов Тайной экспедиции должно было сохраняться в све-

жей памяти, как она, статья за статьею, опровергала книгу Радищева и вынудила у него сознание своего заблуждения.

Собственноручный ответ Макарова сохранился в деле за его подписью:

«Тебе хочется знать, есть ли Бог и есть ли Дьавол, и признаются ли они от нас?

На сие тебе ответствуется, что в Бога мы веруем и по Священному Писанию не отвергаем бытия и дъавола; но таковы твои недельные вопросы, которых бы тебе делать отнюдь сметь не должно, удовлетворяются из одного снисхождения, в чаянии, что ты конечно благосклонностию будешь убежден и дашь ясное и точное на требуемое от тебя сведение и не напишешь такой пустоши, каковую ты присылал.

Если же и за сим будешь ты притворствовать и отвечать не то, что от тебя спрашивают, то должен ты уже на самого себя пенять, когда жребий твой нынешний переменится в несноснейший и ты доведешь себя до изнурения и самого истязания. 5 марта 1796. Коллежский советник и кавалер Александр Макаров».

После этого объяснения между судьей и подсудимым о Боге и дьаволе, Авель дал ответы по предложенным ему двум вопросам:

1. О падении императора Петра Третьего слышал он еще в детстве, по народной молве, во время бывшего возмущения от Пугачева, и сие падение разные люди толковали, кто как разумел; а когда таковые же толки происходили и от воинских людей, то он начал с того самого времени помышлять о сей дерзкой истории; какие же именно люди о сем толковали и с каким намерением, того в знании показать, с клятвою, отрицается.

2. О восстании государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императрицу говорит, что он сие восстание разумеет под тремя терминами:

1) мысленное,

2) словесное и

3) на самом деле.

Мыслию — думать, словом — требовать, а делом — против воли усилием. Сих терминов заключение и пример взял он из Библии, которую, читая, делал по смыслу заключения и начал описывать. Тетради его как настоятелю, так и братии были противны, и они их жгли, а сочинителя настоятель за то сажал и на цепь.

Но его тревожил все тот же слышанный глас, и он решился идти в Петербург. Здесь начал он искать, кто бы ему сказал о нраве его высочества.

Под Невским монастырем попался ему старый солдат, коего он не знает, и этот солдат удовлетворил его желание. В писании своем советников и помощников не имел и бывшее ему явление признает действием нечистого духа, что и утверждает клятвою, готовя себя не токмо жесточайшему мучению, но и смертной казни.

Подписался: «Василий Васильев».

Есть известие, что Авеля водили и к самому генерал-прокурору графу Самойлову, который дал ему три пощечины.

«Отец же Авель стояше перед ним весь в благости, и весь в божественных действах».

17 марта 1796 года состоялось решение:

«Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблимость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ее Императорского Величества и высочайшего Ее Величества дома, в чем и учинил собствен-

норучное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти, по государственным законам, заслуживает смертную казнь. Но Ее Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышесказанные, написанные им бумаги, запечатав печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной экспедиции».

Любопытно, что доклад об Авеле, по которому объявлено вышеописанное высочайшее повеление, состоялся 17 марта, а сам он ранее, именно 8 марта, уже был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где и помещен в казарме № 22.

9 марта, в 5 часов утра, привезли Васильева в Шлиссельбург, и комендант дал ему самому распечатать конверт от генерал-про-

курора, в котором написано было следующее увещание:

«Помещенное тобою в книге твоей касательно до императора Петра Третьего от кого ты взял сию нелепость?

Кто именно сказывал тебе оную?

Когда?

В каком месте? При ком или наедине и по какому случаю?

Ты должен объявить о всем чистосердечно.

Также ты должен сказать и о том, почему ты включил в книгу следующие слова:

“сын ея на ню еще не возста, а возстанет в самое то время, когда придет Сам Бог” и проч.

Ежели ты хочешь преклонить на себя милосердие всемилостивейшей государыни, то оставь упорство и обнажи душу свою: скажи, по каким причинам ты приступил к такому дерзкому вранью, сам ли собою или кем возбужден был к тому?

Какое намерение у тебя было в сем случае, или тех, которые участвовали с тобою в безрассудности твоей?

Единое чистосердечное признание твое во всем возможет тебя избавить от всех зол и бедствий, которые готовит тебе правосудие законов.

Открой также причину, для которой ты захотел сделаться святошей?

Кого ты научал глупостям своим?

Верили ли тебе кто ни есть, и где и в каком роде людей и более ты предуспел?

Все что скажешь ты сходного с истиною, послужит к твоему добру, напротив же того, ложность, притворство и двоякость в ответах обратят на тебя всю строгость законов, которые таковых деяний, каковы суть твои, не пощадят».

Авель, выслушав сие увещание два раза, отвечал:

«Я более того, что в последнем г-ну советнику Макарову объяснении написано, сказать ничего не имею, что и утверждаю клятвою. Если я за то токмо преступление определяюсь к сему строжайшему и бедственному моему жребию, то приемлю с повиновением и буду сносить до конца жизни».

ПРИ ПАВЛЕ I

12 декабря Шлиссельбургский комендант Колюбякин получил письмо от нового генерал-прокурора князя Куракина, в котором объявлялось высочайшее повеление прислать в Петербург «арестанта Васильева», с прочих же

всех, на ком есть оковы, оные снять. (В тот же день Колюбякин за усердие и порядочное исправление должности пожалован в бригадиры.)

13 декабря, как отмечено в деле, сочиненная Васильевым книга взята князем А. Б. Куракиным и поднесена его величеству. Государь беседовал с загадочным прорицателем и спрашивал у него «по секрету, что ему случится».

14 декабря последовал рескрипт:

«Князь Алексей Борисович! Всемилостивейше повелеваем содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанию его, для пострижения в монахи, к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому.

Павел».

Заметим, что Авель был предварительно, еще в Костроме, расстрижен. В эти дни вторично хоронили Петра Третьего. Подробности беседы с государем неизвестны; но сохранилась записка:

«Его Величеству угодно ведать о нынешнем состоянии посланного к здешнему митрополиту Гавриилу для пострижения, по желанию, в монахи крестьянина Васильева, к исполнению чего и послан был от генерал-

прокурора коллежский асессор Крюков, которым означенный Васильев и был распрашиван наедине бесприметным образом, на что тот Васильев и говорил, что он нынешним его жребием доволен, но токмо что пищу дают ему единожды в день, отчего слаб в силах; притеснения ему никакого ни от кого нет, ибо сего надзирает сам митрополит; скучает же, что долго не постригают его в монахи, а говорят, чтобы еще трудами утвердился; жалуется, что не имеет нужной одежды, что и приметно, о чем и просит человеколюбивейшего в пособии милосердия».

21 декабря писана благодарность преосвященному за его попечение о даче тому Васильеву пищи по два раза в сутки, а при том на исправление его послано десять рублей.

Авель поздравил князя Куракина 25 декабря с праздником, следующим письмом:

«Ваше сиятельство, Александр Борисович! Приношу вам благодарность: вы меня избавили из темных темниц и от крепких стражей, в которых я был вечно заключен от Самойлова.

Вы о сем сами известны, а ныне я по Его Императорскому приказу и вашему благословению свободен и пришел к вам поздравить вас с Христовым торжественным праздником и вас благодарить за таковое ваше ко

мне благодеяние. И крайне я вам за сие желаю душевного спасения и телесного здравия и многая лета и прочая вся благая и преблагая и пребуду в таковой памяти вечно-незабвенно. Богомолец ваш Василий».

29 декабря 1796 года князь Куракин сообщил митрополиту Гавриилу высочайшее желание, чтобы Василий был пострижен поскорее.

В новый 1797 год Васильев подал через князя Куракина следующую записку:

«Ваше Императорское Величество, всемилостивейший Государь!

С сим, с новонаступившим годом усердно поздравляю: да даст Господь Бог вам оный, а по оном и многие богоугодно и душеспасительно препроводить. Сердечно чувствую высокомонаршие Ваши ко мне недостойному оказуемые, неописанные милости, коих по гроб мой забыть не могу.

Осмеливаюсь священную особу вашу просить о следующем и о последнем:

Первое: Благоволите указом не в продолжительном времени посвятить меня в иеромонашеский чин, дабы мог я стояти во церкви у престола Божия и приносити Всевышнему Существу жертву чистую и непорочную за вашу особу и за всю вашу царскую фамилию,

да даст Бог вам дни благоприятны и времена спасительны и всегда победу и одоление на враги и супостаты.

Второе: Егда меня заключили на вечное житие в Шлиссельбургскую крепость, и дал я обещание Богу такое: егда отсюда освободят, и схожу в Иерусалим поклониться Гробу Господню и облобызать стопы, место ног Его.

Третье: Чтобы я был допущен лично к Вашему Императорскому Величеству воздать вам достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую десницу и буду почитать себя счастливым.

Четвертое: Благоволите вы мне изъяснить на бумаге, за что меня наибольно посадил Самойлов в крепость, в чем и остаюсь в ожидании благонадежным».

Князь Куракин 5 января 1797 года доложил это письмо государю и притом писал, что когда он отвозил Авеля к митрополиту Гавриилу, то сей упрекал его за предвещания о себе, что он будет архиереем; следовательно, нынешняя его поспешная просьба о посвящении в иеромонахи, клонится к достижению архиерейского достоинства.

На докладе этом собственноручная отметка князя Куракина: «Его Императорское Величество повелеть соизволить: прошение

Васильева оставить без уважения, но для сведения митрополита заявить ему сие».

НОВОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

Отлучившись самовольно из лавры, Авель очутился в Москве, где, пророчествуя, собрал деньги. Пророчествовать ему запретили и сослали в монастырь, что на острове, на Ладожском озере, т. е. на Валааме. Там Авель снова принялся за сочинение прорицательных тетрадей, которые на этот раз были посланы игуменом Назарием в Петербург к митрополиту.

Переписка о монахе Авеле прекращается до 1800 года. В этом году, от 19 марта за № 118-м, Амвросий, митрополит Петербургский, уведомил генерал-прокурора Обольянинова о крестьянине Василии, постриженном в декабре 1796 года в Александро-Невском монастыре с наречением ему имени Авеля и сосланном в 1798 году в Валаамский монастырь, следующее:

«Ныне онаго монастыря настоятель Назарий, с братиею, доносит мне о нем Авеле, что он, скрывая свои злобнокоренившиеся в нем пороки, обнаружил оные покражею из кельи одного иеромонаха серебряных ло-

жек, турецких денег и других вещей, которые, по употреблении настоятелем многого искания. Он Авель принесши к нему тайно сказал, что будто бы те вещи к нему Авелю подкинуты, и он знает похитителя, но не хочет об нем объявить и он об них чрез сонное видение разведал. Из чего настоятель заключает, что он Авель, будучи предосудительных и званию несоответственных качеств, усердия к богоугодному житию и душевному спасению нималого не имеет, да и на послушания с братиею не ходит, отзываясь больным. По приходе же настоятеля с одним иеромонахом к нему в келью для освидетельствования, точно ли он Авель болен, нашли у него книгу, которую когда настоятель взял и спросил его что за книга? Ответствовал, что дали ему прочитать и, бросясь к нему настоятелю за нею, с азартом вскричал, чтобы он ее не брал, в противном случае убьет его до смерти. Когда же настоятель бывшему с ним иеромонаху велел позвать братию, тогда он Авель оробел, ту книгу из рук своих выпустил, которая от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листком, писанным русскими литерами, а книга писана языком неизвестным».

Настоятель, отягчаясь пребыванием Авеля в монастыре и опасаясь, чтобы не привел братию в расстройство, просит Авеля оттуда вывесть. Митрополит препроводил к Обольянинову книгу и листок, найденные у Авеля и просил исходатайствовать высочайшее повеление о ссылке его в Соловецкий монастырь.

На письме Амвросия Обольянинов написал: «Докладывано. Высочаше повелено: послать нарочного, который привез бы в Петербург, по приезде же посадить в каземат, за крепчайший караул, в крепости. Мая 21-го дня 1800 года. Павловск».

Вероятно, к этому времени и относится предсказание Авеля о кончине Павла Петровича.

Таким образом, через четыре года, произошло новое свидание Авеля с Макаровым.

26 мая 1800 года Макаров донес Обольянинову, что Авель привезен исправно и посажен в каземат в равелине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь, нрава неспокойного.

На донесении Макарова Обольянинов написал:

«К архиерею, по желанию Его Величества, отпускать; архиерею отписать: при всяком свидании, что объявит, меня уведомлять. Мая 27-го 1800 года».

На другой же день Авель написал к Амвросию:

«Я, нижайший монах Авель, обошел все страны и пустыни, был и в царских палатах и в великолепных чертогах и видел в них дивная и предивная, а наипаче видел и обрел в пустынных местах великая и тайная и всему роду полезная; того ради ваше высокопревосходительство, желаю я ныне с вами видеться и духовно с вами поговорити и оные пустынные тайны вам показати. Притом же прошу ваших святых молитв».

29 мая состоялось свидание Авеля с Амвросием, который в тот же день писал к Обольянинову:

«Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынники даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

Нельзя не обратить внимания на эти три последние слова. Авель, очевидно, колобродил; а между тем было что-то в нем, что возбуждало недоумение, что-то среднее между сном и действительностью. Этот отзыв Амвросия (человека практического) напоминает нам ту веру в сны и видения, которою наполнены недавно изданные письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию.

Не покидая своей прежней мысли, что будет на земле едино стадо и един пастырь, инок-предсказатель в письме к Амвросию пишет:

«А ныне я имею желание определиться в еврейский род и научить их познанию Христа Бога и, всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

На письме Амвросия рукою Обольянинова: «доложено мая 30-го 1800 года. Павловск».

В XIX СТОЛЕТИИ

По вступлении на престол императора Александра Павловича учреждена была комиссия для пересмотра прежних уголовных дел. Пересмотрели и переписку об Авеле; оказалось, что он содержался в Санкт-Петербургской крепости с 26 мая 1800 года за

разные сочинения его, заключающие в себе пророчества и другие инакозначущими литерами нелепости. В марте месяце 1801 года Авель отослан был к Амвросию для помещения в монастырь по его усмотрению и им отослан в Соловецкий монастырь, а 17 октября архангельский гражданский губернатор донес, что Авель, вследствие указа Священного Синода, из-под стражи освобожден и отдан архимандриту в число прочих монашествующих.

Выпущенный на волю Авель сочинил третью книгу, с предвещанием взятия Москвы неприятелем, за что его снова заточили уже на многие годы в Соловецкий монастырь. В исходе 1812 года министр духовных дел князь Голицын выписал его к себе в Петербург. После таинственных бесед с этим главою тогдашнего духовенства, ему дана полная свобода. Он повел опять скитальческую жизнь.

Из его тетрадей и писем (очень недурно составленных) видно, что в своих фантазиях он был убежден совершенно и готов за них отдать свою жизнь. Одержимый духом предсказаний, то вечный скиталец по монастырям и Костромским лесам и пустыням, то тюремный сиделец, инок Авель, по пословице «на

ловца и зверь бежит», находил себе если не почитателей, то по крайней мере благотворителей и даже в высшем кругу.

Он был знаком и вел переписку с графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденной Закревской, получал от нее денежные пособия и на одежду сукно с ее фабрики, вмешивался в ее отношения к сыну-повесе, проживал в Курской губернии у известного богача Никанора Ивановича Переверзева, поселялся то в Москве, в Шереметевой больнице, то у Троицы Сергия.

Автор известных записок Л. Н. Энгельгардт говорит про него, «что он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый; многие барыни почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах своим дочерям; он им отвечал, что предсказывал тогда только, когда вдохновенно было велено ему что говорить».

Несмотря на покровительство князя Голицына, Авеля понудили прекратить его бродяжничество. Митрополит Филарет определил его в Высоцкий монастырь под Серпуховом, поблизости от его родины. Но старая привычка взяла свое: с наступлением нового царствования, Авель ушел из монастыря и через бывшего своего господи-

на, Дмитрия Львовича Нарышкина, вздумал опять обратить на себя внимание предержащей власти. Государь Николай Павлович приказал заточить его в Спасо-Ефимовский монастырь, где он и умер в 1841 году.

Из записной книжки одесской старины

Предсказатель монах Авель

Публикация *Розанова Н.П. Предсказатель монах Авель в 1812—1826 гг. // Русская старина.* 1875. — Т. 12. — № 4. — С. 815-819.

Читатели «Русской старины», вероятно, обратили внимание на своеобразную, весьма трагическую личность монаха Авеля, представшего на страницах нашего издания, с описанием своего хожденья по мукам, т. е. по тюрьмам и затворам монастырским. (См. «Русская старина», т. XII, с. 414-435). Переписка его с графиней Потемкиной в 1814-1816 годах, если и не выставляет на вид некоторые житейския невзгоды, его посетившие, все-таки показывает, что отец Авель нашел в мире значительный достаток и вполне обеспеченное положение.

Ныне помещаемая статья показывает, что закат дней Авеля омрачился страшною

для него грозою. Двадцать один год проведя в тюрьмах, он вновь попал в тяжкое заточение.

Прежде, однако, чем сообщить новые сведения об этом предсказателе, считаем не лишним привести следующую заметку о нем из записок современника Авеля — Л. Н. Энгельгардта.

«В Соловецком монастыре был инок-монах Авель, предсказавший смерть императрице Екатерине II, потом императору Павлу, со всеми обстоятельствами краткого его царствования. За год до смерти императрицы, сей Авель, пришел к настоятелю того монастыря, требовал, чтобы довести до сведения ее, что слышал он вдохновенно глас, который должен он был ей объявить лично. По многим отлагательствам и затруднениям, наконец, донесено было ей, и приказано было его представить: тогда он ей объявил, что слышал он глас, повелевший ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить в Петропавловскую крепостъ. По кончине государыни, император повелел, освободи его, представить к нему. Когда он ему предсказал, сколько продолжится его царствие, государь в ту же минуту приказал его опять заточить в крепость. Смерть однако ж

исполнилась в намеченный срок. При вступлении на престол Александра I он был освобожден. За год до нападения французов Авель предстал перед императором и сказал, что французы вступят в Россию, войдут в Москву и сожгут. Государь приказал его опять посадить в крепость. По изгнании неприятеля он был выпущен. Сей Авель после сего был долго в Троице-Сергиевской лавре в Москве. Долгие годы его жизни видели его люди совершающим подвиг юродства: он был человек простой, без лишнего светления и угрюмости: многие барыни, полагая его святым человеком, везли к нему незамужних дочерей; он им отвечал, что он не провидец, и что он тогда только и предсказывал, когда вдохновенно было велено ему говорить. С 1820 года уже более никто не видел его и неизвестно куда он девался. Эта неясность разъясняется следующим документом из записной книжки Энгельгардта.

Монах Авель, именуя себя монахом Ставропольского Соловецкого монастыря, в сентябре 1823 года подал московскому архиепископу Филарету, впоследствии митрополиту, прошение об определении его, Авеля, в Серпуховский Высоцкий монастырь. Пр. Филарет на прошении, 6-го того сентября, написал:

«представить справку». Консистория представила, что еще при пр. Августине (предместнике пр. Филарета) было в производстве дело о монахе Авеле, по отношению министра духовных дел, князя А. Н. Голицына, от 2 ноября 1817 года. По делу сему значится, что:

1) При упомянутом отношении министр приложил справку по канцелярии Св. Синода, что монах Авель содержался в Соловецком монастыре; а в 1812 года, ноября 17-го, он, князь Голицын, как обер-прокурор синодальный, предложил Синоду высочайшее повеление «освободив его, Авеля, из-под стражи, принять в число братства. Между тем как Авель имеет намерение идти для поклонения св. мощам в разные города, для чего снабдить его надлежащим паспортом для свободного пропуска, предоставляя также ему избрать для своего пребывания монастырь, какой сам пожелает, и где будет принят, там дозволить ему жить беспрепятственно». О чем к архимандриту Соловецкого монастыря послан будет указ 3 декабря того 1812 года. А 4 апреля 1814 года монах Авель, объясняя прошением в Синод, что имеет желание идти в Иерусалим, для поклонения Гробу Господню и святым местам в намерении, ежели будет возможно, остаться там навсегда, и прило-

жа в копии данный ему во исполнении указ Св. Синода от наместника Соловецкого монастыря паспорт на свободное, где пожелает, пребывание, просил о снабжении его, на случай отбытия в Иерусалим, надлежащим видом; вследствие чего и, по предварительному сношению с министерством полиции, Авелю выдан паспорт с распискою. О том, чтобы сей монах произведен был в иеромонахи, сведений нет.

2) В показанном отношении от 2 ноября 1817 года князь Голицын сообщил пр. Августину, что монах Авель, по случаю потери данного ему паспорта, просил его, министра, о снабжении его, Авеля, новым, для свободного здесь, в Москве или в ином городе, пребывания, также и о содействии к водворению его, Авеля, в Шереметевском странноприимном доме. Он, министр, довел о сем до сведения государя. Государь, находя неприличным, чтобы монах Авель, столь много странствовавший, еще продолжал скитаться по России и не имел постоянного пребывания в монастыре, высочайше повелел ему, министру, соизволил: объявить ему, Авелю, чтоб избрал непременно монастырь, и, если настоятель согласится на принятие его, то и водворился бы в том монастыре. Объявив о сем Авелю,

с предложением и самого монастыря, именно Пешношского (в Дмитровском уезде), поручал преосвященному внушить Авелю со своей стороны, о несовместности монаху жить в частном дом, и предложил бы ему водвориться в монастыре, о котором упомянуто, или в иной какой-либо обители. Если же он не изъявит желания поступить в монастырь Московской епархии, то предложить синодальной конторе снабдить его, Авеля, паспортом для свободного пропуска в другие города, чтобы он, согласно высочайшей воле, объявленной Св. Синоду 17 ноября 1812 года, избрал для своего пребывания монастырь, и где будет принят, там и водвориться ему.

3) Отношение это сдано было в консисторию уже по смерти пр. Августина (умер 1819 г., марта 3-го) с отметкою Малиновского, секретаря преосвященного, что монах Авель к пр. Августину явился 6 ноября 1818 года и чрез два дня хотел прибыть, чтобы, получив благословение и предписание к строителю Пешношскому, отправиться на житье в Пешношу; но с того времени не являлся и из Москвы скрылся.

4) Вместе с тем при деле сдано в консисторию показание Николоявленской в Москве церкви, священника Михаила Лаврен-

тьева, данное им 23 декабря 1818 года, что в сентябре того 1818 года (котораго числа не припомнитъ), как он, Лаврентьев, шел к малой вечерне, попался близ дома его, священника, монах Авель, с которым вступил в разговор следующего содержания: «здоровы ли вы, отец Авель; какая тому причина, что вас так давно в Москве не видно; где вы до сих пор были; и справедлив ли тот неприятный слух, который об вас прошел между нами?» На сие Авель отвечал, что живет благополучно, что до сих пор находился в г. Орле, и что прежде того, в бытность господина министра духовных дел князя А. Н. Голицына в Москве, был представлен к нему, и имел с ним разговор касательно его, Авеля, обстоятельств. После сего, прощаясь с ним, священником, Авель сказал, что идет в дом прихожанина его, ст. сов. Петра Алексеевича Верещагина, откуда обещался прийти в Николоявленскую церковь ко всеношной, однако не приходил; а подлинно ль был в доме г. Верещагина — о том не знает. Пр. Филарет, на представленной из консистории справке, 6 октября 1823 г., написал: «Монаха Авеля в Высоцкий монастырь определить». О сем 24-го того же октября дан указ из консистории архимандриту Высоцкого монастыря Амвросию.

По определении монаха Авеля в Высоцкий монастырь, в послужном его списке за 1823 год значилось, что монах Авель из крестьян, 65 лет; в монашество пострижен в Лаврском Александро-Невском монастыре в 1797 году; из оного переведен был в Ставропольский Соловецкий монастырь в 1801 году; а в оный Высоцкий монастырь определен 1823 году, октября 24-го дня; обучен российской грамоте читать, петь и писать; в штрафах не был.

В 1826 году, июня 21-го, архимандрит Высоцкого монастыря Амвросий, донес митрополиту Филарету, что монах Авель, забравши все свои пожитки, 3 июня самовольно из монастыря отлучился неизвестно куда, и не является. В дополнение к тому архимандрит Амвросий 30 июля доносил, что монах Авель находится в Тульской губернии, близ Соломенных заводов, в деревне Акуловой, и при донесении представил копию с двух писем Авеля следующего содержания:

«Милостивая государыня Анна Тихоновна. Желаю вам и всему вашему семейству всякого благополучия, как телесного, так и душевного. Я, отец Авель, ныне нахожусь в Соломенных заводах, в деревне Акуловке, от завода семь верст, проедучи завод нале-

во. Ежели угодно вам ко мне приехать, тогда я вам всю историю скажу, что мне случилось в Высоцком монастыре, и прочая таковая и прочая. Ежели есть ко мне из Москвы или откуда-нибудь письма, то бы Карл Иванович прислал ко мне чрез заводских ямщиков в деревню Акулово; а я здесь намерен прожить за болезнию от июня один год и прочая. А ежели вам ко мне случая не будет приехать, то хотя напишите что-нибудь, в чем и остаюсь всенижайший отец Авель».

«Духовному моему отцу Дормидонту, всякое здравие и спасение, и прошу ваших святых молитв. Я, отец Авель, писал своему господину Нарышкину, Дмитрию Львовичу, как меня высоцкий отец адхимандрит ложным указом хотел послать в Петербург к новому государю. Нарышкин же доложил о том его величеству Николаю Павловичу, и сказав ему всю историю отца Авеля, как его сажали в тюрьму черные попы и был он от них в трех крепостях и в шести тюрьмах, содержался всего времени двадцать один год; государь же, его величество, приказал отцу Авелю отдалиться от черных попов и жить ему в мирских селениях, где он пожелает. Нарышкин же отобрал царские сии слова и отписал отцу Авелю, и предложил еще

подать просьбу в синод и взыскать отцу Авелю штрафу с высоцкого начальника тысячу рублей за ложное злословие, якобы отца Авеля приказано в Петербург прислать и прочее. В чем и остаюсь всенижайший монах Авель». 1826 года, июля 20-го дня.

В том же 1826 году, от 27 августа, на имя митрополита Филарета последовал указ Святейшего Синода, с объяснением, что синодальный обер-прокурор князь Петр Сергеевич Мещерский, согласно отношению его, митрополита, докладывал государю Николаю Павловичу об оставлении монахом Авелем определенного ему в Серпуховском Высоцком монастыре пребывания и об оказавшихся двух письмах, из коих видно, что он, монах, находится в 30 верстах от Серпухова, в Тульской губернии, и государь, по прочтении бумаг, повелел, чтобы монах Авель был заточен для смирения в Суздальский Спасо-Ефимиевском монастыре. Посему Святейший Синод, для скорейшего и удобнейшего отыскания монаха Авеля, Тульской епархии, в деревне Акуловой, предоставил синодальному обер-прокурору сделать сношение со светским начальством, которому и отправить Авеля во владимирскую консисторию для помещения в Спасо-

Ефимовский монастырь. Тем и закончились скитания отца Авеля.

Сообщ. Н. П. Розанов

Примечание: Необходимо напомнить, что Спасо-Ефимовский монастырь в городе Суздале не столько обитель для отказавшихся от мира подвижников, сколько острог для заточенных в него духовных и светских лиц. В монастыре (по крайней мере еще в 1860 году, когда пишуший эти строки посетил его) управляет особая команда: от архимандрит-коменданта, которому часовые отдают честь и который строго блюдет заточенных по узким и мрачным затворам. В этом же монастыре были заключены на время некоторые декабристы (Бобринцев-Пушкин, князь Шаховской), а позднее сюда ссылали провинившихся архиереев.

Документы и фрагменты (тексты)

Воспоминания современников

Сохранились детские воспоминания М. В. Толстого о монахе Авеле: «Однажды я играл очень весело в большой зале дома бабушки (мне было тогда восемь лет от роду), как графиня Каменская привезла с собою Авеля: я увидел монаха, с густыми всклокоченными седыми волосами и густою бородою, большими блестящими черными глазами, со смуглым суровым лицом и громким грубым голосом. Прорицатель внушил мне такой ужас, что я немедленно бежал и спрятался в отдаленной комнате. Это чувство страха оставалось во мне несколько лет».

1. Предсказание о смерти императрицы Екатерины Великой. Первое заключение.

Источник: Воспоминания А. П. Ермолова, Дениса Давыдова, М. В. Толстого.

Воспоминания А. П. Ермолова: «Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайной верностью».

В воспоминаниях и Д. Давыдова также говорится о точном предсказании, с указанием дня и час, смерти императрицы Екатерины Великой. Текст Давыдова слово в слово повторяет текст рассказов Ермолова.

Воспоминания М. В. Толстого: «После того он (Авель) оставил остров Валаам и перешел в Никольский Бабаевский монастырь, здесь он составил и написал первое свое пророческое сказание: в нем предсказал он кончину императрицы Екатерины Великой, за что немедленно был вытребован в Петербург и заключен в каземат Петропавловской крепости. Предсказание скоро сбылось».

Воспоминания Л. Н. Энгельгардта: информация аналогичная, с той лишь разницей, что, по словам Энгельгардта посадка произошла после личной встречи с императрицей.

2. Предсказание о кончине Павла Петровича. Второе заключение.

Воспоминания А. П. Ермолова: «Возвратившись в Кострому, Авель тоже предска-

зал день и час кончины и императора Павла. Добросовестный и благородный исправник, подполковник Устин Семенович Ярлыков... поспешил известить о том Ермолова. Все предсказанное Авелем буквально сбылось».

Воспоминания Д. Давыдова повторяют эту информацию дословно.

Воспоминания Л. Н. Энгельгардта: «По кончине государыни (Екатерины), император повелел, освободя его, представить к нему; тогда он ему предсказал, сколько продолжится его царствие, государь в ту же минуту приказал его опять заключить в крепость».

Воспоминания М. В. Толстого: «За обедом у костромского губернатора Лумпа Авель предсказал время и подробности кончины императора Павла. Заключенный в Шлиссельбургскую крепость прорицатель был скоро выпущен с прежними правами».

3. Предсказание о войне с Наполеоном. Третье заключение.

Воспоминания М. В. Толстого: «Через несколько лет Авель снова высказал пророчество о вступлении наполеоновских полчищ в Россию и о сожжении Москвы. За это предсказание он был заточен в Соловецкий монастырь, но оттуда удалось ему выйти на

свободу, пользуясь покровительством князя А. Н. Голицына, постоянного покровителя квакеров, иллюминатов, масонов и других мистических лиц».

Воспоминания Л. Н. Энгельгардта: «За год до нападения французов Авель предстал пред императором и предсказал, что французы вступят в Россию, возьмут Москву и сожгут. Государь опять приказал посадить его в крепость. По изгнании неприятелей он был выпущен».

Свидетельство св. Игнатия Брянчанинова: «Монах Авель, предсказавший взятие Москвы французами, говорил, что наступит время, когда монахов сгонят в несколько монастырей, а прочие монастыри уничтожат».

4. Предсказание о кончине Александра I, восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и воцарении Николая I.

Воспоминания М. В. Толстого: «Он (Авель) подал прошение о принятии его в Серпуховской Высоцкий монастырь, куда и поступил 24 октября 1823 года. Вскоре разгласилось по Москве новое предсказание Авеля — о скорой кончине Александра I, о восшествии на престол Николая Павловича и о бунте 14 декабря. На этот раз прорицатель остался без

преследования. Последнее его пророчество сбылось, как и прежние».

Воспоминания Л. Н. Энгельгардта: «С 1820 года уже более никто не видал его (Авеля), и не известно, куда он девался».

Упоминания об этом предсказании в воспоминаниях Давыдова и Ермолова отсутствуют.

5. *Предсказание о годах царствования Николая I.*

Воспоминания Дениса Давыдова: «Авель находился в Москве во время восшествия на престол Николая; он тогда возвестил о нем: “Змей проживет тридцать лет”».

У остальных авторов мемуаров этот факт не упоминается.

6. Предсказание о коронации Николая I.

Воспоминания М. В. Толстого: «Весною 1826 года он (Авель) был в Москве. Готовилась уже коронация Николая I. Графиня А. П. Каменская спрашивала его: будет ли коронация и скоро ли... Авель отвечал ей: “Не придется вам радоваться коронации”. Эти слова разнеслись по Москве, и многие объясняли их в том смысле, что коронации вовсе не будет. Но значение их было совсем иное: графиня

Каменская подверглась гневу государя за то, что в одном ее имении крестьяне вышли из повиновения, возмущенные жестокостью управителя, и графине воспрещен был приезд на коронацию».

«Записки И. П. Сахарова» свидетельствуют, что Авель записывал свои «видения на маленьких тетрадках, которых очень много по свету гуляет».

М. Н. Гернет «История царской тюрьмы» — анализ документов (в кратком пересказе)

Монах Авель происходил из крестьян и был крепостным Нарышкина. Получив вольную, он постригся в монахи, совершил паломничество в Царьград. Грамоте был обучен. Сочинял мистическо-религиозные трактаты. На судебном допросе показывал, что имел видение: якобы видел на небесах две книги и записал их содержание. ...В рукописи, «списанной с небесной книги», усмотрели крамолу против веры православной и преступление против «его императорского величества». Приговор и указ Екатерины указывают, что сочинитель рукописи подлежит смертной казни, но по милосердию своему императрица отправляет крамольника на вечное заточение

в Шлиссельбургскую крепость. Из крепости он был освобожден императором Павлом I. Время от мая 1800 года по март 1801 года провел он в Петропавловской крепости, откуда был сослан в Соловецкий монастырь. В том же году, 17 октября 1801 года, был переведен из арестантов в монахи». Позднее Николай I «заточил Авеля в Спасо-Ефимьевский монастырь». Таким образом, как минимум трижды монах Авель был посажен в различные тюрьмы, и дважды приказ отдавался с самого верху — императрицей или императором «по высочайшему повелению».

Свидетельства анонимных источников

Приводя нижеследующие сведения, стоит отметить, что в XIX веке практика подделки документов или фальсификации следственных материалов ни разу не зафиксированы.

В них наиболее подробно представлены документы, связанные с обстоятельствами первого заключения Авеля в 1796 году.

Есть сведения, что вторичное заключение Авеля в мае 1800 года последовало вследствие обнаружения у него при скандальных обстоятельствах во время присутствия его в Валаамском монастыре некоей «кни-

ги» и «листка», написанных им самим. О чем упоминается в докладе митрополита Санкт-Петербургского Амвросия генерал-прокурору Обольянинову. После ознакомлении с содержанием этого листка, Обольянинов сообщает о нем Павлу I. Далее следует высочайшее повеление императора о заключении Авеля в Петропавловскую крепость. Анонимный автор статьи в «Русском архиве» сообщает, что «Вероятно, к этому времени и относится предсказание Авеля о кончине Павла Первого».

В марте 1801 года, уже после смерти Павла I и восшествии на престол императора Александра I, Авель переводится по распоряжению митрополита Амросия в Соловецкий монастырь для заключения. Из него, не позже 17 октября того же года, по указу Священного Синода, монах выходит на волю и переходит в число монашествующих этого же монастыря. По словам автора статьи, «выпущенный на волю Авель написал третью книгу, с предвещанием взятия Москвы неприятелем, за что его снова заточили на многие годы в Соловецкий монастырь». Эта информация документальными ссылками не подтверждена.

В 1812 году Авеля извлекает из Соловецкого заключения обер-прокурор Святейшего

Синода князь Голицын, по прямому распоряжению императора Александра I от 17 ноября 1812 года. После этого монах Авель начинает вести скитальческую жизнь. Некоторое время он «проживал в Курской губернии у известного богача Никанора Ивановича Переверзева», а затем «поселялся то в Москве, в Шереметевской больнице, что у Троицы Сергия».

24 октября 1823 года по распоряжению св. Филарета митрополита Московского монах Авель был отправлен в Серпуховской Высоцкий монастырь. В 1826 году он бежит из него. Некоторое время опять живет в миру. За этот проступок его вновь насильственно заключают в тюрьму Спасо-Ефимиевого монастыря «для смирения» по распоряжению императора Николая I в том же году. В этом же суздальском монастыре монах Авель скончался в 1831 году.

Однако, стоит заметить, что во всех этих документах нет ни малейшего намека на тексты предсказаний монаха Авеля. Вполне вероятно, они были вымараны из первоисточников цензурой по политическим мотивам.

Сергей Александрович Нилус о пророке Авеле

В первые послеоктябрьские годы за чтение и хранение книг Нилуса расстреливали на месте, затем на протяжении 70 лет имя писателя было под строжайшим запретом. Однако и позже, уже в эпоху «гласности», в середине 1990-х статья о Нилусе по настоянию филологов К. М. Азадовского, Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика была изъята из академического словаря «Русские писатели. 1800-1917».

Однако нынче творческое наследие выдающегося духовного писателя и философа вновь находит свою дорогу к широкому кругу читателей. В 2001 году обществом «Православный Петербург» учреждена премия им. С. А. Нилуса «за литературные труды, в которых выявляется историческая правда о прошлом России».

Кто же такой этот загадочный человек? Новоисповедник. Выдающийся духовный

писатель, агиограф, публицист. При его деятельном участии стало возможным прославление великого угодника Божиего преподобного Серафима Саровского. Огромное влияние на него оказал св. прав. Иоанн Кронштадтский. Ему посвятил Сергей Нилус свой самый известный и самый значительный труд «Великое в малом». Долгое время жил в Оптиной пустыни. Революция застала его с семьей на Украине, подвергнув жесточайшим испытаниям: гонениям, преследованиям, обыскам, а Сергея Александровича — неоднократным арестам.

Для Нилуса подвижники и старцы не только объект почитания и преклонения, русский народ и так любит своих святых. Его волновало другое: нравственное их влияние на раненую душу современного человека, на ее просвещение евангельским учением.

Сам Сергей Александрович, когда писал свою книгу, оставил позади блуждающую жизнь по стихиям мира сего, став благочестив, он был уже свободен от пороков своей молодости, оказался пригодным для стяжания даров Божиих — благодати Духа Святого, вдохновения спасительного и пророческого. Он видел грядущую судьбу России, слышал тревожный звон колоколов, искренне

болел душой за народ русский, и мучительно размышлял о будущем, понимая, что измученной душе помощниками могут стать лишь православные подвижники, радетели России в целом и каждой русской души в частности. Человек, склонный к добру, любящий ближнего не менее, чем себя, совершал подвиг во имя Христа, и этот подвиг в пределах возможностей одного человека пусть и не велик, но ведь из малого складывается великое.

Не обошел он своим вниманием и пророка Авеля. В своей книге «На берегу Божией реки. Записки православного» он посвящает пророку пронзительные строки, которые мы приводим ниже.

Но скажем несколько слов и о самой книге. Цикл «На берегу Божьей реки. Записки православного» построен на противопоставлении разрушительной силы зла и силы христианской любви, проявляющейся через святых подвижников Русской земли начала XX века. Одним из таких подвижников был великий дивеевский старец, преподобный Серафим Саровский и, конечно же, монах Авель. Работая в архивах монастыря, Нилус обнаружил и расшифровал уникальные записи поучений старцев. Среди них и рукопись «Великая Дивеевская тайна». Это удивительные пророче-

ства о будущем России и последних судьбах мира, о воскресении и «переходе» св. Серафима из Сарова в Дивеево для всемирной проповеди покаяния. И пророчества эти с удивительной точностью начали осуществляться уже в XX веке.

О многом рассказывает автор в своем цикле: о двух удивительных событиях, случившихся в монастыре, и об их последствиях для судьбы России; о монахине Ольге и ее прорицаниях; о голом человеке на престоле Введенского храма; о послушнице без послушания и о метаморфозах Льва Толстого; о пророческих предсмертных сновидениях отца Илидора; о таинственной рукописи одной монахини, о том, что такое на самом деле «Русь Православная» и о многом другом. И уж совсем замечательно, когда появляются в книге совсем неожиданные сюжеты: об антихристе Наполеоне и причинах его падения; когда святой архистратиг Михаил выступает в роли революционера; когда собраны воедино под одну обложку все знамения, предвещающие приход антихриста; о материнском проклятии и ночных посетителях монашеской кельи; о пророке Авеле; о гневе Божием, искушении и утешении; о современном Калиостро и вестях из Испании; о лжепророках, лжеюроди-

вых и ужасах жизни, о которых даже камни вопиют.

И твердое осознание: пророка надо России!

Историк С. А. Нилус. Рассказ отца Н. в Оптиной пустыни 26 июня 1909 г.

О *пророчествах Авеля (Воспоминания)*

«Во дни великой Екатерины в Соловецком монастыре жил-был монах высокой жизни. Звали его Авель. Был он прозорлив, а нравом отличался простейшим, и потому, что открывалось его духовному оку, то он и объявлял во всеуслышание, не заботясь о последствиях. Пришел час, и стал он пророчествовать: пройдет, мол, такое-то время, и помрет царица, — и смертью даже указал какою. Как ни далеки Соловки были от Питера, а дошло все-таки вскорости Авелево слово до Тайной канцелярии. Запрос к настоятелю, а настоятель, недолго думая, Авеля — в сани и в Питер, а в Питере разговор короткий: взяли да и засадили пророка в крепость... Когда исполнилось в точности Авелево пророчество и узнал о нем новый государь, Павел Петрович, то, вскоре по восшествии своем на престол,

повелел представить Авеля пред свои царские очи. Вывели Авеля из крепости и повели к царю.

— Твоя, — говорит царь, — вышла правда. Я тебя милую. Теперь скажи: что ждет меня и мое царствование?

— Царства твоего, — ответил Авель, — будет все равно что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью.

Не по мысли пришлись царю Авелевы слова, и пришлось монаху прямо из дворца опять сесть в крепость... Но след от этого пророчества сохранился в сердце наследника престола Александра Павловича. Когда сбылись и эти слова Авеля, то вновь пришлось ему совершить прежним порядком путешествие из крепости во дворец царский.

— Я прощаю тебя, — сказал ему государь, — только скажи, каково будет мое царствование?

— Сожгут твою Москву французы, — ответил Авель и опять из дворца угодил в крепость...

Москву сожгли, сходили в Париж, побаловались славой... Опять вспомнили об Авеле и велели дать ему свободу. Потом опять о нем вспомнили, о чем-то хотели вопросить,

но Авель, умудренный опытом, и следа по себе не оставил: так и не разыскали пророка».

Фрагменты из работы историка Сергея Александровича Нилуса «На берегу Божьей реки »

Основную выдержку из этой книги мы уже привели выше, когда рассказывали о жизни монаха Авеля. Здесь лишь добавим то, что в этой же книге автор приводит и следующий список предсказаний «русского Нострадамуса».

Екатерине II (1762-1796) — «...царствовать будет 40 лет».

Павлу I (1796-1801) — «Коротко будет царствие твое, и вижу я лютый конец твой. ...от неверных слуг мученическую кончину примешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями. Они же возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою».

Александру I (1801-1825) — «Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы...»

Николаю I (1825-1855) — «Начало правления... Николая дракой, бунтом вольтерьянским зачнется...»

Александру II (1855-1881) — «Царем-Освободителем преднареченный... крепостным он свободу даст, а после турок побьет и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, “охоту” на него начнут, убьют среди дня ясного в столице...»

Александру III (1881-1894) — «Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет».

Николаю II (1894-1917) — «Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную... На венец терновый сменит он корону царскую... Война будет... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Брат на брата восстанет... власть безбожная будет бичевать землю русскую...»

Историческое сказание «Вещий инок». Беседа Авеля с императором Павлом

Источник: *Шабельский-Борк П. Н. «Вещий инок.* (Историческое сказание). «Хлеб Небесный». Духовно-нравственный православный иллюстрированный журнал. — Издание Казанско-Богородицкого мужского монастыря 1932. № 5. 1-31 мая.

В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет Кваренги блестел своими изящными линиями. Вокруг царили тишина и торжественность.

Пристальный взор императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего пред ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражались любовь, мир и отрада.

Императору сразу полюбился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келье в Александро-Невской лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо было императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его августейшей родительницы, ныне в бозе почивающей государыни императрицы Екатерины Алексеевны. И вчерашнего дня, когда речь зашла о вещем Авеле, его величество повелеть соизволил — завтра же нарочито доставить его в Гатчинский дворец, в коем имел пребывание двор.

Ласково улыбнувшись, Император Павел Петрович милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях был.

— Честной отец! — промолвил император: о тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

— Эх, батюшка-царь! — покачал головой Авель. — Почто себе печаль предречь меня принуждаешь? Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь Ты на царственной груди своей. В Страстную субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память Твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о царственном доме твоем: «Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней»...

— О сем ты прав, — изрек император Павел Петрович. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя святого архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю Небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

— Зрю в нем преждевременную гробницу твою, благоверный государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — игом христоубийц...

— Что? Святая Русь под игом христоубийц будет? Не быть сему вовеки! — гневно нахмурился император Павел Петрович. — Пустое болтаешь, черноризец...

— А где татары, ваше императорское величество? Где поляки? И с игом христоубийц то же будет. О том не печалься, батюшка-царь: христоубийцы понесут свое...

— Что ждет преемника моего, цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет в очах Божиих...

— А кто наследует императору Александру?

— Сын твой Николай...

— Как? У Александра не будет сына? Тогда цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет дом Пресвятой Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится...

— После сына моего Николая на престоле российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй, Царем-освободителем преднареченный, твой замысел исполнит — крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят христоубийцы ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной, отщепенскими руками. Как и ы, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственною...

— Тогда-то и начнется тобою реченное иго христоубийц?

— Нет еще. Царю-освободителю наследуеть царь-миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — святому царю, Иову Многострадальному подобному. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал: «А потом будет христоубийца скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от святого царя. О нем свидетельствует Писание. Псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу Его...

— *«Ныне познах, яко спасе Господь Помазанника Своего: услышишь Его с небесе святаго Своего: в силах спасение десницы Его» (Псал. 19, 7).*

— *«Велия слава Его спасениемъ Твоим, славу и велелепие возложиши на Него» (Псал. 20, 6).*

— *«С Ним Я в скорби; изму Его и прославлю Его, долготою дней исполню Его и явлю Ему спасение Мое»* (Псал. 90, 15-16).

Живый в помощи Вышнего, возсядет Он на Престоле Славы. А брат его царственный — сей есть тот, о котором открыто пророку Даниилу: *«...И восстанет тогда Михаил, Князь Великий, на защиту народа Своего»* (Дан. 12,1).

Свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет Крест Православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...»

В глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал на него один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине.

Император Павел Петрович глубоко задумался. Неподвижно стоял Авель. Между монархом и иноком протянулись молчаливые незримые нити.

Император Павел Петрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие царские переживания.

— Ты говоришь, что иго христоубийц нависнет над моей Россией лет через сто. Пра-

дед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне прорек мне о потомке моем, Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась Книга Судеб. Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего...

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно. Я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего. Иди, Авель, и молись неустанно в келье своей о мне, роде моем и счастье нашей державы...

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволил: *«Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины».*

11 марта 1901 года, в столетнюю годовщину мученической кончины державного прапрадеда Своего, блаженной памяти императора Павла Петровича, после заупокойной литургии в Петропавловском соборе, у его гробницы, государь император Николай Александрович, в сопровождении министра Императорского двора генерал-адъютанта барона Фредерикса и других лиц свиты, изволил прибыть в Гатчинский

дворец для исполнения воли своего в бозе почивающего предка.

Умилительна была панихида. Петропавловский собор был полон молящихся. Не только сверкало здесь шитье мундиров, присутствовали не только сановные лица. Тут были во множестве и мужицкие сермяги, и простые платки, а гробница императора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы были от верующих в чудесную помощь и предстательство почившего царя за потомков своих и весь народ русский. Воочию сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет особо чтить память царя-мученика и притекать будет к гробнице его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Государь император вскрыл ларец и несколько ранее прочитал сказание Авеля Вещего о судьбе своей и России. Он уже знал свою терновую судьбу, знал, что недаром родился в день Иова Многострадального. Знал, как много придется ему вынести на своих державных плечах, знал про близ грядущие кровавые войны, смуту и великие потрясения государства Российского. Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми...

Но вставала в державной памяти его другая, отрадная картина. В убогой монашеской келье пред Богосветлым старцем Саровским сидит двоюродный державный прадед его, Александр Благословенный. Перед образами ярко горят лампады и бесчисленные свечи. Среди образов выделяется икона Божией Матери Умиления. Благодать Божия почивает на келии. Как никогда, легко и отрадно на душе благословенному царю. Тихо, как лесной ручеек, льется пророческая речь святого старца о грядущих судьбах российских...

— «Будет Царь, Который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого царя и его самодержавия; все восставшие погибнут, а я царя возвеличу»...

Еще не был прославлен пока преподобный Серафим Саровский, но Синодом уже велись подготовительные к тому работы, и горячее желание благочестивейшего государя было близко к осуществлению...

Настало покушение 6 января 1905 года. Близко просвистела картечь, как топором, срубило древко церковной хоругви над царскою головой. Но крепкою рукой успевает протодьякон подхватить падающую хоругвь

и могучим голосом запел он: *«Спаси, Господи, люди Твоя...»*

Чудо Божие хранило государя для России. Оглянулся государь, ни один мускул не дрогнул в его лице, только в лучистых глазах отразилась бесконечная грусть. Быть может, вспомнились ему тогда предсказания боговетлого Серафима и Авеля Вещего об ожидающем его крестном пути.

О том же крестном пути ему говорит в своей келье и великий подвижник наших дней, старец Варнава Гефсиманский, предрекая небывалую еще славу царского имени его...

«В устах их нет лукавства; они непорочны пред Престолом Божьем...» (Откр. 14, 5).

То, что не было видно куриному оку людскому, было прозреваемо его царскими очами. И знал он, проходя по залам Зимнего дворца при объявлении войны Германии, что начинается крестный путь его с семьей, что кровавый мировой паук расправляет уже на бедную Россию свои кровавые щупальцы. Возбужденные, все кидаются к нему и государыне, обступая их кольцом, целуя руки им обоим и подол платья императрицы, у которой по бледному, как мрамор, лицу катятся крупные жемчуга. Площадь Зимнего дворца, запруженная народом так, что нельзя дышать, оглашается

единодушным, могучим «Боже, царя храни». Как один человек, все на коленях. Так некогда встречали Христа Спасителя при Входе в Иерусалим, с пальмовыми ветвями сыны Израиля, постилая свои одежды и восклицая: «Осанна Сыну Давидову!», чтобы через несколько дней яростно кричать Понтийскому Пилату: «Распни, распни Его!»

Это его, самодержца Всероссийского, торжественный Вход в Иерусалим, преддверие его царственной Голгофы.

Тихо на площади. Знает царь, что ждет его и Россию, но верит он, что Россия победно пройдет беды. Чудятся ему в ярко сияющем летнем солнце лучи его грядущей нетленной славы, победа над темными силами и освобождение народа русского от ига жидовского. Страшный враг у ворот России, еще более страшный, чем враг внешний. К небу поднимаются ясные очи царские и, широким крестом осенив себя, на удивление всем, твердо произносит пресветлый свою державную клятву: *«Не положу моего оружия до тех пор, пока хоть один враг останется на Земле Русской».*

Приложение

Одоевский В. Ф. Житие и страдание отца и монаха Авеля; Колдовство XIX века: письма к графине Е. П. Р...-ой о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, каббалистике, алхимии и других таинственных науках.

«Письма» князя В. Ф. Одоевского, особенно «Колдовство XIX века» — широко известны среди интересующихся и серьезно занимающихся проблемами мистического. Впервые они были опубликованы в «Отечественных записках» за 1839 год.

Князь Владимир Федорович Одоевский — русский писатель, философ, музыковед и музыкальный критик, общественный деятель. Последний представитель рода Одоевских — одной из старших ветвей Рюриковичей. Он оставил богатое литературное наследие. Особенно известны его сказки для детей, такие как, например, «Городок в табакерке» и зна-

менитые «Сказки и повести для детей дедушки Иринея». Русский князь в петербургский период своей жизни увлекался мистическими учениями, средневековой натуральной магией и алхимией. Что не удивительно: ведь и сам город этот, Санкт-Петербург, склонен к мистике. Он и сам был в каком-то смысле предсказателем. Так в своем незаконченном утопическом романе «4338 год», написанном в 1837 году, он предсказал появление Интернета. В тексте романа есть такие строки, описывающие будущее устройство мира: «между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далёком расстоянии общаются друг с другом». И увлечения его мистикой не были баловством. Книги его внимательно изучались всеми, серьезно занимающимися областью мистического. По некоторым версиям, книги его вместе с книгами «ужасными и преужасными» хранились в архивах сверхсекретного отдела, занимавшегося в 30-е годы XX века аномальными явлениями, под руководством чекиста Бокия...

Этими книгами были «Письма» князя В. Ф. Одоевского, особенно «Колдовство XIX века», впервые опубликованные в «Отечественных записках» за 1839 год. Для это-

го же издания подготовил князь Одоевский и книгу «Житие и страдания монаха Авеля». Позднее именно эти два произведения часто издавались под одной обложкой. Не отойдем от этой традиции и мы.

ПИСЬМА К ГРАФИНЕ Е. П. Ростопчиной, или Колдовство XIX века

Письмо первое

Вы требовали от меня, графиня, какую-нибудь повесть, да пострашнее. К сожалению, повести не по моей части: это дело одного известного вам моего приятеля, который любит пугать честной народ разными небывальщинами. Что до меня касается, я сам ничего не изобретаю: я умею только с грехом пополам пересказать чужое. Чтоб исполнить по мере сил ваше желание, я, если не расскажу вам повесть о привидениях, то по крайней мере осмелюсь представить самый источник, из которого берутся страшные повести. Я должен признаться, что этот предмет издавна обращал на себя все мое внимание; к нему привлекала меня не одна поэтическая его сторона: мне казалось, что под всеми баснословными рассказа-

ми о страшилищах разного рода скрывается ряд естественных явлений, доныне не вполне исследованных, и причины которых частию находятся в самом человеке, частию в окружающих нас предметах.

С чего начать? Несколько выше я, кажется, проговорился о главных основаниях моей системы, то есть о необходимости искать причин видений и привидений, во-первых, в нас самих, а во-вторых, в предметах, нас окружающих. Эти основания, как основания почти всех теорий дурных и хороших, кажется, недовольно ясны; постараюсь выразиться подробнее.

В прошедшем году, я переехал с дачи ранее обыкновенного; несколько теплых дней захватили меня в городе. Однажды, около полуночи, сделалось так душно, что я отворил окошко в моем кабинете, но однако же, не слишком полагаясь на теплоту петербургских ночей, благоразумно сел в кресла, стоящее в другом углу. Не поскучайте этими подробностями: они очень важны; больше всегда вспомните, что мой кабинет в четвертом этаже. Ночь была в самом деле прекрасная, городской шум утих; все домашние в доме у меня спали; «на светло-голубом эфире, златая плавала луна...» Как бы то ни

было, я вполне наслаждался этим чувством тишины, столь редким в многолюдном городе. Вдруг сзади меня послышался шелест шагов; сначала я подумал, что проходит кто-нибудь из домашних, и не обратил на это внимания; но шелест продолжается; он походил на медленное шарканье больного человека; словом, это были точь-в-точь такие шаги, каких можно ожидать от привидения; признаюсь вам, что я несколько... хоть удивился, встал с кресла, посмотрел вокруг себя: двери были заперты, шелест явственно слышался в углу у печки; я прошел в другую комнату — везде вокруг меня было спокойно; вхожу опять в кабинет — в углу у печки опять тот же шелест, который то ослабевал, то усиливался, смотря по тому, как приближался к углу, или удалялся от него. Представьте себе на моем месте человека или больного, или пораженного какою-либо потерею, или просто с пламенным воображением, а не меня, холодно читавшего в это время корректуру какой-то статистической статьи: чего б не могло воображение присоединить к этому действительному шелесту шагов? Я не успел выйти из недоумения, как шелест шагов прекратился: я еще был в раздумьи над этим странным явлением, как шаги послышались сно-

ва: это уже было слишком. Мне было досадно, и даже, признаюсь вам, немножно страшно. Прислушиваясь внимательно к этому невидимому звуку и стараясь призвать на помощь все свое хладнокровие, я заметил, что в промежутках между шагами было что-то мерное, привидение как по метроному не делало одного шага скорее другого. Я подумал сначала, что здесь играло ролью отражение звуков часового маятника, но скоро нашел, что это дело невозможное, ибо часы находились от меня за несколько комнат. Осматривая внимательно кабинет, я наконец подошел к растворенному окошку и скоро услышал тот же звук, но гораздо сильнейший; загадка объяснялась самым простым образом: на Фонтанке, против моих окон, стояла барка с дровами; из нижней ее части, находящейся над водою, выплескивали воду, обыкновенно натекающую в подобные барки: звук, производимый этим плеском, не слышен при городском шуме, но столько был силен, что, входя в открытое окно четвертого этажа, по особому акустическому устройству комнаты отражался именно в одном углу ее, и почти не был слышен в другом. Вот какого рода явления я называю причиною привидений,

находящеюся вне нас и обманывающею нас в больном или здоровом состоянии.

Такого рода явлений тысячи; скольким заблуждениям подвергает нас какое-либо странное устройство комнат! Вам известна большая часть акустических обманов, происходящих в комнатах со сводами, или имеющих эллиптическую форму. Помните старую залу Большого театра: в некоторых ложах вы слышали суфлера гораздо явственнее, нежели актера; казалось, что суфлер говорит вам на ухо; часто вы слышали в одной ложе духовые инструменты прежде струнных, в другой — струнные прежде духовых. Вы, верно, также замечали, сходя с лестницы после бала, когда жар общих разговоров, кажется, усиливается, — что вдруг одно слово, сказанное не громче другого, раздается по всему подъезду; это случается тогда, когда звук этого слова настроен в один тон с каким-нибудь стеклом в окошке, а иногда и целым сводом. Все эти явления понятны и даже могут быть вычислены, ибо происходят в определенных, измеренных линиях; но какой математик приведет в числа все фантастические линии, происходящие в наших дедовских домах от бесчисленных пристроек и перестроек каждого нового поколения, каждого нового

жильца? Какие тут могут произойти трубы, звукопроводы, так сказать акустические микроскопы? А вы знаете, что именно в старых домах привидения любят поселяться, шуметь по ночам и делать всякие проказы. На сей-то род явлений я намерен обратить преимущественное внимание, как вы увидите это впоследствии; теперь же мы побеседуем с вами о первой причине видений, то есть происходящей в нас самих, почти без всякого содействия внешней природы.

Все эти наблюдения, правда, уничтожают поэзию привидений; но успокойтесь, еще много останется —

> ...в природе, друг Горацио,
> Что и не снилось нашим мудрецам.

Письмо второе

У нас пять чувств, как известно: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание; но часто болезни или природное расположение органов, посредством которых действуют наши чувства, т. е. глаза, уши, язык и проч., действуют так неправильно, что чувства наши передают уму совершенно ложные впечатления; это продолжается до тех пор, пока наш организм не придет в натуральное здоровое положение. Каждое чувство, которого орган

находится в болезненном состоянии, весьма удобно может нас вводить в заблуждение и давать ложную идею о предметах; так, например, одержимому желтухою все предметы кажутся желтыми; при сильном засорении желудка теряется вкус, пища и питье кажутся горькими; от одной болезни ослабевает зрение, от другой слух, и так далее. Все эти явления, когда наши чувства дают нам о предметах такое понятие, которое противоречит нашему обыкновенному понятию о том же предмете, ученые называют общим именем: обманом чувств.

Обман же чувств делят на два главных рода: на иллюзию (illusions) и галлюционацию (gallucination). Одно на другое довольно похоже. Но под словом иллюзия (что можно перевести просто словом: чувственный обман) ученые понимают то состояние, когда человек составляет о каком-нибудь предмете противоречащее истинному или нашему обыкновенному об нем понятию; под словом же галлюционация (что можно перевести: способность к видениям; не привидимость ли?) разумеют такое состояние организма, когда человеку являются предметы, в самом деле не находящиеся пред ним, часто в настоящем своем виде, но с символическим значением.

Рассмотрим обманы чувств в двух вышеозначенных видах и скажем несколько слов хоть об обмане, производимом в нас чувством зрения.

Иногда, например, как выше замечено, внешние предметы представляются нашим глазам совсем не того цвета, какой они действительно имеют. Если, став против окон, долго смотреть в одно и то же время на предметы светлые и темные, а потом обратить глаза свои на светлую стену, то в эту минуту предметы, казавшиеся до того темными (например, рамы в окошке), представятся светлыми. Таким образом, когда зрение наше вдруг переходит от предметов темных к светлым и обратно, то предметы, которых впечатление осталось еще в органах зрения, покажутся различно окрашенными, или, что все равно, глазам будут представляться какие-то цветные пятна. Если, сидя под окном, во время ясного солнечного дня будете долго держать в руках книгу, так чтобы солнечные лучи прямо в нее ударяли, то буквы будут казаться в глазах то зеленого, то красного цветов. Сюда принадлежат и цветистые окраины, с которыми представляются иногда в глазах наших предметы, сильно освещенные, когда мы на них долго смотрим. Если

кто долго занимается с сильным напряжением умственных способностей, находится в душевном расстройстве, или изнуряет свои физические силы продолжительным бдением, не укрепляя себя сном, то весьма часто черные буквы на бумаге кажутся ему с красными или голубыми окраинами. То же самое бывает и у оконничных рам, если прилежно устремить зрение на предметы, за окном находящиеся, или, став пред окном, долго смотреть на какой-нибудь предмет, находящийся между окном и глазами, например, на какое-нибудь острие, палку и тому подобное. В желтухе, как сказано выше, больному все предметы кажутся желтыми: в других болезнях они же нередко представляются зеленоватыми.

Диц рассказывает о себе следующее: «я сам по собственному опыту удостоверился однажды, что внешние предметы могут представляться глазам нашим не в натуральном их цвете, хотя бы и не происходило никакой материальной перемены в органах зрения. Однажды вечером лег я в постель, чувствуя небольшую боль от засорения желудка; когда на другой день я встал с постели, то к удивлению моему заметил, что все окружающее меня было прекрасного зеленого цвета, как будто бы я смотрел в очки с зелеными сте-

клами. Сначала мне никак и не приходило в голову, что такая перемена в зрении происходит собственно от болезненного расположения глаз моих, а потому и обратил я внимание спавшего в той же комнате брата на такое странное оптическое явление; лишь после его неоднократных уверений, я убедился, что меня обманывает зрение. Чрез несколько времени предметы, представлявшиеся мне сначала светло-зеленоватого цвета, стали казаться в темно-зеленом, но чрез полчаса цвет этот начал становиться бледнее, и наконец исчез совершенно, уступив место натуральному. Кажется, нельзя было думать, чтобы в такое короткое время могла произойти какая-либо материальная перемена в органах самого зрения,— как, например, изменение в цвете глазной жидкости,— и нельзя было допустить, чтобы все это так скоро пришло в прежнее положение, почему должно приписать этот обман зрения особенному сочувствию глаз с желудком». У некоторых людей такая перемена зрения весьма обыкновенная; иным внешние предметы кажутся совершенно бесцветными или сероватыми, а преимущественно того цвета, который известен у живописцев под именем sepia. Другим же предметы представляются смешанных цве-

тов, например: светло-желтого с зеленым, пурпурового с синим, темно-красного, темно-зеленого и темно-коричневого е черным. Один гравер купил себе темно-коричневый суконный сюртук вместо зеленого, и носил в твердой уверенности, что его сюртук зеленый; этот же самый гравер, еще в детских летах, беспрестанно ошибался в выборе и употреблении красок и принимал одну вместо другой; отчего рисунки его имели самый странный, фантастический колорит. Некоторым все цвета без различия кажутся или синими, или коричневыми; другим же они представляются синими или желтыми с различными оттенками.

Другой род обмана зрения состоит в том, что мы иногда, вместо того чтоб представляющиеся нашему зрению предметы видеть просто поодиночке, видим их вдвойне и даже в нескольких повторениях. Если под вечер, во время сумерек, или в мрачный день, будете смотреть пристально несколько минут на окошко и потом поворотите глаза несколько в сторону так, чтобы та часть глаз, в которых удерживается еще отпечаток или изображение темноватых оконничных перекладин, упадала бы на прозрачное стекло, то увидите множество светлых полосок, изображающих

деревянные переборы оконничной рамы, которые будут извиваться по светлому стеклу. Или, проколите на карте булавкою два отверстия, и притом так, чтобы они отдалены были друг от друга на такое же расстояние, какое находится на лбу между обоими глазами; потом зажмите один глаз и смотрите другим чрез карту на горящую свечу или на кусок белой бумаги, на которой сделана черная точка; тогда увидите следующее явление: сначала будет вам казаться, что вы смотрите сквозь туман; оба карточные отверстия покажутся вам гораздо более, нежели каковы они в самом деле; потом покажется вам, что они начинают сливаться в одно с другими своими окраинами, и наконец, составят один общий круг, а свечное пламя или черный пункт, на бумаге изображенный, представится глазу вдвое более настоящей своей величины. Этого мало: каждый предмет может казаться в несколько раз более, смотря по тому, сколько будет сделано отверстий на карте.

Близость или отдаленность предмета имеет большое влияние на обман зрения; так, например, известно, что дети часто протягивают руки к луне, думая схватить ее; слепорожденные, которым удачная операция расторгла завесу мрака, скрывавше-

го от них видимую природу, думают, что все предметы непосредственно находятся пред ними. То же самое рассказывают и о Каспаре Гаузере, которому предметы, видимые им в окно, казались большою картиною. Нервы зрения у одного сумасшедшего были так чувствительны, что однажды, рассуждая о действиях солнечных лучей, он представлял себе, что они от него не далее как в четырех шагах. Одна безумная рассказывала по выздоровлении своем следующее: «Однажды, вечером, лежала я в постели и смотрела пристально на мою надзирательницу, которая мне тогда представлялась в виде какого-то страшного привидения. Тут вдруг показалось мне, что горевшая на столе сальная свечка стала бегать по комнате; но всего удивительнее было для меня то, что огонь по-прежнему горел на столе, а сало текло из отверстия в стене в виде фонтана или водопада. Мне представилось, что этот водопад устремляется прямо на меня, что он душит меня, отчего я и стала громко кричать».

Предметы, спокойно лежащие или стоящие, иногда зрению нашему представляются движущимися. Во время езды на пароходе деревья, по сторонам дороги находящиеся,

или берега, кажутся мимо летящими. В обмороке или в сильном опьянении все предметы кажутся кругом вертящимися около одного центра. Некоторые люди, одержимые психическими болезнями, не могут ни читать, ни писать, потому что им представляется, будто буквы на бумаге бегают, прыгают и гоняются одна за другою.

Иногда предметы представляются зрению навыворот. Одна девица, одержимая истерикою, во время своих припадков воображала, что видит все окружающие ее предметы навыворот, что ей казалось очень смешно; столы для нее были опрокинуты, люди ходили на головах; с прекращением припадков прекращалось немедленно и ее заблуждение. В некотором смысле принадлежат сюда также и те случаи, когда больной видит только одну какую-либо часть в предмете.

От этого, может быть, происходило, что некоторые видели людей без головы, дома без крыш и прочее тому подобное. Для объяснения этого нужно было бы прибегнуть к анатомическим объяснениям, которые вас испугают, графиня. Довольно, если я вам скажу, что этот странный обман зрения происходит от бездействия некоторых органов глаза,

в то время как другие его части находятся в должном порядке.

Как часто мы не узнаем некоторых предметов и лиц, или принимаем их за другие! Это, вероятно, удавалось вам неоднократно испытывать и над собою; здесь также обман зрения. Верно, случалось вам также, во время путешествия или прогулки в темную ночь, видеть в каждой сосне, в каждом высоком дереве подобие башни или строения, принадлежащего к тому месту, к которому вы спешили. Новички в морском деле нередко принимают отдаленную землю за волнующуюся массу тумана и наоборот. Лунный свет очень благоприятствует таким обманам зрения: Гоген говорит, что ему очень часто случалось принимать длинные тени, бросаемые на землю высокими предметами, за вырытые в земле канавы... Но пора кончить эти общие примеры и рассказать вам несколько анекдотов, в которых лунное сияние играет важную роль.

Письмо третье

Древние, по свидетельству Плиния, [...] приписывали луне разные чудеса: они называли ее звездой духа жизни или жизненного духа; они думали, что от ее влияния земля

наполняется питательными соками; что при ее приближении все вещества расширяются, а с ее удалением сжимаются; что между новолунием и полнолунием растут раковины, количество крови в человеке увеличивается, и прочее, тому подобное. До сих пор простолюдины приписывают луне какую-то таинственную силу; вспомните рассказы о действии луны на оживление вампиров, мертвецов; недаром и поэты поклоняются луне и ждут от нее вдохновения. Знаете ли, отчего все это происходит? Увы, от того, что свет луны удивительно способствует обману зрения! Мне очень жаль бедной луны, но, должно признаться, что все рассказы о являвшихся привидениях тогда наиболее сомнительны, когда таинственное происшествие случилось при лунном сиянии. Сколько раз висящие на стене невинные полотенца, освещенные луною, были принимаемы за привидения!

Вот вам действительно случившийся анекдот, который убедит вас в справедливости моих слов. В отдаленной части Шотландии путешественник был застигнут ночью на дороге и принужден искать себе ночлега в одной маленькой и уединенной хижине. Путешественник наш принят был радушно, и хозяйка, отводя его на покой в особую комнату,

стала уверять его с каким-то загадочным и боязливым видом, что окно хорошо заделано. Осматривая прилежно стену, в которой было прорезано это окошко, путешественник заметил, что возле окошка был пролом, вероятно сделанный для того, чтоб увеличить отверстие. Когда он пожелал узнать тому причину, то получил в ответ, что один пастух, который незадолго до того времени ночевал в самой этой комнате, повесился на ее дверях. По общепринятому в той стране суеверному правилу, не позволялось вытащить тело самоубийцы сквозь двери, а окно было для того слишком узко, почему хозяева дома и вынуждены были проломать часть стены, чтоб вынести покойника. При этом рассказе дали путешественнику заметить, что с тех пор пастух иногда показывается ночью в этой комнате, отчего никто из домашних никогда в ней не ночует. Хотя путешественник наш и не верил привидениям, однако ж не без некоторого тайного страха лег в постелю, положив подле себя на всякий случай оружие. Между тем во сне пригрезилось ему какое-то страшилище, которое, как казалось ему, стояло у его постели. Когда он проснулся, встревоженный сновидением, то заметил, что сидит на постели с пистолетом в руке. Окинув

комнату боязливым взором, он ясно увидел при лунном свете, что у стены, прямо против него и рядом подле окошка, стоит, закутавшись в гробовой саван, какой-то длинный и неподвижный призрак. Путешественник с большим усилием решился наконец приблизиться к этому ужасному видению, в чертах и одежде которого, как казалось, он узнавал то самое страшилище, которое нарушило сон его. Подошедши кое-как к стене, стал он шарить рукою по тому месту, где, как казалось ему, стоял призрак, но, не находя ничего под рукою, возвратился опять к постели; однако ж он побоялся опять лечь спать. После некоторого отдыха, в продолжении которого он успел собраться с мыслями и придумать средство освободиться от столь неприятного положения, путешественник принялся снова за свои разыскания и наконец открыл, что предмет его ужаса происходит от ударения лучей лунного света на стену, ибо лучи эти, проходя чрез разбитое в окне стекло, образовали собою длинный, блестящий призрак, которому разгоряченная предшествовавшим тому сновидениям фантазия путешественника с невозможною точностью придала черты, наружность и все принадлежности трупа, приготовленного к погребению.

Сюда принадлежат также воздушные оптические явления, случающиеся с путешественниками в песчаных степях, которые так часто обманывали французских солдат во время бонапартовой экспедиции в Египте. Во время дальних и затруднительных переходов чрез знойные пески, при палящем солнце, умирая от жажды, они часто думали видеть перед собою вдали роскошные цветущие поля или обширные озера, в которых надеялись утолить жажду; но, подходя к тому месту, где предполагали отдохнуть и освежить силы, они снова находили ту же степь, те же пески; луга, озера — были оптический призрак, происходивший от волнения паров или нагретого воздуха. Это волнение в малом виде можно заметить днем, смотря на предметы сквозь то место, которое находится над пламенем горящей свечи, — и даже в поле, летом, в жаркий полдень, если, прилегши к земле, смотреть издали на дальний лес, или на другой темный предмет.

Знаменитый Кардан, не помню в каком городе, однажды чуть было не сделался жертвою простого народа, который, собравшись на площади, смотрел на изображение человека, находившегося будто бы в облаках. Кардан показал народу, что это изображение было

портрет статуи, находившейся на каком-то здании и отражавшейся в густых парах воздуха. Для произведения такого оптического обмана нужно много условий, но оно возможно. Вспомните обо всем, что писано о явлениях, известных под именем «миража», «фата-морганы». Я не упоминаю о них, ибо, они описаны во многих детских книгах. Арабские и персидские поэты рассказывают нам много чудесного о сих явлениях. Иногда, и в особенности в то время, когда дух наш, в каком-либо нравственном волнении, как будто ожидает чего-то сверхъестественного, тогда самые обыкновенные, ежедневно нами видимые предметы делаются в глазах наших в самом деле сверхъестественными. Вот вам пример: повар одного купеческого корабля во время переезда сделался болен и умер; надобно прибавить к этому, что у него одна нога была короче другой, почему он и ходил прихрамывая. Несколько дней после того, как спустили в море труп его, лейтенант этого корабля будит капитана ночью и объявляет ему, что повар плывет за кораблем и что все матросы собрались у борта смотреть на чудо. Капитан рассердился, сначала приказал было оставить его в покое и наблюдать, кто прежде прибудет в Ньюкестль: корабль ли, на котором

они плывут, или повар, которому вздумалось плыть туда же. Но скоро лейтенант счел нужным еще раз разбудить капитана, говоря, что экипаж приходит в совершенное отчаяние, да и что он сам в большом недоумении, ибо в самом деле видел перед кораблем что-то страшное, движущееся в воде, и которое, как все уверяли, походило на повара как две капли воды; что на нем была даже шапка, в которой обыкновенно он ходил. Капитан вышел на палубу, нашел весь экипаж в таком расположении духа, что счел нужным сказать, будто и ему в самом деле тут кажется что-то странное, о чем он прежде и не думал, и будто бы он теперь не знает, как разрешить эту загадку. Слова эти так встревожили весь экипаж, что все матросы от страха не знали, что делать, и почти оставили управление кораблем. Наконец, капитану пришла счастливая мысль направить ход корабля прямо на фантом повара, но ни один человек не решался взяться за руль. Вынужденный сам исполнить эту работу, капитан приблизился к неизвестному призраку и открыл, к общему удовольствию и смеху, что пред кораблем плыл не покойник-повар, наделавший им столько хлопот, но просто кусок дерева, принадлежавшего какому-нибудь разбитому кораблю и имев-

ший подобие человека. Не догадайся капитан приблизиться к мнимому привидению — нет сомнения, что это происшествие сделалось бы происшествием, которому были очевидные свидетели, а эти свидетели не отказались бы даже подтвердить под присягою то, что они видели своими глазами, — и кто-нибудь, например, доктор Кернер, засвидетельствовав подписи очевидных свидетелей, обнародовал бы это происшествие во всеобщее сведение; долгое бы время переходила эта история от одного легковерного рассказчика к другому, и не один исправный и смелый, но суеверный моряк дрожал бы, может быть, от страха, слушая такое повествование... Кстати, о моряках: некто был подвержен морской болезни, которая перешла в умственное помешательство. Движения его глазного яблока были так неправильны, что он не мог ничего ясно видеть. Когда по этой причине предметы в глазах его колебались, а ноги не довольно твердо служили, то он имел привычку кричать: «море сильно волнуется».

В некоторых болезнях человек принимает одно лицо за другое. Весьма замечательное смешение лиц рассказывает доктор Драке: один из его пациентов страдал умственным помешательством и конвульсиями: «Я был

однажды свидетелем, — говорит доктор, — одного весьма замечательного помешательства в уме и чувствах моего больного; однажды конвульсии, которым он был подвержен, только что прекратились за несколько минут до моего прихода. Когда я вошел в комнату, то нашел его сидящим на краю постели и отчасти в помешательстве; я начал просить его выпить принесенное мною лекарство, но он упорно стал отвергать мое предложение, уверяя, что он совсем не болен. Наконец, после многих убеждений, он согласился принять лекарство, однако с условием, если оно будет предписано доктором Драке. Напрасно я его уверял и старался доказывать, что я именно доктор Драке; он никак не хотел верить словам моим, утверждая, что я доктор С., который прежде лечил его домашних. Видя, что никак не могу его разуверить и вывести из такого забавного заблуждения, я тотчас прибегнул к хитрости, которая имела желанный успех; я взял шляпу, раскланялся, вышел из комнаты, так чтобы он мог это видеть, и через несколько минут вошел опять с большим шумом, причем все тут находившиеся со мною раскланивались, как с новопришедшим, и громко называли меня доктором Драке. Я подошел к постели больного, взял его

за руку и был им тотчас признан за доктора Драке, несмотря на то что за несколько минут он принимал меня за другого врача. Он стал мне рассказывать довольно связно, что его хотели обмануть, призвав, для пользования, доктора С., благодарил меня за посещение и очень охотно согласился выпить лекарство, которое прежде никак не хотел принять от меня, когда я ему казался другим человеком. Вскоре потом лекарство мое стало действовать и умственное затмение больного миновалось».

Пьянство также производит род бреда (delirium tremens). Один солдат, находясь в таком состоянии, принимал пользовавшего его врача за своего вахмистра, которого, вероятно, очень боялся. Один ремесленник в подобном припадке садился с ложкою в руке за стол, на котором лежала раскрытая книга. Эту книгу он принимал за блюдо с кушаньем и прилежно черпал из нее ложкою, приговаривая притом, что рыба очень неприятна для вкуса. Один молодой человек, недавно женившийся, приходил в исступление каждый раз, когда он замечал нежные ласки между мужем и женою, потому что в каждой чужой жене воображал видеть свою собственную. Одна дама, подвержен-

ная частым истерическим припадкам, сидела беспрестанно подле окошка, и как скоро замечала на небе какое-нибудь красивое облачко, то, принимая его за воздушный шар, начинала кричать из всех сил: «Гарнерень! Гарнерень! Возьми меня с собою!» Один кавалерийский офицер, примечая на небе массу скопившихся облаков, воображал видеть в них отряд войска, отправленного Наполеоном в Англию по воздуху для высадки. Часто люди, страдающие расстройством умственных сил, собирают бережно и хранят тщательно каменья, битые стекла и прочее, принимая их за алмазы, жемчуг, разные драгоценные камни и редкие произведения природы. Часто больные этого же рода принимают тени за настоящие и действительные существа. Некто, одержимый ипохондриею, в припадке болезни схватил палку и, начав колотить ею по полу между стоявшей в комнате его мебели, добрался до гостиной, где в это время были у него гости. Бросаемые на пол мебелью тени он принимал за мышей. За этими-то незваными гостями бегал он с палкою из угла в угол, стуча ею по полу под находившеюся в комнатах мебелью, и, разумеется, чем более он бегал и колотил по полу, тем обманчивее для него была игра света

и теней, происходившая от отражения горевших в комнате свечей. А как тени от скорого движения его беспрестанно переходили с места на место и казались ему множеством мышей, то и полагал он выгнать их из комнаты стуком своей палки и крайне сердился, не видя успеха в своей работе. Один больной не хотел пить никакого вина, потому что отражавшееся в бутылке изображение врача его он принимал за своего брата, который будто бы спрятался в бутылку, что и поселило в нем опасение проглотить брата. Одна молодая дама, находившаяся в помешательстве, часто отказывалась вовсе от пищи, уверяя иногда, что кушанье набито иголками, которыми она может подавиться...

Однако пора кончить это длинное письмо. Если бы мы жили в нежном, остроумном веке Демутье и Эмилии, я бы к этим обманам зрения присоединил описание другого действия глаз и насказал бы вам тысячу нежностей и учтивостей. Но мы живем в веке холодном, положительном, и теперь, чтобы занять вас, я смело делаю выписки из медицинской книги и знаю, что вы за это на меня не посетуете. В будущем письме поговорим о представлении в наших глазах несуществующих предметов. Обещаю вам много страшного...

Письмо четвертое

Я бы теперь должен описать вам, графиня, те обманы зрения, которые известны под именем галлюцинация, и которые наиболее подавали повод к рассказам о привидениях. Но, может быть, вы спросите меня: чем могу я вас уверить, что привидение было действительно лишь обман зрения?.. Вопрос довольно затруднительный. Часто подверженный галлюцинации рассказывает о своем видении так живо, так вероподобно; иногда его можно уличить в явном обмане, например как Паскаля, который беспрестанно думал, что возле него пропасть; но бывают случаи, где поверка нашими собственными глазами не может иметь места, например, когда рассказываемое происшествие, утверждаемое многочисленными свидетелями, случилось в отдаленном от нас времени или месте; иногда же, увы, мы должны умолкнуть просто от недостатка наших сведений. Разумеется, многое, что теперь нам кажется чудным, непонятным, подверженным сомнению или полному отрицанию, будет делом понятным и обыкновенным для наших потомков, точно так же, как чудесное и невероятное для древних — ныне для нас принадлежит к числу вещей самых обыкновенных. Один из замечательных людей

нашего времени, защищая свою промышленно-поэтическую теорию, выходившую из пределов возможного, и которая ныне сделалась добычею истории, говорил: «Положим, что в век Августа кто-либо изобрел порох и компас, скрыв свое изобретение, в продолжении двадцати лет трудился бы над его усовершенствованием, и наконец дошел до того, что мы ныне называем артиллериею, минами; вообразим, что изобретатель предстал бы тогда пред знаменитых людей августова века, держа в одной руке пороховой патрон, а в другой компас, и произнес бы следующую речь: «Мм. гг! Этим черным порошком можно переменить всю тактику Александра Македонского и Юлия Кесаря; этим черным порошком я могу взорвать на воздух Капитолий (посредством мины), за версту разрушить городские стены (бомбы и проч. т. п.), в одну минуту обратить весь Рим в развалины (взрывом большого количества пороха), на расстоянии 500 шагов истребить все римские легионы (артиллерия), уравнять силы самого слабого воина с силой самого сильного (ружье), наконец, с помощью этого черного порошка я могу носить в кармане гром и молнию (карманный пистолет); при пособии же сего другого орудия (компаса) я могу напра-

вить ход корабля, как днем, так и ночью, как в тишь, так и в бурю, терять берег из вида и не справляться с звездами».

Нет сомнения, что умные Меценат и Агриппа, выслушав такую речь, сочли бы оратора сумасшедшим, а между тем в этой речи нет ни одного слова, которое бы ныне не относилось к предметам самым простым и обыкновенным. Таковы и мы в отношении к нашим потомкам. Сколько таких явлений, которые ныне нам кажутся невероятными, но которые, может быть, действительно происходили, и которые отвергает лишь наше гордое невежество! До открытия электричества, вероятно, благоразумные люди считали вздором — рассказы о пламени, появляющемся иногда наверху мачт, которое древние назвали Кастором и Поллуксом; рассказы об искрах, являвшихся на железном шпице, не помню, какой-то горы, и служивших для окрестных жителей предвещанием бури; до изобретения термометра и гигрометра сколько раз, может быть, деревенская помещица, занимавшаяся пряжею, бранила своих прях, зачем иногда пряжа гладка, а в другое время шершава, и причисляла — (вероятно, и до сих пор причисляет) — к сказкам уверения работниц, что в сухую погоду пряжа шерша-

вится. Теперь все это понятно и не должно возбуждать ничьего удивления.

Нет сомнения, что многие из таких явлений, которые мы ныне приписываем суеверию и предрассудкам, некогда войдут в разряд самых обыкновенных. Вы верно слыхали о знаменитом графе Сен-Жермен; много рассказывается о нем пустого; но нет сомнения, что этот знаменитый шарлатан обладал большими для его времени сведениями; если почесть девяносто девять из всего рассказываемого о нем ложным, то все останется одна сотая происшествий, которые могли случиться, и которые между тем не объяснены. Вспомните, что Робертсона, которого фантасмагория и гальванические опыты ныне так известны, за тридцать лет считали не в шутку колдуном, несмотря на то что он обыкновенно начинал свои представления объявлением, что он не колдун, а только естествоиспытатель. Что было бы, если бы он выдавал себя за колдуна? Граф Сен-Жермен, напротив, любил окружать себя таинственностью, но почти нет сомнения, что он знал много такого, чего и ныне мы не знаем. Явления так называемого животного магнетизма для нас теперь если не ясны, то явны. Вообще, вся жизнь этого человека заслуживает больше внимания, нежели

как то обыкновенно полагают. Вот вам один из мало известных о нем анекдотов, но имеющий почти историческую достоверность:

В начале XVIII века жил в Париже человек очень богатый, по имени Дюма; в том источнике, из которого я почерпаю это сведение, означены подробно его звание, улица и дом, в котором он жил; я почитаю здесь излишним входить в эти подробности. Семейство Дюма состояло из сына и дочери; сверх того, в доме находилась работница, заведывавшая домашним хозяйством.

Дюма за его богатство обвинили, по тогдашнему обычаю, в магии и сношении с духами; этот слух наиболее подкреплялся тем, что у Дюма в верхнем этаже дома находилась комната, откуда хозяин наблюдал звезды и вычислял, по правилам астрологии, влияние звезд на судьбу рожденных под тем или другим созвездием. Многие приходили к нему за этого рода сведениями.

Каждую пятницу, ровно в три часа после обеда, Дюма уходил в таинственную комнату и запирался на замок; вслед за тем, каждую же пятницу слышались на улице тяжелые шаги огромного мула, который останавливался у ворот волшебного дома. Этот мул мог бы почесться красивейшим животным в свете, если

бы на левом боку не имел широкой кровавой раны отвратительного вида. На этом муле сидел человек, не уступавший ему ростом и дородством, гордый и важный видом; но на лбу его видны были три столь красные живые рубца, что их можно было принять за раскаленные уголья; по крайней мере так всем казалось, ибо при виде страшного всадника проходящие отворачивались и закрывали глаза.

И всадник и его мул, в течение тридцати лет (Дюма было девяносто лет) являлись по пятницам постоянно, и никто не знал, откуда они приезжали, ни куда отправлялись; потому что если и следили за ними, что случалось довольно часто, их теряли всегда из вида в окрестностях кладбища Des Innocens. Всадник, приезжая к Дюма, оставлял мула на дворе непривязанным; сам же, без доклада, отправлялся в верхнюю комнату, отпирал, не постучавшись, дверь, внутри и снаружи обитую железом, и запирался с хозяином на час времени; потом сходил один, садился на мула и уезжал во всю прыть. Дюма выходил гораздо позже, уже к вечеру.

Такие поступки возбудили различные толки в соседстве. Сын Дюма был уже не молод, ему было около пятидесяти лет. Каждый год собирались женить его, а между тем он все

оставался холостяком, как равно и сестра его в девках, которой уже было сорок пять лет, и которая была, по словам кумушек, большая ханжа, зла, и любила сплетни.

Сам Дюма пользовался необыкновенным здоровьем. Ни немощи, ни морщины не обличали его старости; он был проворен и силен; говорили даже, что он постоянно пользовался благосклонностью нежного пола, и в околотке ходило множество о нем на этот счет анекдотов; даже в сем отношении он считался человеком очень опасным.

В одно утро, тридцать первого декабря 1700-го, в среду (заметьте, не в пятницу), около десяти часов, послышались поспешные, тяжелые шаги большого мула. Дюма случайно находился в своем кабинете. Незнакомец сошел с мула, по обыкновению, без доклада явился пред тем, кто вероятно не ждал его вовсе, потому что, при виде незнакомца, старик вскрикнул с ужасом. Между ними поднялся спор; оба говорили горячо; спор длился. Наконец, таинственный ездок вышел из комнаты, и мул помчал его с такою быстротою, что соседи утверждали, будто не могли следовать за ним глазами.

Когда старик Дюма сошел в свою очередь, дети насилу могли узнать его. Это не был уже

прежний сильный и крепкий старик: смерть была запечатлена на его лице бледном, холодном, изрытом морщинами; глаза потухли. Он объявил сыну и дочери, что не станет обедать с ними, и вскоре изъявил желание возвратиться в свою тайную комнату; он не мог уже взобраться туда один, и сын и дочь должны были взять его под руки и встащить по лестнице, по которой, казалось, он бы не мог и сойти без помощи. Ему заметили это, и он приказал прийти за ним в четыре часа. Сын, по приказанию Дюма, запер дверь снаружи и взял ключ с собою.

Что происходило в этой комнате, неизвестно. В четыре часа в комнату сына вошел какой-то проситель, имевший дело до его отца; сын попросил его помочь ему свести старика вниз; отперли дверь, вошли — комната была пуста: Дюма исчез.

Все поиски были тщетны. Призвали архитекторов, каменщиков, столяров, плотников, печников, осмотрели и обшарили все углы и стены комнатки, но не нашли никакого следа потаенного выхода, и самые деятельные розыски полиции ничего не могли открыть в этом необыкновенном похищении. Тогда подозрение пало на детей Дюма. Они роздали большие суммы, чтобы доказать свою невин-

ность, и тот и другая умерли, не получив никакого сведения об участи отца своего. С тех пор ездок, в течение тридцати лет еженедельно посещавший старика, не являлся более; мало-помалу все это дело забыли. Между тем воспоминание о нем не совершенно изгладилось, и вот что случилось пятьдесят лет спустя: маршал Виллльруа, весьма наклонный к суеверию, часто рассказывал своему царственному воспитаннику Людовику XV разные повести о духах и привидениях. Первые впечатления дитяти никогда не изглаживаются. Сделавшись королем, Людовик XV слушал с удовольствием подобные рассказы, и даже не отказывался от вызывания духов.

В числе страшных историй, которые в молодости наиболее нравились королю, рассказ о скрывшемся Дюма наиболее поражал его. Он любил вспоминать об этом происшествии и наблюдал, какое действие оно производит на слушателей. Однажды король рассказал его в присутствии графа Сен-Жермен. Граф вызвался найти развязку истории Дюма и объяснить подробности, оставшиеся неизвестными. Маркиза Помпадур слышала этот разговор, приняла участие в предложении графа и упросила короля дозволить ему открыть таинственные происшествия. Прочие

собеседники пристали к ней, и граф должен был исполнить свое предложение.

«Сейчас, ваше величество, — сказал он, поклонившись, — прошу только десять минут срока». Тогда с большим хладнокровием он стал чертить линии, писать разные алгебраические и астрологические фигуры и тщательно рассматривать; не прошло десяти минут, как он обратился снова к королю:

«Ваше величество! — сказал он. — Работники и мастеровые, искавшие следов Дюма, или были подкуплены лицами, которые хотели скрыть это дело, или они знали свое ремесло очень плохо. Вот что происходило в одном углу комнаты подле входа; одна половица была подвижная и скрывала лестницу, которая обходит все комнаты; на конце лестницы род погреба; сюда отправился Дюма, приняв напиток, который возвратил ему силы; но здесь, выпив сильный прием опиума, он заснул и не проснулся более».

«Поэтому злой дух посещал его?» — спросил король. «Ваше величество, — отвечал граф, — я не могу поднять последней завесы, закрывающей эту тайну, не подвергаясь, в противном случае, величайшим опасностям».

Король замолчал и не стал более расспрашивать графа; но г-жа Помпадур, более любопытная, сообщила начальнику полиции открытие графа, прося его немедленно учинить новые разыскания на месте. Начальник исполнил ее волю, что явствует из дела, найденного в архивах полиции. Нашли подвижную половицу, лестницу, подземелье, и в последнем, посреди множества астрологических и химических инструментов, труп Дюма, еще покрытый одеждою. Он лежал на земле; подле него находились черепки разбитого агатового сосуда и хрустальной склянки; на одном из черепков последней сохранились еще следы опиума.

Во Франции носились слухи, что развязка этой истории была придумана маркизой Помпадур и главным начальником полиции, для забавы короля. Предположение более странное, нежели самое происшествие; развязка так многосложна, соединена со столь многими физическими затруднениями, что подлог мог легко обнаружиться, слух о том дойти до короля, а такой обман не мог представить никакой выгоды ни начальнику полиции, ни самой маркизе. Впрочем, если это предположение и справедливо, то все останется непонятным, куда девался старик Дюма. Верьте,

или не верьте этому рассказу, графиня, но на всякий случай заметьте, что в этом происшествии прекрасный предмет для самой страшной повести.

Письмо пятое

В последнем письме, графиня, я вам рассказал происшествие, при нынешнем состоянии наших сведений необъяснимое. Но, может быть, скажут: это происшествие, отделенное от нас целым веком, не должно обращать на себя внимание и служить достаточною причиною для обвинения нашего века в невежестве. Но вот вам другое происшествие, случившееся два или три года тому назад, описанное людьми, доныне существующими и заслуживающими полную доверенность. Сие происшествие тем более обратило на себя мое внимание, что его пытались объяснить доныне известными законами природы, и что хотя некоторая часть таинственной завесы приподнята в сем случае, до какой степени — судите сами. В 1837 году, г. Лэн, известный английский писатель, проведший лет семь в Египте, издал книгу «An Account of the Manners and Customs of the Modern Eqyptians». Вот некоторые отрывки из сей книги вместе с замечаниями ученых издателей «Quarterly Review».

Черная магия, эта собственность или, лучше сказать, эта вечная и непроницаемая тайна египтян, сохранившая доселе свое существование на Востоке со времен фараонов, была постоянно предметом исследований и тщательных наблюдений ученых путешественников всех веков и всех наций. Тщетно многие из них пытались проникнуть в этот чудный, загадочный, туманный мир; тщетно любознательный мир их блуждал около непроницаемых стен сокровищниц восточной мудрости: тайна осталась тайною, и чары египтян не перестают доселе изумлять не только людей суеверных, но и самых опытных, благоразумных, холодных.

Г. Лэн упоминает о многих случаях, которых он был очевидным свидетелем, и после которых он остался вполне убежденным в действительном существовании этих чудных чарований, так же точно, как и капитан лорд Прюдо (Prudhoe), майор Феликс и Салт (Salt), бывший в Египте консулом, и многие другие. Все они принесли дань изумления сим древним, доныне необъяснимым таинствам.

Выписываем несколько строк из упомянутой книги Лэна.

«Несколько дней после моего первого приезда в Египет, г. Салт сильно возбудил мое

любопытство рассказом об одном обстоятельстве, касавшемся до магии. У него пропали кое-какие вещи; как он подозревал людей своих в покраже, то, чтобы застращать их и тем заставить самого вора сознаться, г. Салт послал за знаменитым чародеем Мугреби. Чародей объявил, что он покажет точное изображение человека, укравшего его вещи, какому-либо отроку, какого выберет сам консул. Позвали одного из мальчиков, работавших в то время в саду. Чародей начертил пером на ладони правой руки ребенка какую-то диаграмму, в середину ее налил каплю чернил и приказал мальчику пристально смотреть в эту каплю. Потом маг сжег какие-то благовония и несколько лоскутков бумаги, исписанных волшебными знаками; в то же время стал называть различные предметы, повелевая им являться в капле чернил. Мальчик действительно объявил, что он видит все те вещи, наконец, и изображение виноватого: мальчик описал подробно его рост, фигуру и одежду, и сказал, что он его знает, бросился прямо в сад, и показал на одного из работников; работника привели к консулу, и вор в ту же минуту сознался в своем проступке».

Это открытие не имело бы большой важности в глазах наших,— продолжают изда-

тели «Quarterly»,— если б на этом и остановилось могущество так называемого мага: мальчик был соседний, он знал работника, и потому мог знать, что он ворует,— все-таки это любопытно; но несравненно любопытнее обстоятельство, которое вслед за этим рассказывает г. Лэн. Решившись видеть своими глазами все, что он слышал от г. Салта, он обратился к переводчику, находившемуся при британском консульстве, с просьбою: привести шейха Абдель-Кадера-эль Мугреби, на которого, казалось, снизпала магия древних магов времен фараонов, и которого имя знакомо всякому, кто читал прелестную сказку «Мугреби-волшебник».

Предварительные чары, состоящие в сжигании ароматических веществ и кориандра, разумеется, должно почитать пустяками, точно так же, как и жжение лоскутков бумаги, исписанных различными заклинаниями, каковы, например, «туршун туриушун», имена, как говорил маг, знакомых ему духов.

На этот раз мальчик был взят из толпы фабричных, возвращавшихся в то время с работы, и следственно не мог иметь предварительного сообщения с старым магом. Когда были сделаны все приготовления, сопровождаемые различными таинственными движе-

ниями, маг пробормотал несколько невнятных слов, и потом, обратясь к мальчику, спросил Мугреби, значит западный человек,— рожденный в Марокко или, по большей части, в Мавритании — стране мавров. В этой области, где находились большие школы магии, до сих пор занимаются кабалистикою с необыкновенным рвением. Зам. изд. «Quarterly» его: «видит ли он что-нибудь в чернилах?» Мальчик ответил «нет»; но спустя минуту мальчик затрепетал и как бы испугался: «Я вижу,— сказал он,— человека, который метет землю». — «Когда он отметет, скажи мне», продолжал маг. Вслед за этим мальчик отвечал: «Он кончил». Тогда маг снова, прервав свое бормотанье, спросил у мальчика: «знает ли он, что такое значит флаг?» и на ответ его «знаю» велел ему произнести, не отвращая глаз от чернил: «Принеси флаг». Мальчик исполнил его приказание и вскоре сказал: «Он принес флаг». — «Какого он цвета?» — спросил волшебник: мальчик отвечал «красного». Велено было потребовать другой флаг; исполнив это, мальчик вскоре объявил, что человек принес другой флаг, и что тот был черного цвета. Таким образом было велено потребовать третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой; и мальчик объявлял, когда

они показывались, именуя цвет каждого, как то: белый, зеленый, черный, красный и синий. Потом волшебник спросил его: «Сколько флагов перед тобою?» — «Семь», — отвечал мальчик. Когда это все кончилось, маг положил в жаровню второй и третий лоскуток бумаги, на которых были начертаны заклинания; насыпал еще благовоний семени кориандра; густой дым, поднявшийся с угольев, был нестерпим для глаз. Когда мальчик описал все семь являвшихся ему флагов, волшебник велел ему сказать: «Принеси султанскую палатку». Мальчик исполнил это и, спустя короткое время, объявил, что несколько человек принесли палатку, большую, зеленую, и что они ее раскидывают; потом он прибавил, что они сняли ее. Вслед за этим, по команде мага, мальчик вызывал в свое чернильное зеркало одни предметы за другими, как то: солдат с палатками, которые они разбили, а потом сняли и сами стали в ряды; за солдатами следовали четыре человека, тащившие быка, и трое других, которые погоняли его; потом быка убили, разрезали на части, положили мясо в печку и сварили; солдаты съели мясо и вымыли руки. После того явился султан; он ехал к ставке своей верхом на сером коне; голова султана была покрыта вы-

сокою красною шапкою; он подъехал к ставке и сел возле нее; ему подали кофе, и кругом его явились придворные. Мальчик явственно видел все эти предметы в чернилах, по мере того как он по повелению мага вызывал их.

Хотя этот мальчик был выбран самим г. Лэном, но все можно было подозревать, что между им и магом существовала какая-нибудь связь; что предметы, которые будто бы он видел в чернилах, ему вовсе не являлись, а что мальчик выучил их наизусть в условленном порядке. «Но мы совершенно убедились,— говорят издатели Quarterly,— что между ними не могло существовать подобного сношения». Дальнейший рассказ Лэна еще любопытнее:

«Маг спросил меня, не угодно ли мне будет приказать мальчику вызвать кого бы то ни было из моих знакомых, разлученных со мною или даже умерших. Я назвал лорда Нельсона, о котором мальчик, без всякого сомнения, никогда не слыхивал, ибо, после многих попыток, он едва был в состоянии произнести его имя. Маг приказал мальчику сказать султану: «Господин мой тебе кланяется и просит тебя, чтоб ты привел лорда Нельсона: покажи его взорам моим так, чтобы я мог его видеть; поскорей!» Мальчик исполнил

приказание и немедля прибавил: «Посланный ушел и воротился; он ведет человека, одетого в черное европейское платье: этот человек лишен левой руки». Потом промолчал минуты две, и, всматриваясь пристально и внимательно в чернила, мальчик прибавил: «Нет, он не лишен левой руки: она у него лежит на груди». Эта поправка придала более точности описанию; в самом деле, у лорда Нельсона рукав обыкновенно был пришпилен к груди; но не левая, а правая рука была у него оторвана. Не говоря, что подозреваю мальчика в промахе, я спросил у мага, так ли в капле чернил являются предметы, как обыкновенно они являются взору, или навыворот, так как в зеркале, где правая сторона становится левой. Маг отвечал, что они показываются как в зеркале, и потому описание мальчика было безошибочно.

«Другое лицо; которое я велел вызвать, был египетский уроженец, находившийся долгое время резидентом в Англии, где он носил европейское платье; задолго перед отъездом моим в Египет он захворал, и когда я оставил Англию, он все еще лежал больной в постели. Я думал, что имя его, слишком обыкновенное в Египте, может сбить с толка мальчика в описании, хотя другой мальчик,

в первом посещении мага, и описал весьма правильно то же самое лицо, сказав, что он носит европейскую одежду, и, судя по его описанию, она была похожа на ту, в которой я видел его пред моим отъездом из Англии. На этот раз мальчик сказал: «Вот человек, несомый на некоторого рода носилках и закутанный в простыню». Судя по этому описанию, надо было предполагать, что этот египтянин или все еще лежал в постели, или уже умер. Мальчик прибавил, что лицо его закрыто; маг сказал, чтобы он велел открыть его; мальчик исполнил приказание и сказал: «Лицо его бледно; у него есть усы, но нет бороды». Все это было совершенно правильно. Если предположить, по весьма естественному заключению, что, после обыкновенных вызываний флагов, шатров и султана, англичанину ближе всего пожелать вызвать герцога Веллингтона или лорда Нельсона, а французу — Бонапарте или маршала Сульта, и что для этого кудесник предварительно приготовил какое-нибудь описание этих знаменитых людей или по портретам, или по сведениям им собранным, то кудесничество мага покажется мало удивительным. Но вот что необъяснимо: присутствовавшие пожелали видеть Шекспира — и мальчик сделал точ-

ное описание наружности сего поэта. Как можно предположить, чтоб египтянин знал Шекспира? Ни маг, ни мальчик не имели, без сомнения, случая видеть ничего подобного сделанному описанию, верному и точному. Но и то могло быть, что кто-нибудь еще прежде просил волшебника вызвать великого поэта, и что на первый раз магия ошиблась; ибо, как говорит г. Лэн и другие, несмотря на все могущество волшебника, ему однако ж случалось делать промахи; неудачу он обыкновенно приписывал или неблагоприятной погоде, или глупости или летам мальчика, и пр.; в таком случае маг, дорожа своею славою и народностью, вероятно употреблял все средства, чтобы добыть где-нибудь изображение лица, в изображении которого он ошибался,— для избежания неудачи в другой раз. Хоть это предположение может быть допущено, но каким же образом могло быть передано это сходство портрета? — «Между магом и мальчиком,— говорит г. Лэн,— не существовало никакого заговора,— я в этом совершенно уверен, и потому что мальчик, исполнивший роль, которую я описал выше, был выбран в моих глазах между множеством других проходивших по улице и потому, что он отверг подарок, который я впоследствии

предлагал ему с тем намерением, чтоб он сознался мне, что он не видал в чернилах тех предметов, которые будто являлись глазам его».

Такая же история была и с другим мальчиком в нижеследующем случае. Конечно, можно предполагать, что живописные изображения или описания, где-нибудь добытые, могли дать магу точное понятие о некоторых известных лицах; но каким образом волшебник мог предварительно приготовить описание неизвестного человека, лежащего в саване, или, например, как объяснить следующий случай, более изумительный, нежели все вышеизложенное ?

«Один англичанин, присутствовавший при подобном гадании, насмехался над всеми этими чудесами и объявил, что он до тех пор не будет убежден в их действительности, пока не сделают ему вернейшего описания его отца, о котором, как он был совершенно уверен, никто из присутствовавших не имел никакого понятия. Мальчик, назвав, как водится, по имени требуемую особу, описал человека, в европейской одежде, с рукою, приложенною к голове, в очках, одной ногою стоявшего на земле, тогда как другая нога его была приподнята назад, одним словом, в положе-

нии человека, только что сошедшего со стула. Описание было совершенно верно во всех отношениях. Отец этого англичанина, постоянно страдавший головною болью, обыкновенно придерживал голову рукою; что же касается до его ноги, то она была повреждена после падения с лошади на охоте».

Тут уже не могло быть никакого предварительного сообщения между мальчиком и магом, а главное то, что и сам волшебник не мог иметь об этом предмете никаких сведений. Можно допустить, что мальчик действительно видел все, им описываемое; таким же образом и сам г. Лэн, если б он был на месте этого ребенка, мог видеть то же самое. Волшебник доказал это, приготовив однажды магическое зеркало из чернил на ладони одной молоденькой англичанки, которая, посмотрев в него немножко, сказала, что «она видит метлу, которая сама собою мела землю», и это ее так испугало, что она не хотела долее смотреть. Слушая рассказ (нигде ненапечатанный) лорда Прюдо и майора Феликса о чудных действиях египетского мага, мы полагали, что все эти явления были производимы посредством тайного сообщения мага с мальчиком, так же точно, как то было с говорящей куклой-женщиной и с знаменитым игроком

в шахматы; но это мнение совершенно уничтожается рассказом г. Лэна. Впрочем, желая получить некоторые пояснения насчет предосторожностей, которые он принимал при сих таинственных явлениях, мы сделали г. Лэну несколько вопросов, как например, о месте действия, о том, внутри или вне дома проводили опыт; об обществе, которое при этом собиралось, толпилось ли оно около его или иначе; как он сам стоял относительно мальчика и мага, и многие другие вопросы, на которые он нисколько немедля и с подробностию отвечал нам. Действие, как видно, происходило в маленькой гостиной в 15 футов длины и десять ширины, и которую он описывает самым подробным образом, со всею ее мебелью и убранством; маг посетил его вечером. Лэн пишет: «Общество наше состояло из мага, мальчика, Осман-эфенди (переводчика при британском консульстве) и меня. В смежном кабинете никого не было, и туда нельзя было иначе попасть, как через гостиную. Я был один, когда явился маг. Он прямо сел на диван, и долго сидел, почти не шевелясь; единственные его приготовления были заклинания, которые он начертил на бумаге, и которые я тут же списал; потом велел он принести жаровню и благовоний. Я не сводил

глаз с мага во все время его действий. Я сел возле него по правую, Осман по левую сторону, а мальчик был поставлен против мага на скамейку; перед мальчиком была поставлена закрытая жаровня. Левой рукой маг держал его за пальцы правой руки, в которой были налиты чернила; в правой руке маг держал лоскутки бумаги и благовония, которые он по временам бросал на горящие уголья; он строго приказывал мальчику ни на одну секунду не отводить глаз от чернил во все продолжение действия. Заставляя мальчика вызывать какое-нибудь лицо, я с удвоенным вниманием наблюдал за магом и Османом. Последний,— я в этом совершенно уверен,— не намекал ни словом, ни знаком; да и к тому же лица, которых вызывал мальчик по моей просьбе, были ему неизвестны. Я принял все меры, чтоб он не имел предварительных сношений с мальчиком, и иногда даже случалось, что опыт не удавался, когда Осман мог иметь с ним какое-нибудь сношение. Короче сказать, нет предосторожности, которой бы я не взял в этом случае. Здесь еще необходимо упомянуть весьма важное обстоятельство, что мавританское наречие мага было мне гораздо понятнее, нежели мальчику. Это наречие нельзя назвать чисто мавританским: это была

какая-то смесь наречий книжного, мавританского и египетского, так что маг должен был переменять слова свои, для того, чтоб мальчик его понимал».

Итак, мы можем сказать, что участвовали в колдовстве только трое: маг, жаровня со всеми принадлежностями и мальчик; мы бы могли также принять чернила за четвертое средство чарования; но понятие, которое мы составили об этом действии, придает очень мало важности чернилам. Мы говорили, что волшебник мог иметь рисунки тех предметов, которые видел и описал мальчик; но каким образом сей последний мог видеть эти рисунки, когда ему было строго запрещено «отводить на одну секунду глаза свои от чернил в продолжении всего действия». Это самое изъясняет, между прочим, почему мальчик должен быть известных лет: слишком малый, он бы не умел объяснить видимые предметы; слишком взрослый — мог упрямиться, или, увлеченный любопытством, посмотреть и на то, что, может быть, ему и не следовало видеть. Нет сомнения, что хотя мальчик не видел рисунков, но видел предметы, на них изображенные, и видел их посредством отражения,— это доказывается превращением в магическом зеркале правой руки лорда

Нельсона на левую. Но, может быть, сам заклинатель без намерения допустил это. Признание мага г. Лэну, что предметы являются мальчику как в зеркале, может повести к некоторой разгадке этой тайны. Постараемся объяснить наше предложение: отражаемые предметы картины могли являться в вогнутом зеркале, прикрепленном, вероятно, где-нибудь к одежде мага, и скрытом в складках широкой и неуклюжей верхней его мантии; жжение благовоний, кориандра и лоскутков бумаги, от времени до времени повторяемое, должно было беспрестанно усиливать как жар, так и облако дыма под самыми глазами мальчика, куда и могли переходить все изображения, ибо г. Лэн говорит, что волшебник, жаровня и мальчик находились в одном направлении и могли иметь сообщение; так как первый держал крепко пальцы мальчиковой правой руки, то и мог, управляя им по произволу, наблюдать, чтоб фокус отражения упадал в магическое чернильное зеркало; а строгое запрещение мальчику подымать глаза было делано без сомнения с тем умыслом, чтоб не допустить его видеть то место, откуда проистекал луч отраженного света. Все эти штуки могли быть легко устроены так, что ни г. Лэн, ни Осман этого не подозревали и не

заметили, потому что они сидели за зеркалом, а действие, производимое этим зеркалом, известно всем. Сэр Давид Брустер (Bruster), в своих письмах о натуральной магии, говорит: «Вогнутое зеркало есть главный инструмент волшебника и всегда играет важную роль во всех оптических обманах; поверхность этого зеркала эллиптическая; если какой-нибудь предмет изображен в одном фокусе эллипса, то в другом фокусе этот предмет является в обратном виде и покажется зрителю, посаженному на известное место, висящим на воздухе, так что, если зеркало и настоящий предмет, отраженный в нем, скрыты от взора присутствующих, то явление это может показаться сверхъестественным. «Посредством этих-то зеркал,— говорит Брустер,— жрецы капищ языческих вызывали богов, и привидения являлись посреди дыма, подымавшегося с курений». Необыкновенные действия подобных заклинаний описаны знаменитым Бенвенуто Челлини, который сам был в одном из них участником: «Целые легионы духов,— говорит он,— явились, по повелению волшебника, посреди дымной атмосферы обширного покоя»; короче, посредством того же самого зеркала, несколько лет тому назад показывали в фантасмагории жителям Лондона

друзей их, разлученных с ними или умерших. Как же нам не предположить, чтобы уроженец страны, славившейся в древности своими заклинателями, не имел понятия о вогнутом зеркале?

Итак, полагаем, что мы успели приподнять несколько завесу этих таинств; но еще о многом мы не можем сделать никаких догадок. Мы не можем сделать никакого заключения о средствах, какие употреблял волшебник, чтобы произвести изображения лиц частных, не имеющих никакой известности, как то случалось в присутствии г. Лэна и лорда Прюдо. Нам остается только заметить, что тут воображение могло играть главную роль и весьма способствовать очарованию; но и эта мысль уничтожается, когда подумаем о характере тех лиц, которые были свидетелями этих чудес.

Прибавим к замечаниям ученых издателей «Quarterly», что курение само по себе могло играть значительную роль во всем этом представлении. Некоторые вызыватели духов прошедшего века, как открылось впоследствии, употребляли в курениях разные одуряющие вещества, которые могли всех присутствующих приводить в некоторый род помешательства. Когда-нибудь подробнее поговорим об этом любопытном предмете.

Критический подход (в рамках учения православной церкви)

В православных изданиях XIX-XXI веков мы также можем найти жизнеописания монаха Авеля. В некоторых из них монах-провидец изображен истинным христианином, настоящим подвижником, обладавшим пророческим даром и сильно пострадавшим от властей за свои предсказания. Некоторые источники называют его подвижником благочестия и даже именуют его «преподобным отцам». Но есть и другой, критический подход, базирующийся на более беспристрастном анализе исторических документов.

По воспоминаниям современников, монах Авель действительно предстает перед нами как истинный предсказатель-черноризец. Однако есть свидетельства и о так называемой «бесовской прелести» монаха.

Свои откровения Авель, как он сам пишет, получал «свыше», слыша голоса или видя ви-

дения. На допросе в Тайной экспедиции при первом аресте Авель заметил, что глас повествовавший ему о царствовании Екатерины Великой и Павла I, возможно, был «демоническим».

О странном характере полученных Авелем «откровений» высказывался и митрополит Санкт-Петербургский Амвросий. После беседы с ним 29 мая 1800 года он пишет в своем послании: «...Из разговора (с ним) я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынники даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

На несколько странное и необычное поведение Авеля в тюрьме Петропавловской крепости указывает и донесение коллежского советника Александра Макарова генерал-прокурору Обольянинову от 26 мая 1800 года.

Как известно, православно-аскетическая литература настаивает на том, что бесконтрольное, некритическое принятие на веру демонических видений и голосов и даже просто контакты с ними часто заканчивается для подвижника умоповреждением.

В качестве доказательства «умоповреждения» авторы критического подхода к лично-

сти монаха приводят следующие иллюстрации.

«1) Фрагмент из “Жития Дадамия” — это ничто иное, как изложение своей биографии, поскольку новое имя «Дадамей» по словам Авеля было дано ему “духом”, назвавшим его также “вторым Адамом”. Наличие фантастического бреда величия, переплетенного с еретическими искажениями веры — налицо. “Он (Дадамий) находится во всех твердях и во всех небесах, во всех звездах и во всех высотах, в самом существе в них ликуя и царствуя, в них господствуя и владычествуя”... после этого он “воцарится на тысячу годов”, и будет тогда “по всей земли стадо едино и пастырь в них един, потом мертвые воскреснут”.

2) Грустную картину смешения грубой ереси и бредовых построений человека, потерявшего чувствительность к логическим противоречиям, видим в тексте толкований Авеля на Книгу Бытия:

“В начале сотворены тверди и тверди, миры и миры, державы и державы, царствы и государствы, а потом и протчая вся: и творяша тако и размышляша девять годов сущих и два-десять и един духовных. В сущих годах вся размысли и вся расположи, а в духовных вся сотвори и вся утверди... Потом сотвори

человека и выше человека и выша во всяком мире человека; и число всех сотворенных человек, елико есть число всех миров: сотвори Богочеловека по образу своему и по подобию. Сотвори их мужа и жену, имя им положи: Гог и Магог, Адам и Ева; Гог и Адам муж есть: а Магог и Ева жена его; Гог и Магог прежде сотворен: а потом Адам и Ева сотворены. Гог и Магог и семя их до Адама жили на земли три тысячи и шесть сот годов; готова земля и всего рода его вся старая Америка и вся новая Америка. Адамова земля и всего рода его вся Азия и вся Европа и вся Африка — сия убо земля... Сам Гог и Магог жил на земле всех лет живота своего четыреста и два года и четыре месяца, потом умре и погребен бысть. Детей всех было у них сто и два десять и два, пол мужеской и пол женский; и жили они на земли всей жизни, как выше сказано двенадцать тыщ годов: житие их простое на подобие скотов и зверей. Закон им дан естественный, вся творяху по совести: но токмо сей род просветятся при конце века верою и благочестием. Потом же весь род готов и весь род адамов скончаются. А восстанут другие веки и другие роды, и будут тако жить всегда и непрестанно, и тому не будет конца, ей тако. Аминь".

Заметим, что согласно современной психопатологии такого рода тексты говорят о наличии тяжелого, т. н. парафренного бредового нарушения мышления...»

Вполне вероятно, Авель мог сознательно формировать у знакомцев своих образ себя как провидца-юродивого. Однако, как замечают авторы, «наличие подлинного юродства исключается наличием грубых еретических искажений учения Церкви, как в приведенных выше фрагментах, так и в других его писаниях».

Далее авторы приводят примеры лжепророчеств монаха Авеля, т. е. тех, которые не сбывались, хотя и давались именем Бога.

«1) В обоих вариантах автобиографии — в “Житии и страдания отца и монаха Авеля” и в тексте “Жизни и жития отца нашего Дадамия”, написанных им самим, имеется точное указание на то, что Авель-Дадамий должен прожить 83 года и 4 месяца». Однако согласно архивным исследованиям документов Спасо-Ефимиевского Суздальского монастыря, дата смерти Авеля 1857 год. То есть он прожил 74 года.

2) Генерал-прокурор князь Куракин в письме на имя императора Павла I писал о том, что митрополит Санкт-Петербургский

Гавриил упрекал Авеля за его предсказания о своем будущем архиерействе.

3) Согласно протоколу допроса в Тайной экспедиции от 5 марта 1796 года, Авель показывал, что ему были открыты “гласом, яко боговидцу Моисею” следующие подробности: “Егда воцарится сын ея (Екатерины Великой) Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его вся земля Турецкая, и сам султан, и все греки, и будут они его данники; а 2-е, скажи ей, егда сия покорена будет и вера их лжива истребится, тогда будет единая вера и един пастырь по всей земле, тако бо есть писано в Священном Писании. ...Посемже иди и рцы смело Павлу Петровичу и двум его отрокам, Александру и Константину, что под ними будет покорена вся земля”. Этого не случилось...

4) Во время этого же допроса в Тайной экспедиции от 5 марта 1796 года Авель письменно свидетельствовал о том, что сын Екатерины Павел “восстанет” на нее...

И это “пророчество” не исполнилось.

5) В протоколах того же допроса зафиксировано, что Авель особенно настаивал на “божественности” предсказания о том, что “процарствует мати его (Павла I), Екатерина Алексеевна, всемилостивейшая наша

государыня 40 лет: ибо так мне открыл Бог”. Однако годы ее царствования с 1762 по 1796, то есть всего 34 года царствования.

Некоторые православные авторы обвиняют монаха Авеля в ереси.

В качестве доказательств они ссылаются на следующие факты.

«Согласно донесению об Авеле генерал-поручика Заборовского графу А. Н. Самойлову от 19 февраля 1796 г., “сделан был ему допрос, но без великого успеха, кроме темного показания о некоем еврее Феодоре Крюкове, которого Авель признавал Мессиею и которого он видел в Орле”. При допросе, осуществленном несколько ранее преосвященным Павлом, епископом Костромским и Галичским, Авель называл себя “предтечей Гоговым”. Епископ Павел также свидетельствовал о вере Авеля в уже состоявшееся пришествие ожидаемого иудеями Мессию в лице некоего еврея Феодора Крюкова и о путешествии его для свидания с Крюковым в г. Орел. Епископом Павлом взгляды Авеля были оценены как ересь.

Заметим, что среди творений, сочиненных Авелем, находилась таблица «Планет человеческой жизни».

«Очевидно еретический характер имеют вышеприведенные его комментарии ветхозаветной истории происхождения человечества. Очевидно — грубое повреждение догмата о первородном грехе. Эсхатологические пророчества Авеля также расходятся с православной традицией — налицо хилиастические идеи в разных вариантах. Взгляды монаха Авеля на происхождение человеческого рода и грядущие судьбы человечества напоминают некоторые талмудические предания».

Предсказания Авеля были непосредственно связаны с политической жизнью страны. Есть мнение, что сам он был связан с масонами, в частности имел личное знакомство с обер-прокурором А. Н. Голицыной, известным масоном. На тесную связь Авеля и А. Н. Голицына указывал и известный церковный историк М. В. Толстой. Он же приводит и такой удивительный факт: «При кончине в распоряжении крепостного крестьянина Василия Васильева (монаха-нестяжателя Авеля), проведшего значительную часть жизни в казематах и тюрьмах, оказалось составляющим 10,5 тысячи рублей ассигнациями. Эту сумму Авель пожертвовал перед смертью на устроение нового иконо-

стаса в церкви Св. Николая в Спасо-Ефимиевом монастыре и на нужды монастыря». (Для сравнения: годовое жалованье профессора Московского университета в 30-е годы XIX века составляло 300 рублей в год.)

Этот же автор приводит и неблагосклонный отзыв об Авеле и его предсказаниях св. Филарета Московского: «Митрополит Филарет по поводу последнего предсказания Авеля писал от 25 апреля 1829 года своему викарию Иннокентию из Петербурга между прочим следующее: “Слух о предсказателе в Серпуховском монастыре, без сомнения, относится к известному Авелю, который там был, но который в 1826 году за то, что, как говорили, предсказывает, заключен в Спасо-Ефимиев монастырь, где и доныне остается. Жаль, что вы сего не знали, и не сказали, кому следовало”. Затем уже от 2 мая 1829 года Филарет писал: «Возвращаю вашему преосвященству переписку о предсказательной молве. Благодарю, что вы хорошо развязали сей узел. Одно не худо бы прибавить, что Авель уже сидит под надзором».

Далее, авторы делают следующее заключение: «Вышеизложенные факты говорят о том, что жизнь Василия Васильева (монаха Авеля) вряд ли может быть оценена как

жизнь подвижника благочестия. Перед нами почти неоспоримые свидетельства о лжепророке, пребывавшем в демонической прелести, вера которого характеризовалась грубыми искажениями догматического характера. Мы также имеем косвенные свидетельства в пользу того, Авель со своими “пророчествами”, к которым относились с большим доверием в столичных светских салонах, мог быть в той или иной степени ангажированным в большие политические интриги своего времени (возможно, в связи с деятельностью масонов), — слишком политизированным был характер его “пророчеств”. В этом ключе становится объяснимым таинственный источник его огромного богатства. Существующий в настоящее время образ Авеля как православного подвижника-монаха и истинного пророка о судьбах России, присутствующий в том числе и в православных изданиях, представляется нам не соответствующим фактам, реально имевшим место в прошлом. Остается только удивляться, в силу чего все эти факты, доступные для широкого читателя на протяжении более чем столетия, традиционно игнорируются теми, кто пишет о прорицателе-Авеле».

16+

ПРОРОЧЕСТВА АВЕЛЯ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Редактор *Т. Аксенова*
Корректор *О. Смушко*
Верстка *Е. Посадовой*

Подписано в печать 24.09.14.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Журнальная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 7,1.
Доп. тираж 2006 экз. Заказ № 2362.

Издательство «ТДЛ»
193036, г. Санкт-Петербург,
ул. Садовая, д. 28/30, корпус 7, пом. 3Н
Тел.: (812) 714-44-70, факс: (812) 571-26-25

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru